

Комитет по культуре и искусству
Администрации Курганской области
Курганская областная универсальная научная
библиотека им. А.К. Югова

ЧЕТВЕРТЫЕ ЮГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции
Курган, 21 марта 2007 г.

Курган
2007

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6 + 81.2Р
Ч - 52

Четвертые Юговские чтения : материалы межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 21 марта 2007 г.). – Курган, 2007. - 124 с.

Ответственный за выпуск С.Е. ЗОЛОТЫХ

Издание представляет собой сборник докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции «Четвертые Юговские чтения», посвященной 105-летию со дня рождения известного писателя, нашего земляка А.К. Югова; 95-летию образования Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А.К. Югова; Году русского языка.

В статьях сборника представлены материалы исследований, связанных с жизнью и творчеством писателя Алексея Кузьмича Югова, с вопросами филологии, фольклора, литературной жизни Зауралья.

Авторы сборника – известные ученые, доктора и кандидаты наук, аспиранты, краеведы, работники архивов, библиотек и музеев.

Материалы сборника печатаются в авторской редакции.

@ Курганская областная универсальная
научная библиотека им. А.К. Югова
2007

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Смирнова А.А.,
Московский государственный университет сервиса,
кандидат филологических наук, доцент

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУР В ДИЛОГИИ А.К. ЮГОВА «РАТОБОРЦЫ»

Язык... Слово человеческое! Какая другая сила в мире может сравниться с его безмерной силой... Каждый из нас знает, что слово, речь – устная или письменная – это необходимое средство общения между людьми, средство взаимопонимания, связи. Есть еще и особое слово – художественное. Тριάдой художественности являются «мыслеёмкость, точность и вещественность речи». Об этом не переставал повторять А.К. Югов, замечательный русский писатель XX века.

В художественной литературе язык выступает в особой, эстетической форме: используются образные возможности языка – звуковая организация речи, выразительно–образительные средства, экспрессивно–стилистическая окраска слова. Слово в художественном тексте двупланово: будучи единицей номинативно–коммуникативной, оно служит также средством создания образа.

Особенностью стиля художественного произведения является выступающий в нем «образ автора» («повествователя») – не как непосредственное отражение личности писателя, а как ее своеобразное перевоплощение.

Подбор слов, синтаксических конструкций служит для создания речевого «образа автора», определяющего весь тон повествования, своеобразие стиля художественного произведения.

Особое место в этом плане занимают стилистические фигуры. Остановимся подробно на риторических фигурах: риторическом вопросе, риторическом восклицании и риторическом обращении.

Название «риторические фигуры» в настоящее время сохранилось лишь за тремя явлениями стиля, относящимися к интонации:

1. риторический вопрос, не требующий ответа, но имеющий лирико–эмоциональное значение;
2. риторическое восклицание, играющее ту же роль усиления эмоционального восприятия;
3. риторическое обращение, рассчитанное на тот же эффект и не требующее ответ.

Умелое и целенаправленное использование автором риторических фигур придает эмоциональную экспрессивность и особое звучание

произведению, делает слово «мыслеёмким». Кроме того, эмоционально-экспрессивная насыщенность произведения риторическими фигурами ярко выявляет авторскую позицию.

Анализ структуры риторических вопросительных предложений выявляет, что одни из них включают в себя отрицательные частицы, у других они отсутствуют. Характерно, что риторические вопросы с наличием отрицательных частиц заключают в себе утверждение (позитивное), без отрицательных частиц - отрицание (негативное утверждение).

Рассматривая структуру риторических вопросов, важно обратить внимание на наличие в них собственно-вопросительных слов: частиц, местоимений, наречий. В составе риторических вопросов могут находиться и усилительные частицы. Нередко эти предложения представлены структурами как простых, так и сложных конструкций.

Интересны риторические вопросы с элементами устойчивой лексико-грамматической структуры, то есть своего рода фразеологизированные конструкции типа что же..., как не.

Часто при помощи риторических вопросов раскрывается внутренний мир тех или иных героев, психологическая, социальная обусловленность их поступков, действий, мыслей.

Обратимся к роману- дилогии А.К. Югова «Ратоборцы». Это произведение посвящено самому драматическому периоду нашей истории – Батыеву нашествию. В центре романа – образы великих подвижников земли русской Александра Невского и Даниила Галицкого.

А.К. Югов мастерски использует изобразительно-выразительные средства языка, включая стилистические фигуры, для того чтобы читателя перенести в далекий XIII век.

Читая роман, мы знакомимся с домашним бытом наших предков, приметами, верованиями, играми, потехами. Вот мы попадаем в г. Владимир на княжескую свадьбу и узнаем о богатстве и разнообразии русской кухни. Это передано риторическим вопросом:

«И диву даешься – чего только не было на столах?!»¹

Первая часть стилистической конструкции этого вопроса – информация, а вторая – как бы содержит внутренний вопрос - утверждение; экспрессивность создается благодаря сочетанию *чего только не* (местоимение, ограничительная частица и отрицательная частица).

А говоря о «стонах» европейских государей, земли которых находились далеко от Батыева царства, писатель с горькой иронией задает риторический вопрос:

«Что же тогда говорить о Руси, которая была рядом?!» (с. 191)

1. Югов А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Совет. Россия, 1985. С. 213 (в дальнейшем будут указываться страницы этого же издания).

Здесь использованы элементы устойчивой лексико-грамматической структуры – вопросительное местоимение *что* и частица *же* в безличном инфинитивном предложении, которые придают вопросу эмоционально-экспрессивную насыщенность.

В таком же плане можно рассматривать и лирическое отступление о русских березках: «Как бы задыхаясь и вскинув к небу в скорбном бессилии белоснежные руки свои, стояли русские березки. – Да что же это? Да докуда же это будет твориться вокруг нас?! – словно бы кричали безмолвно они. – А русские, русские, где же наши?!»

В данном примере риторические вопросы создают определенный смысловой фон: природа как бы предчувствует гибель тысяч владимирцев в предстоящем бою.

Риторические вопросы построены так: начинаются с вопросительных слов (*что? докуда?*), которые усиливаются частицами *да* и *же*, а в последнем вопросе экспрессивность создается путем инверсии и повтора, а вопросительное слово *где* с частицей *же* находятся в середине предложения.

Тема суровой жизни русского народа звучит в отдельных сценах, репликах и предложениях в главе, где описывается свадьба князя Владимирского. Вспомним, чем невеста, дочь князя Галицкого, привлекла сразу внимание владимирцев и так расположила к себе. Это в романе выражено в авторском риторическом вопросе:

«Как было не встречать светлым словом ту, которая от самого страшного голода – от соляного – одним только приездом своим уже избавила землю Владимирскую?! Дубровка принесла в приданое соль». (с. 290)

И опять же автор диалогии использует в риторическом вопросе элементы устойчивой лексико-грамматической структуры – фразеологизированную конструкцию *как...не*, входящую в состав безличного инфинитивного предложения. Риторический вопрос, включая отрицательную частицу, выражает утверждение (позитивное).

Тема бесконечной жалости к простым людям отзовется в нашем сердце перед убийством пастушка Олешки. Она усилена риторическим вопросом. Далее идет ответ, но не на риторический вопрос, а уточнение – синоним на входящее в состав вопроса сочетание существительного с притяжательным прилагательным «пастушья свирель»:

«Стоял полдень... Завтра – Борисов день. Престольный праздник в Духове. Девки будут упрасивать и всячески улаживать: «Сыграй ты, Олешенька, сыграй ты, млад отрок, какую хочешь песенку, а мы хоть поплачем...» И дальше – авторское отступление – риторический вопрос:

«Есть ли что на свете жалостнее, и чище, и прозрачнее, чем бережно-заунывный звук пастушьей свирели? Жалейкой недаром звали ее в народе: жалеет она человека».

Риторические восклицания выполняют такую же функцию, как и риторические вопросы, но имеют свою структуру построения и интонационную оформленность.

Традиционно, по-гоголевски звучит риторическое восклицание о владимирских, совсем юных, еще не бреющих бород воинах, о безумном горе их матерей: «Растерзают свои светлые ризы владимирские боярыни-матери простоволосые, станут выть, станут биться о землю, прося у нее хотя бы на единый, на краткий миг остывшие тела сыновей, - да только не развернется черная пазуха... всепоглощающей матери - земли!» (с. 343)

Экспрессивность риторического восклицания усилена и инверсией, и однородными сказуемыми, и противопоставлением, и образными эпитетами и метафорами, и, естественно, определенной интонацией!

Риторические восклицания у Югова несут большую смысловую нагрузку.

Встреча Александра Невского и Даниила Галицкого на Волге символична, так как Волга для русского человека – особая река. И авторское восклицание:

«Так вот где встретились по-настоящему Мономаховичи, одного деда внуки!» - дает простор читательским размышлениям. Основное логическое ударение падает на частицы и относительное слово *где*. Где? Только здесь, на русской Волге, встретившись, князья могли понять друг друга.

Подобная же структура использована автором диалогии и в таком риторическом восклицании:

«Так вот он каков, этот старший Ярославич, вблизи – гроза тевтонов и шведов!»...

Если в предыдущем вопросе смысловое ударение падает на относительное местоимение *где*, то в этом предложении главное слово *каков* указывает на характеристику Невского, выраженную двумя распространенными приложениями.

Подчас голоса героя и автора как бы сливаются в риторических восклицаниях.

Вот князь Галицкий пребывает на родину из Орды, добившись невозможного. Он ликует вместе с воинством и народом:

«Пусть за Карпатами слышат! Пускай и до венгерской долины докатится... Это он – Галича и Волыни обладатель – возвращается к народу своему, держа в горсти у себя союзные татарские полки!» (с. 136)

Частица *пусть, пускай* в риторических восклицаниях не содержит повелительности, а служит для выражения мощи, гордости, веры героя и автора в будущую победу. Это усилено еще и распространенным приложением, в котором не последнее место занимает инверсия (он – Галича и Волыни обладатель).

Иногда авторская оценка того или иного явления выражена в небольшом по объему восклицании.

Так, Невский, подъезжая к городу Владимиру, видит, как на лугу на солнце девки-бабы «рдеют своим девьим, бабьим нарядом, словно рябиновый куст». И, говоря о народных обычаях, автор восклицает:

«Любит русская женщина веселый платок!» (с. 165)

Восклицание построено на инверсии, а акцент сделан на глаголе, который стоит в предложении на первом месте.

Для юговской диалогии характерно использование в лирических отступлениях одновременно риторических вопросов и восклицаний. Вот автор размышляет о значении сказки в жизни русского человека:

«Сказка, сказка!... Да скорее без хлеба как-нибудь пробьется русский человек, а отыми у него Сказку – и затоскует, и свет ему станет не мил, и засмотрит в сторону! Да и как ее не любить – сказку! пускай хоть ноги у тебя в колодках, и в порубе сидишь земляном, к стене на цепь прикован, и завтра на провеж тебе, на дыбу, под палача, а коли не один ты в темнице...» (с. 240)

Риторический вопрос приобретает особое звучание благодаря сочетанию усилительных частиц *да* и *как не...* Безличность риторического вопроса придает ему обобщающий характер.

Риторические восклицания могут начинаться с вопросительных слов, по форме напоминая риторические вопросы:

«Какие вечера это были! И о чем, о чем только не переговорили они!... Сколько раз Дубравка заставляла то одного, то другого из братьев рассказывать ей и о битвах с немецкими рыцарями, и о Невской битве...» (с. 303)

Тема опасности для Руси западной экспансии выражена в риторическом вопросе-ответе:

«Кабы татары одни! А то ведь татары – это... только таран!... И он уже было успокоился этот таран! А кто же снова подымает его на нас? Кто его раскатать вновь хочет? Папа! Рим!...» (с. 226)

Этот отрывок состоит сплошь из риторических фигур: два риторических восклицания, два риторических вопроса, в которых экспрессивность усилена повторением слово *кто*, и два слова, заключающие лаконичный ответ.

Таких примеров можно привести большое количество. Вот Александр Невский обращается к мальчику Гриньке, будущему своему лекарю:

«Нашествие батыево!... Да разве тебе понять, что творилось тогда на Русской Земле?! Одни ли татары вторглись! То была вся Азия на коне!...» (с. 226)

Риторические восклицания и вопрос-ответ в данном примере слиты в одно структурное единство.

В русском языке существуют различные стилистические разновидности обращений: обращения-метафоры, обращения-метонимии, обращения-иронии, обращения-повторения, обращения-присловья, обращения фольклорные, обращения архаические.

Нас интересует обращение как риторическая фигура. Оно служит не столько для называния адресата речи, сколько для того, чтобы выразить отношение к тому или иному объекту, дать его характеристику, усилить выразительность речи.

В юговской диалогии много риторических обращений, связанных с темой города. И это не случайно.

Древнерусские города были главной защитой населения, они выполняли функцию крепости, особенно в военные времена.

Говоря в целом о городе, автор заканчивает риторическое обращение как бы гимном Новгороду, который не подчинился татарам, отдавшись только данью:

«Город, город! Быть может и Афины, и Рим, и Спарта, эти древние республики- города, и могли бы поспорить с тобой, но только где уж, в каком городе-государстве был еще столь гордый, на полях сражений в лицо кидаемый возглас: - кто против Бога и Великого Новгорода?!» (с. 370)

Здесь гармонично сочетаются все риторические фигуры: и вопрос, и восклицание, и обращение.

Подобным образом построено и риторическое обращение к карпатскому городу Ярославу, вспоминаются история и трагические страницы из жизни этого города:

«Город Ярослав – Владимиром Киевским Великим ставленный город в честь и во имя его Ярослава на левом берегу мутнотекущего Сана на отрогах и увалах Карпат. Город – сторож! Знал про это Данило Романович! Всякий раз подымал он и сызнова отстраивал многократно дотла чужеземными полчищами уничтоженный город!» (с. 12)

А риторическое обращение к Киеву, к Днепру и его притокам, наполненное грустью и гордостью, переходит в риторическое обращение ко всему русскому народу:

«Киев! – золотого кимвала звоном прозвенело дивное слово!...

Киев! – матери городов русских! Днепро Слоутичю! Почайна, Лыбеди и Глубочица!... Князь задумался... Народ русский! – люди, потрясающие секирой на правом плече, народ, архонты которого именуются – Ярославы, Ростиславы и Звениславы...» (с. 47)

Киевская тема продолжится и в других риторических обращениях, например:

«Переяславль – золотое оплечье Киева! Страж земли русской, заградившей Злому Полю ворота, просторы, где богатыри полегли русские, - их же именует народ: люди божие, хоробры». (с. 48)

Тема города, выраженная риторическими фигурами, дается автором широко: это и риторические вопрос и восклицание о стенах Киева, и риторические обращения – характеристики, касающиеся каменного и деревянного строительства на Руси.

Христианство, проникнув в сознание народа, бесспорно, оказало мощное воздействие на последующее развитие русской культуры, быта, но не затронуло национальные корни. Эта мысль звучит в авторском риторическом обращении к Владимирским соборам:

«Каменная Библия Руси, тесаная наша Илиада», «Слово о полку Игореве», пропетое камнем! Вот они высются на голубизне неба, белокаменные соборы Владимира – и Георгиевский, и Успенья, и Дмитрия Солунского, покровителя всех славян... Русь победила Византию!» (с. 201)

Еще задолго до принятия христианства у восточных славян существовала монументальная архитектура из дерева.

И опять же риторическое восклицание дает возможность автору подробно рассказать о русском деревянном зодчестве:

«Русская красавица изба с ее резными из дерева полотенцами, серьгами, подвесками... все это не погибло – отнюдь нет!... под тяжестью мраморной Византии, но дивно сочеталось с цареградской Софией и с храмами Индии!» (с. 202)

Русь заслонила Европу от Батыева нашествия. Тяжесть этого гнета легла на плечи русского народа. Глубину народных страданий автор передает в риторическом восклицании-обращении, выраженном метафорой: «О Русская Земля!», которое повторяется многократно в диалогии. Этот рефрен из «Слова о полку Игореве» выражает беспредельную печаль, скорбь, страдание русского народа! В то же время это и скорбь самого автора.

Иногда риторические восклицания служат заключительным аккордом в главах или в главках.

Вспоминая далекое прошлое, Александр Невский мысленно переносится в годы своей юности:

«Детство, детство!... сколько побоищ учинили, сколько крепостей построили из дерна!... Ну и поколачивал же он сверстников!» (с. 284)

Удивление, восхищение с небольшим оттенком иронии выражено с помощью риторических фигур: повторяющееся риторическое обращение, риторические восклицания также с повторяющимися относительными местоимениями, междометие *ну*, которое усиливается союзом *и*.

«А когда сделался туман как редкая кисея и пробрызнуло солнце, то река оставалась уже позади: Даниил бродом перевел войско на ту сторону Сана.

«Быть грому великому!» (с. 24)

А говоря о дипломатической хитрости Даниила Галицкого в стане Батя, автор закончил главку:

«Яблоко Париса докатилось и ударило в цель!» (с. 96)

А вот Даниил Галицкий торопится от Батя домой, и главка заканчивается такими словами:

«Рвался под полозьями, взвизгивая под копытами крепкий снег. За версты было слышать, как дерет полоз многоконного галицкого поезда матерые переславльские снега!...

Пламень-тройка!» (с. 122)

Итак, риторические фигуры в исторической диалогии А.К. Югова «Ратоборцы» выполняют важную идейную нагрузку. Пожалуй, нет в произведении ни одной проблемы, которая не была бы затронута в риторических вопросах, восклицаниях и обращениях.

Из приведенных выше примеров мы видим, что, кроме лирических отступлений автора, риторические фигуры являются средством создания многих художественных образов.

Риторические фигуры помогают писателю создать особый стиль: публицистика гармонично включается в художественную ткань романа, придавая ему высокие, патетические тона, которые созвучны чувствам гражданина-патриота.

Примечания

1. Югов А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Совет. Россия, 1985.
2. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000.
3. Введение в литературоведение. М., 1999.
4. Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998.
5. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1995.

Михащенко А.Л.,
Курганский государственный университет,
кандидат педагогических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ А.К. ЮГОВА «ШАТРОВЫ»

Писатель-историк Алексей Югов дал точные, яркие, а порой и гротескные характеристики российским историческим персонажам. На страницах романа «Шатровы» содержатся описания царя Николая II и

его брата Михаила Александровича, политического деятеля А.Ф. Керенского и великого князя Николая Николаевича, историка и вождя кадетов П.Н. Миллюкова, монархистов Пуришкевича и Родзянко, проходимца Григория Распутина. Внешний вид, характер и манеры исторических личностей Югов раскрыл в определенных жизненных ситуациях.

В январе 1916 г. российский самодержец прибыл в Царское Село на открытие Государственной думы. В соответствии с традицией Николай II совершил молитву благоговейно и сосредоточенно с чувством меры благовоспитанного человека. Он был чрезвычайно бледен, а губы его подергивались. Иногда, сам того не замечая, царь дотрагивался рукой до ворота гимнастерки, словно он ему был тесен. После молитвы Николай II обратился к членам Государственной думы. Из его горла, сдавленного волнением, с большим трудом выходили приветственные слова, а иногда и вообще речь пресекалась. Югов пишет: «Заметно было как вздрагивала левая его рука, сжимая фуражку и перчатки. Правая, как бы в легкой ритмической судороге, нет-нет да и схватится за широкий пояс».

На открытие думы царь пришел вместе с братом Михаилом Александровичем, одетым в черкеску с золотыми генеральскими погонами. Это был высокий, стройный, длиннолицый, тщательно выбритый моложавый человек. Но Михаила старила узкая лысина, проле́гшая среди головы и еще больше удлинявшая его лицо кавказского типа. Он тоже крестился, но реже, чем царь и как бы парадно, в силу необходимости.

Писатель-историк А. Югов дал развернутую характеристику главы Временного правительства А.Ф. Керенского, очень похожего на самозванца Гришку Отрепьева. У того и у другого одна и та же прическа – «ерошкой, наглаватым этаким бобриком». Лицо обрито наголо, босое, как говорили в старину. Оно как будто вытянутое, но в то же время одутловато надменное. Нос у обоих самозванцев крупный, ядреный как налиток, которым ребятишки разбивают бабки при игре в кости. У Керенского набухшие темные мешочки под глазами и резко обозначенная носо-губная борозда. А в целом, «лицо изношенное, серое: говорят кокаинчику прихватил премьер!».

Глава правительства, по описанию Югова, человек непоседливый и словоохотливый, будучи верховным главнокомандующим он со своей свитой носился из конца в конец всего Юго-Западного фронта, выступая в полках, дивизиях и корпусах. В своих страстных речах Александр Федорович призывал, заклинал, стращал окопных солдат, настраивая их на героическое наступление «во имя чести, во имя верности благородным союзникам». Народ окрестил

Керенского главноуговаривающим, вымогающим у солдат крови и жизнью. При выступлениях новый самозванец доходил до экстазов. Александр Федорович кликушествовал, вопил, трагически трясаясь, мог разразиться рыданиями, упасть на колени перед согнанной на митинг воинской частью, целовать землю, умолять солдат наступать во что бы то ни стало.

Герой романа «Шатровы» некто Кошанский повествует об одном из выступлений Керенского в театре, характеризуя его как непревзойденного оратора. В ходе двухчасовой речи иногда от сказанного бегали мурашки по спине, закипали слезы, в ложах слышались всхлипывания. Генерал Вочак, ненавистник Керенского, весь трясся в рыданиях. «Жена известного миллионера, – пишет Югов, – сорвала со своей шеи драгоценное ожерелье и бросила его на сцену: как своё пожертвование на армию!».

Писатель-историк дает краткую, но яркую характеристику предшественника Керенского великого князя Николая Николаевича. Он являлся верховным главнокомандующим русской армии в первой половине войны 1914-1918 гг. Это был грозно-неистовый старик-самодур, седоголовый и сухопарый, великаньего роста, с маленькой головой, скорый и крутой на расправу, умевший навести леденящий ужас на весь офицерский корпус и генералитет. Своим бездарным, хотя и мнимо-властным командованием Николай Николаевич ухитрился «уложить в кою пору лучшую в мире кадровую русскую армию».

В романе приведено описание внешности вождя кадетов П.Н. Милюкова, мешковатого интеллигента в золотом пенсне. Он имел слегка распушённые усики. Историк и археолог Павел Николаевич был «человеком рассудочным, дьявольски упорным, дотошно трудолюбивым». На заседании Государственной думы он сидел чуть отвалиясь, закинув ногу на ногу, легонько пощипывая усишки. Своими маленькими серыми глазками Милюков спокойно рассматривал наиболее активных членов законодательного форума.

Одним из них был Пуришкевич, представленный Юговым как слуга престола, человек порывисто-вертлявый. Его голова была похожа на голый череп, а черная бородка напоминала метелочку. На сухом, заносчиво вздернутом носу с вывернутыми ноздрями размещалось пенсне. Член Государственной думы Пуришкевич во время своего эмоционального выступления цепкой, сухой рукой схватил с трибуны стакан с водой и запустил его в лидера кадетов Милюкова. Подобные стаканобросания и другие выпады на заседаниях Государственной думы мы наблюдаем и сейчас, почти сто лет спустя. После бешеной речи и под бурные аплодисменты Пуришкевич ринулся с трибуны. Он сжимал

кулаки, был «бел лицом как смерть, и пронесся между рядами к выходу, все еще в конвульсиях и взмахах рук».

Несколько строк в романе автор посвятил М.А. Родзянко, председателю Государственной думы. Михаил Александрович имел слоноподобную фигуру с большой головой, коротко остриженными волосами. При обращении с ответным словом к государю «в голосе Родзянко пробилась слезы», отразившие верноподданничество председателя.

В романе «Шатровы» приводится описание Григория Распутина, одиозной личности периода разложения Российской империи. Писатель-историк краткими и точными определениями дал объективную характеристику «этой чудовищной фигуры». Распутин - простой тюменский мужик, распутный и полуграмотный, не раз битый за конокрадство. Он глуп, туп и дурак. Однако, как пишет Югов, перед этим распутным тупицей и конокрадом стоял на коленях сам царь-самодержец, целуя ему руку и принимая от Гришки благословение. Подобную процедуру совершила и императрица всяя Руси, мать пятерых детей. Она коленопреклоненно лобызала лапищу Распутина, заведомого блудника и неопрятного сорокалетнего проходимца, «с ногтями в черной каемке грязи, в наряде гитариста из цыганского хора!».

В первой Государственной думе постсоветского периода, да и в правительстве были персонажи достойные объективно-гротескного пера Югова. Оценку современным личностям сделает время и будущие писатели-историки.

Туболова Е.Н.,
ГУ «Государственный архив общественно-
политической документации Курганской области»,
главный специалист

МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСКИ А.К. ЮГОВА В ГУ «ГАОПДКО»

В ГУ «ГАОПДКО» есть личный фонд Алексея Кузьмича Югова (6926). Среди имеющихся в нем документов особый интерес представляет переписка. Всего это 116 единиц хранения за 1942 – 1978 гг., из которых 2 дела составляет его переписка с издательствами, 58 – его письма, 55 – корреспонденция, адресованная ему. Для всех писем Югова характерна краткость, в основном это полстраницы печатного текста, очень редко – страница. Самое короткое адресовано москвичу

Михайлову Трофиму Васильевичу и состоит из 16 слов, самое длинное, направленное в секретариат правления Московской писательской организации, – из 7 печатных листов. География его адресатов очень широка: от Москвы до Томска, от Петрозаводска до Николаева, от Белорусской ССР до Дагестана. Наряду с известными крупными городами в списке присутствуют и такие как Бежецк (Калининской обл.), Топки (Кемеровской обл.), п. Вожаель (Коми АССР), Асбест (Свердловской обл.). Особое место в переписке занимает Зауралье. 21 единицу хранения, а это 18 % всех дел, составляют письма Алексея Кузьмича, адресованные в Курганскую область. Чаще всего их получали в Кургане (11 чел.), Кургамыше (4), Шадринске, селах Каминское, Кетово, Каширино и р.п. Юргамыш.

Состав адресатов, которым писал Югов, также весьма интересен. В основном, это писатели (8), краеведы (6), поэты (6), журналисты (6). Хотя были среди почитателей таланта Югова физик и художник, инженер и секретарь, профессор и ученица 9 класса. «Глубокоуважаемый Алексей Кузьмич! Я незнакомый вам человек, но очень хорошо знаю Вас как литератора и глубокого знатока и ценителя русского слова...», - такими словами начал свое письмо Югову Р.С. Кузнецков из Харькова (1). «Я просто один из многочисленных читателей Ваших книг... «Судьбы родного слова» стали моим молитвенником...», - как бы продолжил диалог читателей с писателем кургамышанин Б.П. Рычков (2). «Большое, большое спасибо Вам за Ваш ценный дар – «Думы (о русском слове)», - писал Н.Т. Романченко, - В моей библиотеке стало одной хорошей книгой больше» (3). Следует отметить, что писем с подобным содержанием Алексей Кузьмич получал много, и, несмотря на его занятость, ни одно из них, не осталось без ответа. Даже незнакомому ему человеку он писал сам или, если был болен, просил свою супругу сделать это за него. К кому бы ни обращался Югов, его всегда отличал культурный вежливый подход и литературный язык письма. В том случае, если Алексей Кузьмич не знал человека лично, он обращался просто «уважаемый товарищ...». Письма неизменно начинались фразой «Дорогой...» и заканчивались душевным, что чаще, или дружеским приветом.

Тематика вопросов переписки была достаточно широкой. В ней, наряду с обсуждением истории, литературного процесса и творчества, языковедения присутствовали письма, авторы которых хотели получить ответ на небольшой детальный вопрос или поднимали для обсуждения неожиданную тему. Так, рязанец В.М. Новиков поинтересовался у писателя значением слова «кундубочка», а из ответа Югова на письмо К.П. Горшковой следует, что Алексей Кузьмич не только имел представление о том, что такое стенография, но даже прошел десять уроков и выработал для

себя способ писать каждое слово без отрыва пера от бумаги. Среди тем, неприятных для Алексея Кузьмича, – отношения, которые сложились у него с Московской писательской организацией и Литфондом. Чтобы понять причину, достаточно прочитать два письма, в которых писатель перечислил все свои достижения в области литературного творчества, чтобы доказать, что он обижен и обделен вниманием этих организаций абсолютно необоснованно.

Очень часто в корреспонденции, адресованной Югову, содержались просьбы прислать или помочь приобрести какую-нибудь из его книг, потому что выходили они редко и небольшими тиражами. На это писатель мог лишь посоветовать ждать их переиздания. Поэтому неудивительно, что друзья, которым Алексей Кузьмич дарил свои книги, выражали ему огромную благодарность за столь щедрый подарок. Среди писавших Югову, следует выделить и категорию людей, желающих найти себя в творчестве, будь то проза или поэзия. Кто-то планировал писать мемуары, кого-то привлекали новеллы, лирика и т.д. В письмах Алексею Кузьмичу они предлагали на рецензию свои произведения, просили помочь советом, посодействовать в публикации. Как следует из письма Виктора Пулькина из г. Петрозаводска: «Хотелось бы, чтобы эта моя первая книга попала к Вам – в добрые руки писателя и ценителя русской речи» (4). И, действительно, последний, в меру своих сил принимал участие в судьбе начинающих литераторов, давал характеристику, указывал на сильные и слабые стороны. Так журналисту Д.М. Романову из Тульской области он предложил прислать что-нибудь для печати в журнале «Наш Современник». Весь присланный материал Алексей Кузьмич передал в редакцию, сопроводив его хорошим отзывом, а автору написал: «Я полагаю, однако, что рассказ в данном виде еще не рассказ: нет в нем «ударной» и неожиданной, хотя и закономерной концовки. . . Истинная новелла здесь у Вас еще не состоялась. А язык хорош и зарисовки людей простые и хорошие» (5). Если сам он не занимался каким-то литературным жанром, то старался показать материал людям знающим и по возможности договориться с издательством о печати. Иногда в письмах Югову встречались предложения написать о ком-нибудь статью, главу нового произведения или просто рассказать о своих творческих планах.

Многое связывало Югова с его родиной, особенно это прослеживается в переписке с зауральцами. Вот, например, что писал он Михаилу Даниловичу Янко: «Горжусь, что и я – курганец. Но, увы, и этим летом не бывать мне на самой прекрасной реке в мире (а это, как вы знаете, Тобол): нету запасных частей у мотора, именуемого: сердце! Всегда радуюсь, когда кто-либо из тоболян вспомнит меня. Когда бываю в книгохранилищах, то непременно читаю и «Советское Зауралье». Во многих письмах Алексей Кузьмич передает приветы

землякам С.С. Глебову, С.С. Сухачевскому, А.А. Баевой, П.З. Кочегину и другим. Их поддержка была для Югова очень весомой. В 1969 г. он писал: «Мне отраднo, что родные мои тоболяне единомыслят со мною. И – не землячества ради, а истины!». Писатель благодарил зауральцев за помощь и считал каждый свой успех вкладом в курганскую копилку. Югов настолько скучал по родным местам, что повесил у себя в доме картину курганского художника В.И. Илюшина «Караульное озеро». Кроме того, вода из Тобола хранилась у него в стеклянном запаянном кубе, стоявшем на книжной полке. «Родной край – Зауралье, Тобол – на всю жизнь – в моей крови, в моем сердце, в моей памяти. И люди моего родного края! Очень бываю рад и взволнован, когда встречаю сверстников-земляков... Слуховая память моя четко воспроизводит родную речь, вплоть до оттенков. Говор тоболянина, курганца я узнаю сразу», - признался Алексей Кузьмич в 1974 г. (6). Во всех письмах и открытках, адресованных землякам, Югов писал о своем огромном желании приехать к родным берегам Тобола и встретиться с теми, кто его помнит. Надо заметить, что долгожданная встреча состоялась и еще более укрепила связь Югова с Зауральем.

В отдельное дело объединены письма работников музеев, краеведов и юных следопытов Курганской области. С писателем поддерживали связь следующие музеи: декабристов, депо Курганской Южно-Уральской железной дороги, Куртамышский и Курганский областной краеведческие музеи. Из переписки можно получить сведения о жизни и творчестве Югова и работе музеев.

Не забывал писатель и о том, что был некоторое время практикующим врачом и знатоком лекарственных трав, а потому вполне мог позволить себе в письме выражение «пользуюсь предлогом – поврачевать» (7), за которым следовал медицинский совет. Так, Григорию Ивановичу Зарубину он порекомендовал бороться с язвой желудка с помощью сока, полученного из листьев подорожника. Проанализировав почерк автора письма, Югов заверил его в том, что склерозом он не страдает, а значит необходимо продолжать принимать литинол и витамин В, а также совершать ежедневные прогулки. Григорий Иванович поблагодарил писателя за советы и обещал непременно ими воспользоваться, но, начав курс лечения, вынужден был его тут же завершить, так как последовало ухудшение состояния здоровья. Несмотря на такой неожиданный эффект, читатель не обиделся на Алексея Кузьмича, а, напротив, написал ему следующее: «В добавление к множеству Ваших способностей, Вы обладаете удивительным даром сказать вовремя доброе, ласковое слово, которое право же, часто бывает много мощнее любого сильнодействующего средства». И действительно в доказательство тому добавил, что долго

не мог написать потому, что «... перепутал две цифры – забыл, что мне 71, а не 17 и нагружился в сентябре общественной работой сверх всякого предела и своих возможностей» (8).

Надо заметить, что и читатели беспокоились о состоянии здоровья Алексея Кузьмича. Узнав о том, что он болен, и искренне желая помочь ему поправиться, они приводили в письмах свои рекомендации. Некоторые из них были весьма любопытны. Например, в 1970 г. Борис Павлович Рычков из Куртамышша по своему опыту (болел воспалением легких 4 раза) дал Югову два простых в приготовлении рецепта средств, которые помогали ему самому. В составе первого бутылка коньяка, 10 лимонов и 3 килограмма меда. Полученное средство необходимо было применять по стопке 2-3 раза в день. Хорошо влияет на аппетит и прогревает. Второе средство еще более нетрадиционное – кипяченая водка со сливочным маслом. Состав надо было довести до кипения, остудить и пить по 100 граммов 3 раза в день, стараясь не обжечься. К сожалению, из переписки не удалось установить, воспользовался ли Югов этими средствами, и помогли ли они ему.

Так или иначе, но о собственном состоянии здоровья и душевном настрое Алексей Кузьмич писал часто и весьма образно. По этим фразам из года в год можно узнать о его самочувствии как физическом, так и творческом. Любимая фраза Югова о своем здоровье не лишена чувства юмора. «Я на коне» означало: чувствую себя прекрасно, полон сил, в противном случае он писал «согласно паспортному возрасту». Работы было очень много, и писатель переживал о том, что ему не хватает времени, чтобы осуществить все задуманное, поделиться с людьми всем накопленным. Мешали, конечно, и болезни, но Югов не сдавался. Как писал он в декабре 1969 г.: «Из недугов аз, многогрешный, как будто выкарабкался. И – снова на коня: «Покой нам только снится!» (9). Даже перенеся инфаркт и многие приступы, он не считал себя вправе оставить свой труд. Врачи строго следили за тем, чтобы больной соблюдал все их предписания. Поставленный в столь жесткие рамки, Алексей Кузьмич в письме литератору-краеведу Евгению Василевичу Осокину описывал свое положение следующим образом: «...Сквозь недуги к письменному столу! – так вот и живу. Многое задумано. Успеть бы! Успеть бы!.. «Зарежимлен». Мудрые врачи помогают» (10). Судя по этим фразам, Югов старался использовать каждый час, желая во что бы то ни стало выполнить неотложное, пока «несметные сокровища русского языка не истлели в сундуках «диалектологов» и «фольклористов» (11). Но, надо отметить, что даже в сложной ситуации чувство юмора и оптимизм не покидали Югова. Так, в 1974 г. он пишет: «...расстроен «главный мотор»! «Эликсира же молодости» нет, – все еще в мечтах человечества!» (12). А год спустя, допускает в письме следующую фразу:

«Молодой человек! Берите пример с меня, старика! И инфаркт был, и аритмия мерцательная, и без дигоксина жить не могу, а вот же, в час добрый сказать, и тружусь и воюю!» (13).

Работая, борясь с недугами, переписке Югов уделял тоже достаточно много времени. Анализируя корреспонденцию, которая поступила на хранение в архив, можно сказать о том, что наиболее интенсивным периодом эпистолярного творчества писателя стали 1969–1975 гг. Наибольшим объемом характеризуется переписка Югова с А.М. Топоровым (48 писем), В.П. Бирюковым (37), Н.Ф. Рубцовым (34) и В.И. Гусевым (37). Самая длительная из них велась на протяжении 18 лет с 1960 по 1978 гг., а самая интенсивная – шла в течение 3-х лет с 1975 по 1978 гг.

Интересен тот факт, что с одним из своих соратников в борьбе за русский язык писателем Адрианом Митрофановичем Топоровым Югов не был знаком лично. Несмотря на то, что они переписывались в течение 18 лет (с 1960 по 1978 гг.), встретиться друг с другом им так и не удалось. Но это не помешало им стать хорошими друзьями, ведь их объединяло общее дело, в ходе реализации которого они добились полного взаимопонимания и поддержки. «Как всегда мы были рады Вашему письму, - писала Ольга Ивановна Югова в апреле 1977 г., - Ваши письма всегда вдохновенные и сердечные». Да, два этих человека настолько почувствовали себя родственными душами, что делились друг с другом мыслями и чувствами буквально обо всем: здоровье, текущей работе, планах, публикациях, успехах и трудностях. Не случайно Алексей Кузьмич обращался к Топорову не иначе, как «друг вы мой задушевный, хотя и все еще заочный, глубокочтимый Адриан Митрофанович!». Каждую книгу Югова Топоров прочитывал с карандашом в руках, отмечая все опечатки, повторы и прочие мелкие недостатки, о чем сообщал автору. Алексей Кузьмич отвечал: «И не знаю, как благодарить Вас за столь тщательное прочтение: 345 помет! Эдак бы вот все редактора и корректора нам помогали!». Очень часто в письмах появлялись строки, полные негодования в адрес тех, кто покушался на богатства русской речи. Так, в 1963 г. Югов писал о том, что Чуковский выступил в «Литературной газете» со статьей, смысл которой: не надо говорить леденцы, а давайте говорить монпансье. Писатель возмущен: «Но не могу же я на всякое чихание здравствовать! Но ужо доберусь!». Весьма любопытен стиль писем, обилие в них старорусских слов. Например, Алексей Кузьмич начинал свое письмо фразой «Дорогому, глубоко чтимому собрату, Адриану Митрофановичу – здравствовать!» или «радоваться» и объяснял такое приветствие влиянием древнерусских и церковнославянских памятников литературы. Сожалея о том, что не поздравил Топорова вовремя, Югов пишет: «Для телеграммы время было опоздано». В одном из писем Алексей Кузьмич сообщает Топорову следующее: «...вышла книжка-сборник, где и Вы, и «аз многогрешный», с

«парсуною», получили свою страницу...» (14). Под сочетанием «аз многогрешный» Югов имеет в виду себя, а «парсуною» называет фотографию. Отправляя писателю свое фото, Топоров сопровождает его следующими словами: «Питаю тайную надежду, что Вы, дорогой Алексей Кузьмич, «отомстите» присылкой Вашего фотоизображения. Хочется взглянуть на ваш лик» (15). Последнее письмо датировано 1 августа 1978 г., в нем Ольга Ивановна сообщила Топорову, что муж болен.

Не менее тесная переписка завязалась у Югова с писателем-краеведом Владимиром Павловичем Бирюковым. Впервые увидев статьи за подписью Югова, узнав, что это его земляк, Бирюков захотел встретиться с писателем. Обмен письмами начался в 1962 г. и оборвался со смертью Владимира Павловича в 1971 г. В общей сложности за этот период отправлено 37 писем, из которых 12 – Югова. И пусть все они по объему небольшие, в силу постоянной занятости автора, но тем не менее душевные, полные интереса к жизни и творчеству Бирюкова. А начинались они всегда одним и тем же обращением «Глубокочитимый Владимир Павлович». Письма Бирюкова, напротив, настолько подробны, что по ним легко можно проследить все повороты его жизни, вплоть до расписания одного дня. Кроме того, они демонстрируют хорошее чувство юмора. Так, он пишет «... Существует три возраста: молодой, средний и «как вы хорошо выглядите». Полагаю, Вы чувствуете, что я отношусь к третьему...» (16). Несмотря на возраст, Бирюков до самых последних дней жизни, а умер он на 83 году, продолжал активно работать в созданном им Уральском архиве литературы и искусства и просил Алексея Кузьмича не писать ему в предпраздничные дни, чтобы сберечь свое и его время.

Весьма объемна и продолжительна переписка Югова с ученым Николаем Федоровичем Рубцовым. Началась она в декабре 1962 г. и длилась до марта 1977 г. На каждое небольшое (на полстраницы, страницу) письмо Алексея Кузьмича Рубцов писал подробнейшие многостраничные ответы. В этих письмах анализ произведений Югова, таких как «Судьбы родного слова», «Ратоборцы», «Шатровы», «Страшный суд», перевод «Слова о полку Игореве». Писатель был очень благодарен ученому и писал: «Только удивляюсь, как все-же достает у Вас, при специальных трудах Ваших времени и внимания отзываться на языковедческие вопросы». От него же узнал Югов о смерти Бирюкова. Причем, Николай Федорович заметил следующее: «Здоровье у него (Бирюкова) было – дай бог всякому. До самой смерти зимой и летом он ходил без шапки!» (17).

После поездки в Зауралье у Югова завязалась переписка с заведующим партийным архивом Курганского обкома КПСС Василием

Ивановичем Гусевым. Благодаря ему, Юговы были в курсе событий в Кургане. Из 20 писем можно было узнать очень многое о партийной, хозяйственной и культурной жизни города и Зауралья в целом. Обо всем, начиная с проведения партийных конференций и пленумов, сева кукурузы и пшеницы, зимовки скота, деятельности Т.С. Мальцева и Г.А. Илизарова, и, заканчивая выходом книг, статей и погодой. Часто, для расширения информации Гусев отправлял вместе с письмами номера газеты «Советское Зауралье». Например, посылая 31 мая 1976 г. газету с материалами пленума, Василий Иванович предупредил супругу Югова: «Дайте Алексею Кузьмичу только взглянуть на эту газету, но читать ее не давайте. Ему ни в чем нельзя перенапрягаться, его надо беречь пуще глаз» (18). Писатель очень был рад получить весточку из Кургана, он находил в письмах Гусева приятную и полезную для себя информацию. Так, отвечая на очередное послание, Югов пишет: «Ваши слова «С кормами трудно, но не угрожающе», - так освежили и обрадовали меня!» (19). Учитывая, что переписка велась в период с 1975 по 1978 гг. следует отметить, что автором большого числа писем была супруга Югова, т.к. он был болен.

Таким образом, переписка А.К. Югова представляет из себя весьма объемный и богатый материал, достойный стать объектом изучения для людей интересующихся биографией и творчеством Алексея Кузьмича, а также особенностями литературного процесса периода 1942 – 1978 гг.

Примечания

1. ГАОПДКО. Ф. 6926. Д. 144. Л. 1.
2. Там же. Д. 157. Л. 1.
3. Там же. Д. 154. Л. 1.
4. Там же. Д. 152. Л. 1.
5. Там же. Д. 97. Л. 1.
6. Там же. Д. 113. Л. 1, 3, 8.
7. Там же. Д. 78. Л. 1.
8. Там же. Д. 135. Л. 10, 12.
9. Там же. Д. 81. Л. 1.
10. Там же. Д. 92. Л. 4.
11. Там же. Д. 99. Л. 9.
12. Там же. Д. 87. Л. 1.
13. Там же. Д. 86. Л. 1.
14. Там же. Д. 109. Л. 1, 7, 22, 24, 26, 39, 50, 52.
15. Там же. Д. 165. Л. 16.
16. Там же. Д. 124. Л. 10.
17. Там же. Д. 155. Л. 57 об.
18. Там же. Д. 132. Л. 21.
19. Там же. Д. 75. Л. 2.

КУЗЬМА АЛЕКСАНДРОВИЧ ЮГОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Как известно, родные места по обе стороны Тобола А.К.Югов избрал основным местом действия для своей дилогии «Страшный суд». При ее создании писатель обращался к своей памяти, мысленно воскрешая реальные события и лица полувековой давности. Конечно, автор создавал не документальное произведение, а художественное. Тем не менее, будучи писателем-реалистом, он творил ткань произведения отнюдь не из одного художественного вымысла. Романист сплавлял его с подлинными событиями, которым в изображаемую эпоху ему довелось быть очевидцем либо о которых он слышал, не говоря уже об обращении его к историческим документам. А поскольку в подлинные события были втянуты живые, реальные люди, то для К.А. Югова эти люди служили прообразами (прототипами) героев его эпопеи. Таким образом, в капитальную конструкцию историко-революционной дилогии «заложены» действительные события, происходившие в Зауралье, и реальные люди, принимавшие в них участие.

Как представляется, именно так поступил Алексей Кузьмич, когда при описании семейства Шатровых он обратился непосредственно к семейной истории Юговых, черпая из нее отдельные черты и подробности, наделяя ими и перенося их на кого-либо из героев дилогии. Не случайно было подмечено: в облике молодого сына Шатровых – Володи – угадывается подросток Алеша Югов, уже тогда хорошо разбиравшийся в мельничном деле своего отца. Сам же Кузьма Александрович Югов, несомненно, послужил прототипом для создания образа Шатрова-старшего. Некоторые черты характера, внешнего облика, жизненной биографии К.А. Югова проступают с очевидностью в Арсении Тихоновиче Шатрове. Например, примечательная деталь во внешности последнего – «округлая шапка крупных, темно-русых кудрей над выпуклым, крутым лбом» - находит зримое подтверждение при взгляде на настоящего Кузьму Югова, каким он запечатлен на дореволюционной фотографии вместе с женой, в полном расцвете сил, и даже в более позднее время – на семейной фотографии 1930-х годов.

Стоит отметить, что Югов-младший не оставил нам сочинений чисто мемуарного характера. По крайней мере, в опубликованном наследии писателя воспоминаний о семье Юговых, собственном детстве и юности не имеется. Вплоть до начала XXI в. об отце, К.А. Югове, в печати упоминались самые скудные сведения и только в связи с биографией

писателя-сына. Так, сообщалось, что Алексей Югов родился в 1902 году в семье волостного писаря в селе (слободе) Каминском. Правда, вскоре К.А. Югов был скомпрометирован в глазах властей причастностью к какому-то политическому делу и был вынужден навсегда распрощаться со службой, став мельником-плотинщиком, т.е. от службы казенной перейти к частному предпринимательству. Писатель и краевед П.З. Кочегин уточняет, что «за активное участие в политических волнениях» смещение К.А. Югова с должности волостного писаря последовало в 1905 году.

Неоднократно повторяемые, эти сведения о Югове-отце в конечном счете восходят к Югову-сыну. Собственно, это почти все, что при жизни находил нужным сообщить писатель из жизненной биографии своего отца. Кстати, в дилогии эти сведения в несколько измененном виде получили отражение в биографии Арсения Шатрова. Так, свою политическую неблагонадежность тот обнаруживает в революционном 1905-м году. По словам автора, Арсений Шатров в ту пору – это «еще мало известный в городе мельник и маслодел, выходец из волостных писарей». Купец Сычов, наблюдающий дружеские отношения Шатрова с калиновским волостным писарем Матвеем Кедровым, мысленно замечает: «Видно, забыть не может, что сам когда-то из волостных писарей поднялся!» И хотя с 1905 года Арсений Шатров оказывается под негласным полицейским надзором, это не мешает ему за сравнительно короткий срок расширить свое предпринимательское дело и постепенно превратиться во «все набирающего и набирающего силу, да и удачливого урало-сибирского промышленника».

Если для Сычова только после свержения монархии становится ясно, кем же на самом деле являлся Матвей Кедров, то для читателей писатель не делает тайны. Из повествования им изначально известно, что Кедров – «бежавший из ссылки большевик, ведущий и здесь свою подпольную работу, и что это сам Шатров, через старые свои связи с одним из волостных писарей уезда, выправил ему, Андрею Соколову, чужой надежный паспорт, а через давнюю, домами, дружбу с земским начальником устроил волостным писарем в Калиновку». В последней узнается село Каминское, где Югов-старший вынужден был из волостных писарей заделаться мельником-плотинщиком. Положив начало своей предпринимательской деятельности, именно здесь он принялся ее расширять. Здесь же, в Каминском, он познакомился с волостным писарем и одновременно, так сказать, «по совместительству» с профессиональным революционером Михаилом Илларионовичем Соколовым-Быстровым. Литературоведы подтверждают (и тут, думается, не обошлось без собственных признаний автора), что он послужил одним из прототипов при создании образа Кедрова, а заимствование у Соколова-Быстрова его

настоящей фамилии в качестве подлинной фамилии Кедрова служит тому явным подтверждением. П.З.Кочегин утверждает, что отец писателя приложил руку к устройству Соколова-Быстрова каминским волостным писарем. Наряду с Кочегиным об их дружеских отношениях упоминает исследовательница юговского творчества А.А.Смирнова. Можно предположить, что К.А. Югов догадывался и о неявной, подпольной деятельности Соколова-Быстрова.

И все-таки, говоря о Кузьме Александровиче Югове, хотелось бы из области предположений, каких-то параллелей с литературным персонажем ступить на более твердую почву действительных фактов. С этой целью следует обратиться к документальным источникам досоветского времени. И такие источники мало-помалу отыскиваются. Среди них важное место занимают газеты, в которых нет-нет, да найдется упоминание о К.А. Югове и его деятельности.

Одно из печатных изданий – «Народная газета» - выходила в Кургане и являлась органом Союза сибирских маслодельных артелей. Имя Югова-старшего в ней едва ли не первым из историков и краеведов заметил В.А. Плющев, задавшийся целью отразить историю знаменитого кооперативного объединения в своей документально-публицистической серии. На страницах четвертой книги «Гимн кооперации» К.А. Югов неоднократно предстает как страстный оппонент Союза. По времени это относится к весне 1913 года. А летом того же года, но уже не в уездном Кургане, а в губернском Оренбурге К.А. Югов оказался зачинщиком инцидента в земском собрании, сообщение о котором сохранила петербургская газета «Речь». Прибавив к ним еще один ценный и любопытный документ, который автор настоящей статьи обнаружил в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, мы получим возможность взглянуть на родителя писателя с разных и весьма неожиданных сторон. В совокупности эти документальные свидетельства сродни штрихам к общественно-политическому портрету К.А. Югова и, разумеется, их не стоит воспринимать как законченный портрет.

К началу 1913 года К.А. Югов помимо мукомольного производства активно занимался маслоделием и торговлей. Будучи владельцем сельских лавок, он очень болезненно воспринял наступление на частных торговцев (а значит и на свою торговую деятельность!) со стороны Союза сибирских маслодельных артелей, основательно содействовавших открытию крестьянами потребительских кооперативов – артельных лавок. Начав свою торгово-промышленную деятельность в Каминской волости Челябинского уезда, К.А. Югов вскоре распространил ее и на соседний Курганский уезд Тобольской губернии. Не только в деловых интересах, но и в связи с поступлением сыновей в Курганскую мужскую гимназию Югов-старший обосновался с семьей в Кургане.

Поскольку кооперация чувствительно ударила и по другим частным торговцам Кургана, то они решили объединить усилия и попытались воздействовать на Союз через Курганский биржевой комитет. Учитывая деятельную натуру К.А. Югова, можно вполне допустить, что именно он первый подал такую мысль. Без преувеличения, в попытках сплочения частных торговцев ему принадлежит главенствующая роль. Все его дальнейшее поведение и действия свидетельствуют о том, что Кузьма Югов был закоперщиком в поиске мер для обуздания Союза.

20 марта 1913 года состоялось общее собрание Курганского биржевого комитета. На нем рассматривалось заявление, поданное девятью видными коммерсантами. Они взяли на себя смелость утверждать, что от деятельности Союза терпят убытки как торговцы, так и потребители, в особенности простой народ. В заявлении, в частности, утверждалось: «Всех торговцев Союз старается свести на нет, говоря, что торговец живет только за счет мужика, обирает его, ставя цены втридорога, а потому его нужно устранить, не принимая во внимание то, что у торговца все скоплено путем упорных сбережений в течение многих лет и роздано в кредит тем же крестьянам-артельщикам. Теперь при открытии артельных лавок торговец, конечно, теряет торговлю и большую часть кредита, отчего разоряется». По оглашении заявления принимавший участие в его составлении Югов заявил: «Вся та деятельность, которая принадлежит бирже, вскоре перейдет к Союзу сибирских маслодельных артелей. Он вытеснит торговцев. Кооперация подобна заразе, и я сам терплю от нее. Конечно, союзное дело недурное, но наша песенка спета, так как остановить развитие деятельности Союза мы не в силах». Однако из последних слов вовсе не следует, что А.К. Югов уже готов был сдаться без боя на милость врага-победителя в лице Союза. Отнюдь нет! Видя нравственную обязанность биржи в защите и поддержке торговцев, он желает, чтобы биржевой комитет содействовал заключению компромиссного соглашения с Союзом.

Собственно, в надежде на выработку такого соглашения и для обсуждения вопроса «о степени развития кооперативного движения в Курганском районе и о влиянии его на торгово-промышленную жизнь района» общее собрание биржи приняло решение провести в его стенах совещание с кооперативными деятелями. Оно состоялось 29 марта. Председательствовать на нем был приглашен ученый-агроном и недавний депутат Государственной думы Н.Л. Скалзубов. Кроме членов биржевого комитета, представителей «от торгово-промышленного класса» (Ф.Г. Кочуров, А.И. Дерягин, К.А. Югов) и от Союза сибирских маслодельных артелей на совещании присутствовали до ста человек торговцев и доверенных маслодельных артелей.

В словопрениях на совещании Югов оказался самым речистым из своих собратьев – частных торговцев: «Все время я от торговцев говорю один». Тем не менее его речи выявили и обозначили отнюдь не только его личную позицию. Они, по сути, отражали мнение и защищали интересы всего торгово-промышленного класса. Н.Л. Скалзубов и кооператоры так и расценили молчание остальных торговцев: раз они не возражают Югову, то тем самым выражают согласие. Сначала Кузьма Александрович четко констатировал: «Сущность вопроса состоит в том, что столкнулись два течения, две силы: торгово-промышленный класс и кооперация». И, ясно определяя свою принадлежность к одной из столкнувшихся сил, затем продолжал: «Кооперация заполняет отдаленные уголки деревни. Она душит мелкого торговца. Тот, задыхнувшись, потянет за собой и крупного торговца, так что кооперация окажет свое влияние и на крупные торговые предприятия». Поэтому, поневоле терпя и вынужденно мирясь с кооперацией, осознавая невозможность ее искоренения, К.А. Югов желал бы видеть ее подчиненной по отношению к частному капиталу: «Я не против кооперативного движения, но стою за то, чтобы оно было поставлено в рамки, безобидные для почтенного сословия коммерсантов».

Признавая открыто, что выступает «с точки зрения торгового сословия», его оратор стремится доказать невыгодность Союза для вошедших в него артелей. Очевидно, этим самым он пытался воздействовать на доверенных маслодельных артелей, присутствовавших на совещании, а через них и на всех крестьян-артельщиков. Югов желает внушить им, что «крестьяне отнеслись доверчиво к обещаниям Союза, но они были введены в заблуждение». Тут председатель совещания, прервав Югова, замечает ему: «Вы являетесь представителем не крестьян, а торговцев, их Вы и защищайте, а крестьяне, если они обижены, вероятно, сами подадут голос за себя». В свою очередь, Югов это замечание парировал так: «А интересы крестьян и торговцев тесно связаны между собой, и поэтому мне, защищая интересы торговцев, приходится коснуться интересов и крестьян».

Однако в выступлениях представителей маслодельного Союза, включая доверенных артелей, попытки Югова взять под защиту крестьян и связать их интересы с интересами торговцев, получили энергичный отпор. К примеру, К.А. Петунин заявил, что в вопросе о выгодности или невыгодности Союза, кооперативной торговли решающее слово остается за населением. «Полезна артельная лавка – население ее ведет, не полезна – не ведет. А факты говорят вот что. Первоначально в Союзе было 12 артелей, а теперь 500. Артельных лавок было 2-3, а теперь 125 в одном Курганском уезде. Отсюда можно сделать вывод, что население считает для себя кооперацию выгодной». Чуть

ранее к рьяному защитнику «торгового сословия» обратился доверенный И Плосковской артели А.Ф.Третьяков. «Я буду возражать Югову. Он жалеет торговца, что его, бедного, забивают. А помнит ли Югов, как нас забивал торговец? Гвозди, например, стоили у торговца 12-16 коп., а теперь в своей лавке мы получаем их за 8 коп. Мы ведь не дети и понимаем, что эти копейки остаются в нашем кармане».

Особое возмущение у Кузьмы Югова вызвала издававшаяся Союзом «Народная газета». Он утверждал, что помещаемые в ней материалы представляют «сплошные нападки» на дорогое ему сословие. В запальчивости он назвал газету «черносотенной» на том основании, что она якобы «натравливает крестьян на торговцев». Вожакам кооперации он бросил упрек: «Если союзники хотят проводить идеи гуманности, то они должны были идти навстречу торговцу. А то теперь крестьяне идут мимо торговца, да еще дразнят его. Мужик гуманен, но он не культурен и его натравливают на торговца». Обостренно воспринимая пропаганду в «Народной газете» идей кооперации, Югов далее произнес: «Мой сынишка получает эту газету. Я читаю ее и не нашел ни одной статьи, отрадной для торговца. Ни у одного автора нет намерения указать, чтобы население шло на соглашение с торговцем. Вот я и предлагаю обсудить вопрос, как воздействовать на газету, чтобы она содействовала мирному разрешению кризиса».

Тут довольно неожиданно из казалось бы, строго делового источника – протокола совещания – возникает фигура не названного по имени сына К.А. Югова. О ком из трех братьев – Михаиле, Николае или Алексее – идет речь? Не исключено, что отец имел в виду как раз младшего своего сына Алексея. Уменьшительно-ласкательная форма слова «сынишка» в отношении 11-летнего подростка выглядит более всего оправданной. Если это предположение верно, то свидетельство отца из 1913 года привносит дополнительный штрих в биографию сына – будущего писателя, творца «Ратоборцев» и «Страшного суда». Выходит, если получателем «Народной газеты» значился сын, Алеша Югов, то отец, очевидно, оплачивал подписку и являлся только следующим читателем газеты.

Представители Союза сибирских маслодельных артелей убежденно отстаивали на совещании свою позицию, умело отражая наскоки и обвинения, звучавшие из уст Югова-старшего. Получили отпор и нападки на печатный орган Союза. Так, защищая его, один из кооперативных деятелей, А.С. Флоринский, заявил своему яростному оппоненту: «Я вполне понимаю господина Югова, что он является горячим противником Союза и «Народной газеты»: ведь г. Югов торговец, маслодел, и у него в Каминском открылась артельная лавка.

Вот где скрыта причина ненависти г. Югова к Союзу и критики его деятельности. «Народная газета», поставившая своей задачей, помимо пропаганды идей кооперации и полезных сельскохозяйственных знаний, отражать в себе все нужды и запросы деревни, естественно, не может отказывать в помещении мужицких корреспонденций, трактующих о несовершенствах деревенской частной торговли и проч.» А председательствующий Н.Л. Скалозубов посоветовал торговцам издавать собственную газету. Он считал, что даже если редакция «Народной газеты» умерит тон по отношению к ним, то «вряд ли она будет заботиться об интересах торговцев» в ущерб развитию кооперации в Сибири.

Чем дальше, тем сильнее обсуждение переросло в ожесточенный спор. Атмосфера на совещании (и не без старания в первую очередь импульсивного Югова, солировавшего от имени торговцев) настолько накалилась, что преследуемая торговцами цель войти в соглашение с Союзом потерпела крах. «Стать на практическую почву взаимного соглашения», как предлагал Н.Л. Скалозубов обеим сторонам, и в особенности представителям торгово-промышленного класса, не удалось. Знаменательно, что реплику кооператора К.А. Петунина «Соглашение не состоялось» К.А. Югов перебил своей репликой: «Будем бороться». А буквально перед этим он только что высказал свое сокровенное пожелание: «Может быть, можно войти в соглашение с Союзом: с одной стороны был бы капитал, уменьье, с другой стороны – идея, общественная поддержка. Мне кажется, что при таких условиях можно было бы работать. И овцы были бы целы, и волки сыты». Но тут же подливал масла в огонь, только лишь раздувая противоречия и раздражая кооператоров.

И вправду вскоре группа коммерсантов распространила обращение к сельским торговцам. Под своим руководством те звали их к объединению, предлагая создать паевое товарищество. «Жизнь властно требует от нас объединения как личным трудом, так и капиталами», - убеждали они. Кооператорами план был окрещен «купеческим союзом». Несомненно, Югов-старший выступил в числе инициаторов обращения. Однако нет никаких подтверждений, что «купеческий союз» осуществился на деле. Скорее всего, он так и остался бумажным проектом.

Читая «Народную газету», мог ли Алеша Югов осознать всю принципиальную глубину конфликта своего отца с кооперацией? Едва ли мы вправе требовать столь серьезного понимания от подростка. Но интересно в этой связи отметить, что в диалогии сына Арсений Шатров в своей торгово-промышленной деятельности не входит в противоречие с кооператорами из-за артельных лавок. Оно нигде ни словом, ни намеком не обозначено. Наоборот, романский герой «продал

свои маслодельные заводы и лавки при них только-только что набравшему тогда силу Союзу сибирских маслодельных артелей», оставив за собой мукомольное дело. Тем не менее Арсений Шатров строит амбициозный замысел объединения: ужасаясь нашествию иностранных монополий, их хищничеству («Ишь, проклятые, без войны, без единого выстрела заграбастали Сибирь!»), этот истый патриот-капиталист мечтает противопоставить им трест – мощное объединение урало-сибирских купцов и промышленников. Вот так своеобразно преломляясь, идея «купеческого союза», объединения коммерсантов, за которую ратовал Югов-отец, отразилась спустя полвека в эпопее Югова-сына. Кстати, ни в романе, ни в истории замысел, подобный шатровскому, не был реализован. Можно также предположить, что продажа маслодельных заводов и лавок Шатровым имела место не только в романе. Как знать, не навеяна ли она действительным случаем с Кузьмой Александровичем, решившем уступить недавнему противнику и сосредоточиться на мукомольном производстве? Конечно, без документального подтверждения это останется лишь одним предположением.

Летом 1913 года в Оренбургской губернии проходили выборы в органы земского самоуправления. К.А. Югов, уроженец Челябинского уезда этой губернии, имевший в нем собственность, принял участие в работе губернского земского собрания. Из депутатов (гласных), представителей от разных сословий – крестьянства, купечества, дворянства, предстояло выбрать членов губернской земской управы. В ходе этих выборов Югов стал зачинщиком инцидента, информация о котором попала затем в столичную газету «Речь».

Конечно, зная уже о горячем, взрывном темпераменте и экспансивном поведении Кузьмы Александровича, выказанных на совещании с кооператорами, не приходится удивляться их новому проявлению, теперь уже в Оренбурге. Недавно еще выступавший с резкими заявлениями от имени «торгово-промышленного класса», К.А. Югов вдруг с такой же вызывающей резкостью обращается к капиталистам и помещикам от имени... крестьян. Да, так и есть: в губернское земское собрание он явился как представитель от крестьян Челябинского уезда.

При выборе 4 членов губернской земской управы представители купцов и землевладельцев не обнаружили большого желания работать в управе. Под разными предлогами многие из них отказывались от предложения поставить их кандидатуры на голосование, или баллотировку. Тогда встал К.А. Югов и заявил: «Господа! В качестве представителя от крестьянства, трудом которого вы, представители капитала, пользуетесь веками...». Тут его прервал председатель собрания, указав на недопустимость подобных выражений, после чего

Югов продолжал: «В качестве защитника крестьянских интересов я стал бы баллотироваться в члены губернской управы, но не надеюсь на успех. Меня капиталисты не проведут, а нас, крестьян, на собрании, смешно сказать, 6 человек гласных... Тогда как капиталистов и помещиков – 31». И действительно: эти слова Югова настолько распалили, озлили последних, что они обещали провалить его при баллотировке. В результате Югов снял свою кандидатуру, а другие крестьянские кандидаты были провалены большинством гласных. Писатель-сын знал об этом эпизоде отцовской биографии. В частности, в своем письме в секретариат правления Московской писательской организации он приводит цитаты из газеты «Речь». Но прямого отражения в «Страшном суде» этот инцидент не нашел.

Встает вопрос: почему в 1913 году К.А. Югов выступает от разных социальных слоев, расходящихся в своих интересах? Чьим представителем он себя осознавал и являлся на деле – крестьянства или торгово-промышленного класса?

Ответ на вопрос далек от однозначности. К началу XX в. сословия в России значительно утратили свою былую монолитность, замкнутость. Перегородки между ними обветшали, так что сословная принадлежность зачастую не свидетельствовала и не соответствовала настоящему социальному положению человека. В случае с К.А. Юговым это находит наглядное подтверждение. К примеру. В документе об успеваемости гимназист Алексей Югов назван «сыном крестьянина». В действительности же ни тогда, ни в бытность волостным писарем его отец земледелием не занимался. Крестьянским в Югове-старшем осталось лишь происхождение. Занятие предпринимательством, торговлей сделало его состоятельным человеком. настолько обеспеченным, что он вполне мог бы записаться с семьей в купеческое сословие. Однако этого не произошло. Кузьма Александрович не изъявил подобного намерения, оставаясь формально в крестьянском сословии, что и дало ему возможность избираться гласным от крестьян, объявлять себя защитником их интересов.

Какие же соображения удерживали К.А. Югова в крестьянском сословии? Не исключено, что здесь не обошлось без каких-то соображений финансового, фискального свойства. Но нельзя сбрасывать со счета и психологическую причину. Выходец из крестьян, К.А. Югов, конечно, не мог ощущать себя до конца в полной мере своим в среде потомственных купцов, крупных промышленников, финансовых воротил, банкиров, проживавших постоянно в городах. Он же по характеру своего предпринимательства был связан больше с селом, с крестьянским населением. Напрашивается, кстати, аналогия с Арсением Шатровым, которому при становлении своего дела пришлось в поисках кредита

испытать неприятную зависимость от банкиров и толстосумов. Преодолевая проволоочки и трудности, он направил весь свой капитал на развитие промышленного маслоделия и добился большого успеха, а с ним и богатства. «Арсений Шатров искренно считал себя благодетелем окрестного люда, культургреггером края», - замечает о нем писатель. Вместе с тем не конкретную принадлежность к купеческому сословию, а гораздо шире – к торгово-промышленному классу (по иному – к капиталистам, буржуазии) К.А. Югов прямо осознавал еще в самом начале своего делового восхождения. Подтверждая в отношениях капиталистов к рабочим наличие эксплуатации, он в октябре 1905 года, т.е. в разгар первой революции, на заседании Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства недвусмысленно признался: «Я маленький маслозаводчик, имею небольшой капитал. Нужно сознаться, что мы, капиталисты, не прочь прижать рабочего, выколотить из него возможно больше, одним словом, мы, эксплуатируя рабочих, составляем капитал».

Разумеется, указанная аналогия и подмеченные совпадения не служат доказательством тождества между образом Шатрова и К.А. Юговым. Говорить о зеркальном отражении одного в другом нельзя. Заимствуя от отца отдельные черты нрава, облика, беря факты и моменты его биографии, писатель создавал собирательный образ. Недаром он уклонился от прямого ответа на вопрос В.П. Бирюкова, заданный ему в письме: «... фигура Арсения Тихоновича, по незнанию прототипа, явилась для меня неожиданной. Не думаю, что этот персонаж – целиком плод Вашего творчества, а все же некий сколок с прототипа?» Ответ А.К. Югова «уральскому самородку» получился одновременно уклончивым и верным. Подчеркивая собирательность литературного героя, его создатель писал: «Насчет «прототипа» старого Шатрова... Но спросите у пчелы. Из нектара каких цветов составила она мед свой?» Тем не менее, несмотря на всю поэтичность приведенного сравнения, нельзя отрицать, что на фигуре Арсения Шатрова лежит отпечаток или отсвет от личности отца писателя – Кузьмы Югова.

Только в 1975 году Алексей Кузьмич Югов посетил родное Зауралье. А в июне 1962 года родные места навещил его брат Михаил с женой. В своем письме в Москву из деревни Белое, где некогда находились мельница, хозяйственные и жилые постройки Юговых, Михаил Кузьмич описал родственникам теплый, радушный прием беловских жителей. «Все сердечно поздравляли с приездом и жали руки. Начались, конечно, расспросы обо всех Юговых начиная с Кузьмы Александровича и кончая меньшаком – писателем Алексеем... На следующий день начались визиты и встречи с беловцами, которые все добрым словом вспоминали Кузьму Александровича».

Вести с родины через брата дошли до писателя. В ту пору он уже начал работу над первым романом дилогии – «Шатровы». Сохранившаяся в старшем поколении беловцев добрая память об отце, вполне возможно, еще сильнее укрепила Алексея Кузьмича в намерении придать задуманному образу Арсения Шатрова больше сходства с отцовским обликом, характером и биографией.

К началу 1960-х эпоха Союза сибирских маслодельных артелей, отмеченная противостоянием кооператоров с частными торговцами, ушла в далекое прошлое. Тяжелейшие испытания последующих лет ее заслонили и словно заретушировали. В памяти беловских старожилов она совпала с их детством и молодостью. После же коллективизации, раскулачивания, репрессий, пережитых крестьянством, добрые отзывы беловцев о Кузьме Александровиче отнюдь не кажутся данью вежливости, а являются вполне искренними. Нанимавший их для строительства и ремонта плотины, моловший на своей мельнице крестьянский хлеб, К.А. Югов в памяти беловских крестьян остался как деятельный, строгий и справедливый хозяин. И память эта рисовала его облик таким, каким он запомнился будущему писателю Н.А. Глебову: «...подвижный, как ртуть, с широким русским лицом, с черными волнистыми волосами, с зорким пытливым взором».

Примечания

1. Воспоминания о Югове / Сост. Н.Х. Еселев. М., 1986.
2. ГАОПДКО. Ф. 6926. Оп. 1. Д. 60. Л. 4-5.
3. Там же. Д. 234. Л. 1-4.
4. Глебов Н. Встречи с А.К. Юговым // Совет. Зауралье. 1981. 1 нояб.
5. Горелов В.А. Курганские большевики в революции 1905-1907 годов: ист. очерк. Челябинск, 1965.
6. Инцидент в земском собрании: из газ. «Речь» от 4 (17) авг. 1913 г. №210 // Совет. Зауралье. 1992. 21 марта.
7. Купеческий союз // Народная газета. 1913. 19 мая (№18). С. 12-13.
8. Михашенко А. Гимназические годы Алексея Югова // Третьи Юговские чтения: тез. докл. и сообщ. Курган, 2002. С. 51-56.
9. Новые крестьянские печальники // Народная газета. 1913. 1 апр. (№13-14). С. 5-9.
10. Плюшев В.А. Гимн кооперации (1913-1915 гг.): док. повествование. Кн. 4. – Курган, 2002.
11. «По части языка глубоко пашете...»: переписка В.П. Бирюкова и А.К. Югова / Публ. подгот. В. Серебровский // Урал. следопыт. 1992. №5-6. С. 14-15.
12. Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (ТГИАМЗ), рукописный фонд, КП14489 (протокол совещания по вопросу о степени развития кооперативного движения в Курганском районе). Л. 1-29.

Федорова В.П.,
Курганский государственный университет,
кафедра древней литературы и фольклора,
доктор филологических наук, профессор

ОЧАГИ КУЛЬТУРЫ В ЗАУРАЛЬСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Обращение к зауральской периодике первых послереволюционных десятилетий позволяет увидеть сложную мозаику духовной культуры края. Целенаправленно крушатся традиционные устои. Ни уважения, ни сострадания к старому миру, который должен быть «разрушен до основания». В первую очередь бешеный накат направлен на церковь. 27 марта 1928 года. Весна, скоро Пасха, поэтому некто Марамыгин надрывно взывает к читателям «Красного Кургана» (№ 44): «Долой поповские обряды!» В борьбу с ними он призывает включить самые значительные культурные ячейки на селе – избы-читальни: «Вместо слушания поповских бредней, пасхального пьянства, обжорства, драк, организуйте спектакли, хороводы, культурные гулянья, игры.

Центральный совет союза безбожников напоминает всем деревенским ячейкам о необходимости сейчас же начинать подготовку к проведению антипасхальной кампании. В избах-читальнях рекомендуется устроить доклады о культурной революции в деревнях, о том, как религия служит буржуазии, о вреде пасхи для трудящихся и т.п. Необходимо организовать радиослушание антирелигиозных докладов, художественные вечера с антирелигиозными пьесами, физкультурные состязания и пр. Не забудьте выпустить специальные номера стенных газет и провести вербовку новых членов в союз безбожников». И без перехода автор заметки набрасывается на Николу вешнего – престольный праздник деревни Максимовки Варгашинского района: «Не хотим праздновать «Николу»! Что несет престольный крестьянский праздник деревне? – Пьянство, хулиганство, драки, лишний расход. А кому это все нужно?» Так спросили себя крестьяне деревни Максимовки Варгашинского района, подумали и дали единогласно такой ответ: «Вред один только от церковных престольных праздников, поэтому от праздника «Николы вешнего» (9 мая) мы отказываемся и других крестьян, наших соседей, приглашаем жить культурно, не праздновать «Николь», не ездить к нам в этот день с визитом. 11 лет назад мы столкнули Николу земного, теперь пора столкнуть и Николу небесного» А зря! Престольные праздники были днями ярмарок, общения родных, друзей. Наконец, эти дни интересны смотрами невест, которые по установившимся вековым традициям приезжали гостевать в соседние деревни, показывать себя.

Изучение газет раскрывает остроту идеологической борьбы. Старому противопоставляется новое. В частности, врагами показаны церковь и новые очаги культуры: избы-читальни, библиотеки, нардома. Из номера в номер даются материалы о требованиях молодежи отдать «Александровскую церковь» под очаг просвещения и выковку строителя новой жизни. Номера газет вместе с тем наполнены сообщениями об очагах культуры как о передовых рубежах движения к передовым идеалам.

Как глубоко положительное отмечается изъятие у верующих молитвенного дома в селе Чулошном и передачу его под «ликпункт», то есть пункт ликвидации безграмотности и «наследия прошлого»: «Вместо молитвенного дома – ликпункт». В с. Чулошном не было помещения для сельсовета, избы-читальни и ликпункта, по 800 р. в год граждане расходовали на содержание молитвенного дома. В ноябре месяце граждане села Чулошного отказались от содержания молитвенного дома и вместо него решили организовать избы-читальню и ликпункт» («Красный Курган». 13 декабря 1929 г.). От этого сообщения автор Торгаев «берет ружье наперевес»: «Дадим бой врагу – организуем безбожные совхозы!»

В передовицах газет подчеркивалась роль изб-читален и библиотек в повышении «культурности и грамотности» тружеников села. Характерно, что в 1928 г. «Красный Курган» (№ 52) отнес к труженикам села и середняков. Так что, и этим трудягам пока разрешено греться в лучах новых культурных веяний:

«Задачи, поставленные партией в деле коллективизации сельского хозяйства, требуют величайшего внимания к вопросам культурности и грамотности крестьянства, и в первую очередь, бедноты.

Коренная задача заключается в том, чтобы в деревню двигать кино, радио, заменяя ими самогон, пьянство и хулиганство. Необходимо, чтобы наши избы-читальни, библиотеки сосредоточили главнейшее внимание на обслуживании батрачества, бедноты и середняков. Подъем грамотности и культурности населения в несколько раз ускоряет наше социалистическое строительство».

В статье «За просвещение старой деревни» («Красный Курган», № 86, 1925 год) выделяется один из главных очагов этой деятельности: «Изда-читальня – центр культурной работы в деревне». Автор Кириллов суконным языком растолковывал обязанности подобных центров. Он верно говорил о необходимости заинтересовать людей, нести не только общественные идеи, но предлагать знания практического характера: «Для того, чтобы привлечь возможно большее количество крестьян к работе в избе-читальне, для того, чтобы, наконец, сосредоточить всю общественно-просветительскую жизнь деревни, в той самой избе-читальне необходимо заинтересовать крестьянство.

Изба-читальня должна дать крестьянину любой дельный совет: как ему держать скот, как и когда и каким зерном засеять поле, как наладить молочное дело в деревне и т.д. А для того, чтобы тесно связать всю жизнь деревни с работой в избе-читальне, необходимо объединить вокруг избы-читальни все деревенские силы. Надо привлечь к культурно-просветительской работе и сельского учителя, врача, агронома, землемера и кооператора.

Какие можно организовать кружки? При избе-читальне, по мере сил и возможностей, необходимо стремиться организовать целый ряд кружков: хоровой, сельскохозяйственный, антирелигиозный, драматический, естественнонаучный, спортивный, литературный и газетный кружок, с помощью которого и нужно приступать к изданию своей собственной стенной газеты. Задача, которая в настоящее время стоит перед крестьянством округа, сводится к усилению работы избы-читальни там, где она есть, а где ее нет – к организации заново культурно-просветительской работы, объединяемой избой-читальней».

Один из селькоров (так означена подпись под материалом) поведал о том, как пробуждают очаги культуры даже отсталые, по его мнению, слои населения. Кино всколыхнуло даже старух. В заметке «Кино в деревне» («Красный Курган», № 134, 23 окт. 1929 г.) сообщается: «Сердечно благодарят крестьяне деревни 2-й Моховой, Лебяжьевского района, Курганский Окргпотребсоюз за посещение кооперативной кинопередвижки.

- Чудеса, - говорят крестьяне, - творит советская власть: первый раз видим.

Крестьяне не понимали, что такое кино и боялись его. Старухи крестились, когда начался сеанс. После окончания подходили и шупали полотно, спрашивали:

- Дорогое, наверное, полотно?

Тяга крестьян к просвещению велика. Сейчас идет культмесячник, на местах этого ничего не знают и не видят. Район спит».

Как пример подается работа Носковской избы-читальни, предложившей новые формы просвещения сельчан. Автор заметки – СБ – названием подчеркнул значимость этого просветительского очага: «Носковская изба-читальня.

Носковская изба-читальня открыта передовиками-крестьянами села месяца через два после установления Советской власти в Сибири. Сельскохозяйственный кружок, стенная газета и драмкружок – вот основные стороны работы избы-читальни. Драматический кружок поставил за зимний период 1 концерт и 12 платных спектаклей. Поставлено 2 детских бесплатных спектакля силами Носковской школы. Издается двухнедельная стенная газета «Голос крестьянина», газета старается охватить все животрепещущие вопросы» («Красный Курган», № 21, 1925).

Газеты отразили возникновение и утверждение в словарном составе нового слова – «избач», то есть главная действующая единица избы-читальни, нардома. Что-то в работе избачей сейчас кажется наивным, что-то не мешало бы перенести и в наш день. За сообщениями селькоров и официальными отчетами обнаруживаем жизнь послереволюционной деревни. Один, видимо, из добросовестных избачей писал заявления за неграмотных, организовывал выпуск стенгазет, громкие читки. Узнаем о социальной новинке – пятилетках. В № 151 «Красного Кургана» от 15 ноября 1929 года читаем: «Вызов кокоревского избача.

Кокоревская изба-читальня за время культмесячника провела разных собраний 38, распространено разных газет 72, выдано справок бедноте и середнякам 400, написано заявлений 66.

При избе-читальне организован уголок пятилетки. Выпущено 3 номера стенгазеты, проведено 14 громких читок, проведено 4 собрания о пятилетке».

В Макушинском районе избач умело соединил «обе полы времени»: прежние обычаи и современные формы. Корреспондент Ю. Филатова в соответствии с задачами своей статьи придумала заглавие: «Под жужжание веретен читают газеты.

В селе Головное Макушинского района избач еще в прошлом году пытался организовать вечера «красной пряжи», но ему не удалось.

Только в нынешнюю зиму крестьянки и девушки узнали пользу вечеров «красной пряжи». Теперь женщины аккуратно собираются два раза в неделю и под жужжание веретен читаются газеты, слушаются доклады. Заслушаны доклады «Женщина в совстроительстве» и «Брак и семья» («Красный Курган», 3 февраля 1927 г.).

В нардомах организуются различные конкурсы, в том числе и гармонистов. Обратимся к «Красному Кургану», вышедшему 1 марта 1927 года: «Конкурс гармонистов в селе Куртамыше.

Народный дом полон. За кулисами перебрасываются словами пришедшие гармонисты. Вот и начало. Один за другим выступают участники конкурса. Большею частью молодежь. В зале напряжённое молчание. Бодро и весело играет «Кавалерийский марш» и уныло, протяжно «Кирпичики». Вот малороссийская песня «Вечер, поздно, из лесочка» и... всеобщая разухабистая «Барыня». Ряд вальсов и сравнительно удачно «Интернационал» и «Смело, товарищи, в ногу». Играют попарно. Особенно выделяется Мохов: трели, всевозможные вариации, бодрая, уверенная игра. Он получает приз в размере 5 рублей. Так гармоника не только в городе, но и в деревне вытесняет Демьяновские гусли-самогуды и выставляет свои права на всенародный инструмент. С. Кулеев». Остается только пожалеть, что

не видно и не слышно Демьяновских гуслей-самогутов. Не заметили избачи, что в яростной борьбе с прошлым угробили много ценного, глубинного, истинно народного и национального.

О соревнованиях талантов в Белозерском районе рассказано в № 15 «Красного Кургана» от 15 ноября 1929 года: «Конкурс на лучшего гармониста, балалаечника и рассказчика.

Белозерский райком ВЛКСМ, совместно с общественными организациями, 16 – 17 ноября в селе Белозерском организует первый общерайонный конкурс-соревнование по всем видам искусства: на лучшего баяниста, балалаечника, рассказчика-декламатора, танцора, гитариста, домбриста, гармониста, куплетиста-частушечника, плясуна (русская пляска), скрипача, мандолиниста, певца».

Отмечают газеты, как включались очаги культуры в подготовку государственных праздников. Власть не упускала возможность вовлечь в праздник все село. Никто не оставлен без «охвата» - от детей до стариков. Но ведь умно делали! Приглашаю посмотреть, как плотно организаторы заняли день сельчан, как торговлей привлекли на праздник: «Октябрь в деревне. Как прошло празднование в селах Курганского округа.

Празднование 11 годовщины Октябрьской революции в деревне прошло ярко. Так же, как и в городе, в деревне к празднику стали готовиться за несколько дней. Школьники разучивали новые стихи, новые песенки, готовили пьески, клеили флажки. Избы-читальни срочно рисовали плакаты, лозунги, специальные номера стенной газеты, кооперация запасала товар – предпраздничная лихорадка отразилась на всех.

6 ноября – торжественные заседания, киносеансы. 7 ноября – митинг, шествие по селу с песнями, с ярко красными флагами. Детские утренники с угощениями, с подарками для детей. Спектакль, танцы, игры» («Красный Курган». № 153. 17 ноября 1928 года).

Избы-читальни, библиотеки, нардома оказываются в центре внимания прессы. Зорко подмечаются огрехи в их работе, показываются причины помех. Так, некто Пр. сделал подборку в «Красном Кургане» (№ 125, 12 окт. 1929 г.) о недостатках в деятельности учреждений культуры разных районов. Проводился «культмесячник», но не всё гладко: «Строчки из писем о культмесячнике.

Нет света вечерами в библиотеке Варгашинского Дома крестьянина. Приезжающие крестьяне вынуждены читать газеты на ощупь. При этом же Доме крестьянина есть радиоустановка, но она зачастую молчит.

Хулиганят в деревне Полой, Утятского района. Бакланов Н. и Вотин И. Из-за них бояться посещать нардом. Пр.».

Примечательно, что избы-читальни воспринимались зауральцами центрами воспитания. В ряде сел они стали частью очагов новой жизни, громко поименованных «нардомами». Это была начальная форма домов и дворцов культуры, клубов. Поэтому нарушение традиционной этики и новых правил поведения подвергалось газетной критике. Укрывшийся за инициалами И. Б. гневно пишет о непорядках в Камышевском нардоме. Заметка «Некультурные дела в «культурном» учреждении» помещена № 53 «Красного Кургана» 19 апреля 1928 г.:

«Плохие порядки существуют в Камышевском нардоме, Лебяжьевского района. Прежде всего, кто входит в коридор, бережет зубы, нос, иначе могут разбить, потому что в коридоре темнота ужасная.

В нардоме – гармошка, песни. – Это бы хорошо, но песни паскудные! Ругань на каждом шагу. А на стенах? Везде и всюду написаны гадости.

В селе есть комсомольская ячейка и актив, но кроме спектаклей никто не ведет никакой культурно-просветительской работы. Учителство в нардом даже не ходит – боится. Нужно бы камышевцам взять пример с соседней избы-читальни в деревне Прилогоино, где молодежь ведет себя прилично, стремится учиться хорошему.

Постыдитесь, камышевцы, и не срамите народного дома».

Как видим, защитник культурного очага не очень церемонился со словом, но уж и глаза имел! Даже в темноте разглядел «понаписанные гадости». Что это у нас за страсть такая – показывать свою грамотность и знание пакостей непременно на стенах и заборах! Десятилетия проходят, а рука выводит то, что в башке. Древние письмена, рисунки запечатлели историю. А что оставили грамотеи из села Камышевского? А что оставят потомкам наши стены? Самое лучшее, пожалуй: «Цой – живой! Цой с нами». Много сделано нардомами, но где ниточка, ведущая к стремлению и сегодня непременно запечатлеть себя в грязном слове?

О помехах в культурном строительстве пресса сообщает регулярно. Не только сообщает, но и требует наведения порядка. Любопытную зарисовку с натуры предложила «Острая игла» в № 24 «Красного Кургана» (21 февраля 1928 года): «Ходи с короля» (дер. Ревина, Курганского района).

Неграмотный идет в Красный уголок за тем, чтобы послушать хорошие речи, а грамотный – почитать и другим рассказать.

Не то у нас: Здесь в Красном уголке дым столбом, мат, ругань, плевки. . . Только и слышишь:

- Тьфу ты, сволочь! – выкрикивает Лушников Семен, у которого помещение снято под уголок.

- Я говорил тебе – ходи с короля, а ты опять с семеры задаешь. Или не надоело еще дурковать?

И так... каждый день. Придут мужички, постоят, поглазят на «дураков» и уходят ни с чем. Рады б, как поговориться, почитать, да лампу всегда игроки забирают к себе на стол. Хотя бы сельсовет приглядывал за этим да взгрел бы Лушникову за то, чтоб он не палил керосин напрасно».

Особое негодование вызывает отсутствие в культурных центрах антирелигиозной пропаганды. Уже 11 лет прошло с красной даты 7 ноября, а в глубинке нет ячейки «Безбожника», дремлет изба-читальня. «Красный Курган» на «Странице безбожника» хлещет официальные лица за их пассивность по отношению к религии и наставляет на ум-разум: «Село Курейное, Лопатинского района. Большое село – 307 дворов, церковь. Ячейки союза «Безбожник» нет. Попу с псаломщиком благодать! Поп хитрый, а псаломщик – бывший артист. Работают хорошо. В церковном совете имеется 3 бедняка, церковь посещается аккуратно, начинает ходить даже молодежь. Зато ничего не делает изба-читальня. Ни одной беседы на антирелигиозную тему, ни одного экземпляра газеты «Безбожник».

Изучение газет первого послереволюционного десятилетия имеет не только познавательный интерес. Газеты отразили опыт человеческого бытия в его многообразии. Что взять, что отринуть, показывает и еще покажет время, покажут разум и трезвость размышлений.

СЕКЦИЯ 1 ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР ЗАУРАЛЬЯ

Грибанова О.Д.,
Курганский государственный университет,
кафедра древней литературы и фольклора,
аспирант

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

В фольклоре на изображение пространственно-временных отношений оказывает влияние сосуществование элементов различных эпох. В.Я. Пропп, рассматривая былинку о Дюке Степановиче, отмечает, что она в «некоторых своих частях содержит элементы глубокой, еще языческой древности (застава из змей и чудовищных птиц, готовых растерзать пришельца). Далее она отражает Киевскую Русь (двор Владимира). В описании деталей построек и картины города – черты Московской Руси XVI-XVII веков. И наконец, по своей идее (осмеяние богатого боярства) былина характеризует классовую борьбу времен позднего феодализма» [10, с. 26].

О многослойности произведений фольклора говорит и В.П. Аникин, анализируя хронотопы сказки. Именно с многослойностью, как считает исследователь, «связана особая пространственно-временная изобразительность» в фольклоре [1, с.269]. «Предшествующее состояние (в частности, «мифологическое» время и «мифологическое» пространство) осложняют позднюю изобразительность фольклора» [1, с. 276]

Временную неоднородность произведений фольклора подчеркивает Е.А. Костюхин: «За время многовекового существования фольклорные произведения претерпевают коренные изменения: миф ложится в основание сказки или былины, древний заговор превращается в детскую считалку. То, что на первый взгляд кажется замкнутым в себе художественным целым, на самом деле представляет сочетание сюжетных мотивов и поэтических формул разного времени и разного происхождения» [6, с. 17]. Отражение элементов разных эпох в жанре преданий показывает Н.А. Криничная: «Первоначально предания призваны были сохранить историю конкретного рода, затем – соседской общины, впоследствии – историю определенного селения, местности» [7, с. 11]. Сосуществование в преданиях различных временных пластов, соответствующих определенному типу мировоззрения, в свою очередь отражается на их художественных особенностях. Интересно в этом отношении зауральское предание о названии озера Зубайда Калган, бытующее в Сафакулевском районе: «В 1917 году через Бахарево проходил Колчак со своим войском. В богатой семье была единственная дочь Зубайда, удивительной красоты. Отец испугался, что ее колчаковцы могут забрать с собой. И он ее ночью тайком увез к себе на покос, где знал укромное место, поросшее камышами. Вот там-то отец и спрятал свою ненаглядную и единственную дочку. С тех пор это место называется Зубайда Калган, что в переводе с татарского означает “Зубайда осталась”. Из слез красавицы и образовалось это озеро» [12, с.4].

Появление озера и его название, на первый взгляд, связаны с конкретными историческими событиями. Указывается в предании историческая личность – Колчак. Действительно, в истории Зауралья фигурирует имя Колчака. Противостояние колчаковской армии красноармейцам на Урале, в Сибири и Зауралье подробно описывает П.И. Рошчевский в монографии «Гражданская война в Зауралье». Помнят о Колчаке и в народе. В селе Советском Куртамышского района Курганской области появление кургана за деревней связывают с прохождением здесь Колчака: «Когда Колчак отступал, он проходил по нашим местам. За деревней в кургане похоронены убитые во время отступления колчаковцы» [2].

Но мотив появления воды из слез девушки носит явно мифологический характер. Для того чтобы понять семантику мотива, обратимся к мифологии. В архаических представлениях вселенная произошла из частей тела первочеловека: «Первочеловек – космическое тело, в мифопоэтической и религиозно-философской традициях антропоморфизированная модель мира. . . Человеческий организм (тело), его функции во всем многообразии жизненного (телесного и душевного) опыта образуют основу архаической классификации (ср. противопоставление правого и левого, верха и низа, чета и нечета, огня и воды и т.п., различение первоначальных трех цветов – красного, белого и черного как цветов соотносительно крови, молока и выделений)» [8, с. 300]. Отражается мифологема о первочеловеке в знаменитой «Голубиной книге»:

«От чего зачался наш белый свет?

От чего зачалось солнце праведно?

От чего зачался светел месяц?

От чего зачалась заря утренняя?

От чего зачалась и вечерняя?

От чего зачалась темная ночь?

От чего зачались часты звезды? »

«... А и белой свет – от лица Божья,

солнце праведно – от очей его,

светел месяц – от темечка,

темная ночь – от затылочка,

заря утренняя и вечерняя – от бровей Божьих,

часты звезды – от кудрей Божьих!» [5, с. 339-340].

Другая сфера, где та же мифологема о первочеловеке и космическом теле стала основой организации материала, – язык. В.Н. Топоров приводит многочисленные примеры «очеловечивания» вселенского пространства через его связь с частями тела: подножие горы, устье реки и т.д. Он подчеркивает мысль о том, что языковое пространство «собирается» как антропоморфная система, антропоморфный код был первичен в мифопоэтическом сознании.

В предании о названии озера Зубайда Калган отождествляются слезы и озеро. Из пролитых слез появляется озеро. Слезы в предании символизируют не воду вообще, а дождь. А.Н. Афанасьев в работе «Поэтические воззрения славян на природу» отмечает, что «древнейший язык, давая названия предметам по их признакам, сблизил и отождествил все, что только напоминало текучие струи влажной стихии; поэтому не только вода, но и молоко, моча, сок дерева, растительное масло и общеупотребительные напитки (мед, пиво, вино), дали метафорическое выражения для дождя» [3, с. 187]. Дождь в древнегреческих верованиях также отождествлялся с кровью небесных

богов и богинь. Вода, кровь, вино, мед, пиво, молоко, сок, в этот ряд можно добавить и слезы – все это символизация дождя.

Обратимся к языку. Об отождествлении слезы и дождя говорят русские фразеологизмы: «Лить слезы (пролить слезы) – плакать, горько плакать» [13, с. 225]. Подобно говорят и о дожде: льет дождь. Небо, покрытое тучами, называют хмурым. О ненастной погоде в народе говорят: «На дворе хмурится, небо нахмарилось, нахмурилось» [4, с. 683]. Хмурым называют и угрюмого, насупившегося человека. В словаре С.И. Ожегова основным значением слова «хмуриться» является значение, связанное с человеческим состоянием: «Хмурить лицо, брови» [9, с. 706]. «Небо, погода хмурится» – переносное значение. Хмурое небо, покрытое тучами, из которых может пролиться дождь, сравнивается с хмурым, невеселым состоянием человека, который может в любой момент прослезиться. Данные языка подтверждают предположение А.Н. Веселовского об отождествлении дождя с «текучими струями влажной стихии», в том числе и со слезой человека.

Но возникает вопрос, почему же мотив появления воды из слез связывается с женским образом? Дело в том, что вода в архаических представлениях «нередко представлялась живым существом, обладающим собственным характером, а в древние времена почиталась как богиня» [14, с. 174]. Персонификацией воды в древнеславянской мифологии являлась Богиня Мокошь: «Мокошь, Мать – Сыра Земля являлись женским воплощением водной стихии; она распоряжалась влагой и плодородием, увеличением стад, «бабьим» домашним хозяйством, а также самой жизнью и судьбами людей» [14, с. 363]. Представления о воде как о женском начале отразились в словесных формулах, адресованных воде. Обращаясь к воде, славяне употребляли женские личные имена Елена, Ульяна, Иордана, этикетные обращения, указывающие на женской образ: «милая матушка-вода», «Христовая мати», «Богова сестрица» [11, с. 82].

Таким образом, в предании о названии озера Зубайда Калган переплетаются мотивы и образы, относящиеся к разным временным пластам. Озеро и история его названия существовали задолго до похода Колчака. События 1917 года наслаиваются на архаический мотив, придавая ему историческую конкретику. Введение мифологического мотива необходимо для передачи оценки конкретно-исторических событий. Слово «слеза» в словаре В.И. Даля трактуется «как признак плача, и вызывается печалью, жалостью, а иногда и нечаянной радостью, или вообще сильным чувством» [4, с. 683]. Двойное значение имеет не только слеза, но и в целом мифологема воды. Вода «в народных верованиях одна из первых стихий мироздания; источник жизни, средство магического очищения. Вместе с тем водное

пространство осмысливается как граница между земным и загробными мирами, как место временного пребывания душ умерших и среда обитания нечистой силы» [11, с.80]. В том или ином жанре, в конкретном тексте актуализируется определенное значение воды или слезы. В топонимическом предании о названии озера Зубайда Калган к историческим событиям 1917 года относятся с настороженностью, опаской – отец боится за судьбу дочери, поэтому слезы в данном случае символизируют горе и печаль.

Примечания

1. Аникин В.П. Теория фольклора : курс лекций / В.П. Аникин. 2-е изд., доп. М.: КДУ, 2004. 432с.
2. Архив автора работы.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 1 / А.Н. Афанасьев. М.: Современный писатель, 1995. 414с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4т. Т.4. / Владимир Даль. М. : Русский язык, 1980. 633с.
5. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Под ред. А.А. Горелова. СПб.: Тропа Троянова, 2000. 432с.
6. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору : учеб. пособие для вузов / Е.А. Костюхин. М. : Дрофа, 2004. 336с.
7. Криничная, Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Н.А. Криничная ; отв. ред. В.К.Соколова. АН СССР Карел. фил., Ин-т яз., лит. и истории. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 325 с.
8. Мифы народов мира : энциклопедия. В 2 т. Т. 2: К - Я / Под ред. С.А. Токарева. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. 719с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. чл.-кор. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 750с.
10. Пропп В.Я. Русский героический эпос (Собрание трудов В.Я. Проппа) / В.Я. Пропп ; коммент. ст. Н.А. Криничной ; сост., науч. ред., имен. указ. С.П. Бушкевич. М. : Лабиринт, 1999. 640с.
11. Славянская мифология : энцикл. словарь. М: Международные отношения, 2002. 510с.
12. Фазылова, Г. Любимый уголок земли / Г. Фазылова // Новый мир. 2005. 25 мая. С.4.
13. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 40000 словарных статей / Л. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров ; под ред. А.И. Молоткова. Изд. 5-е, стереотип. СПб. : Вариант, 1994. 554с.
14. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: Ок. 1000 статей [Текст] / Н.С. Шапарова. М. : ООО «Изд-во АСТ» ; ООО «Изд-во Астрель» ; ООО «Русские словари», 2003. 624с.

Григорьева А.Б.,
Курганский государственный университет,
кафедра древней литературы и фольклора,
аспирант

МОТИВ БРАКА У ВОДЫ В СВАДЕБНЫХ ПЕСНЯХ И СКАЗКЕ (СОПРЯЖЕНИЕ РАЗНЫХ ФОРМ ФОЛЬКЛОР)

Одним из древнейших типов брака, зафиксированных ранними письменными источниками, является так называемое умыкание, с согласия невесты и без согласия ее. Содержание этого типа брака включает следующие моменты. «Во-первых, конкретное пространство – у воды. Во-вторых, это было не похищение в полном смысле слова, а увод с согласия невесты. В-третьих, увод с какого-то общественного акта, сопровождавшегося «бесовскими» песнями и плясками. И, в-четвертых, увод жены «собе» (16, с. 80).

В народном осмыслении даже позднего времени этот брачный обычай, как правило, не осознавался умыканием. Его называли «убёгом» (10, с.97), «самоходкой» (3, с.22), «уводом» (7, с.286) и т.д.

Само разнообразие названий брачного обычая свидетельствует о его широком распространении, а бытование еще в начале 30-х гг. нашего века о прочности традиции древней обрядности.

Объектом нашего исследования является выявление особенностей исторической жизни одного из древних типов брака – умыкание – и его отражение в свадебной песне «Суряжала миня восудароня», ее варианте «Снаряжала Фросю мамонька» и сказках.

Источниковедческой базой исследования являются материалы, включенные в книги М.Г. Екимова «Русская свадьба сибиряков Среднего Приоболья», В.П. Федоровой «Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья», публикации сказки, а также фонды архива кафедры древней литературы и фольклора Курганского государственного университета.

С течением времени изменялись обрядность, обычаи, в том числе и обычай выбора жены у воды. «Судя по средневековым и поздним записям, ранее всего разрушился обычай коллективного «плясания», буйного веселья у водоемов. Другие черты этого брака сохранились. В разной форме и в разной степени сохранности они проявлялись и в свадебном обряде, и в предсвадебной обрядности последующих веков, вплоть до 30-х гг. нашего века» (16, с.80). Устойчивым оказался выбор невест у воды, трансформировавшийся в смотр, ярмарку невест.

В работах зауральских фольклористов общерусской традиции находим многочисленные примеры смотра невест у воды в различных частях Зауралья. Видимо, от давней традиции идет довольно строгое соблюдение селами места и времени выставки невест. В частности, в селах по Тоболу смотрины невест приурочивались к Афанасьевской ярмарке, одной из самых известных в этом регионе. Ярмарка проходила в селе Чернавском и длилась неделю: с 17 по 24 января. Сюда съезжались не только из ближних деревень. «В Крещение просим у тяти лошадь запрягчи, ехать на воду: женихам показаться и женихов посмотреть. Съезжаются со всех деревень на парах лошадей; ковры, подушки - все, как следует, в шальях шелковых. Невеста едет без отца, без матери, без свахи безо всякой, а едет с девками, с подружками. Из Яльма ездили, из Березово, из Подгорки, Островки; чернавские ездили сюда же, межборцы, и расейцы приезжали, у кого родня. На воду приедут, отстоят да в гости заедут, да еще по улице проедут по Глядянке, и потом домой едут.

Сотни коней наставят - сколько съезжаются. Думаешь, только Глядянку подломит. Много, много съезжались... Вот невесты встанут все это по порядку. Встанут женихи. Вот посматривают. И девушки, и ребята – в ряд. Пока батюшко служит у проруби, все смотрят. Как отслужит, тогда уж всяк по себе. Стоят, пока не замерзнут, пока невест не выглядят» (4, с.41).

Как видно, старинный обычай выставок невест продолжал жить и в послереволюционное время, разрушавшее исконную крестьянскую культуру. Афанасьевская ярмарка помогала устраивать человеческие судьбы. Обычай смотрин невест «в Крещение при освещении воды» в северо-западной части края отмечал А.Н. Зырянов (6, с.1008).

Смотр невест носил откровенный характер в Среднем Притоболье еще в начале 30-х гг. XX века. По сообщению Е.И. Бобковой (1913 г.р.), В.С. Ивановой (1904 г.р.) на Крещенское водосвятие в селе Нагорском (современный Притобольный район) «собирались на смотрины невесты из ряда деревень: Новой, Утяцкого, Меньшикова. Выстраивались они у Тобола на горе Серебрянке, чтобы быть видным всем. В этой выставочности не было ничего обидного и зорного, она была узаконенной в народном представлении» (17, с.184).

В работах В.П. Федоровой находим описание смотра невест в Шатровском районе. «В селах Дворцах, Самохвалове, Ожогине еще в конце 20-х–начале 30-х гг. XX в. на Крещенское водосвятие невесты сходились у воды, но стояли не особняком от всего населения, а вместе с женщинами, однако отдельно от мужской половины села. Внешне цель сбора невест прикрывалась, затенялась христианской обрядностью, но давняя традиция выбора невест у воды проявлялась

и здесь. Мужская и женская половины населения стояли друг против друга, пока священник не начал кропить водой. Когда священник начинал кропить, размежевание по полу разрушалось, так как обе стороны двигались к священнику» (16, с.82).

Таким образом, в Зауралье продолжали бытовать традиции, которые были отмечены еще в «Повести временных лет», а в северных губерниях источниками XIX века. В Новгородской губернии выставка невест у воды была обязательной. Собиралось «на Иордан все наличное количество невест того или иного прихода. Девицы во время водосвяточного молебна стоят на горе или возвышенном берегу реки или озера, а парни под горою, оттуда и высматривают девиц» (15, с.536).

В Казанской губернии Крещение уже в начале XX в. – тоже «большой смотр невест. На водосвятые приезжают женихи из окрестностей высматривать себе подругу; девушки поэтому в этот день наряжаются во все лучшее, белятся и румянятся» (11, с.301).

Смотр невест обязательно проходил у воды. В славянской традиции река – объект почитания и место совершения многих обрядов. По наблюдениям В.И. Ереминой, рекой обозначена та граница, которая разделяла земное и неземное существование, «жизнь и смерть». Река осмыслялась как дорога в иной мир, расположенный на другом берегу реки (5, с.187). И именно с воды, древнейшей формы погребения у славян, начиналось приобщение невесты к культуре предков.

Вода, с одной стороны, - граница между «этим» и «тем» миром, а также путь в загробный мир, расположенный на другом берегу или на острове среди моря, в которое впадает река. Повсеместно считалось, что через проточную воду могла осуществляться связь с иным миром (19, с.128). С другой стороны, вода - символ чистоты и плодотворности, а крещенская вода священна, следовательно, все, что происходит у нее, священно. «Все знали, что в крещение бывало так: если жених с невестой договорились, дак с воды-то и ташшат убегом невесту. А родители дома сидите» (4, с.142), с воды увести – не грех.

Звучавшие на свадьбе песни отразили древнюю форму заключения брака у воды. Рассмотрим важнейший свадебный компонент – сборы невесты. «Одевали невесту в горнице в присутствии девок, матери и родственниц. Сборы отчетливо выявляют родовые связи невесты. На обряд могла придти любая дальняя родня. Песня как зеркало отражала одевание невесты и пророчествовала будущее» (17, с.211). Сборы невесты бедны песнями. Соответствующий моменту был песня «Суряжала миня восудароня»:

*Суряжала миня восудароня
Во матерчатой сарафан,
На мой-то на резвы ноженьки*

*Карабельшички плывут водою,
Родна матушка - бережом,
Кричит: «Дитятко, постой-кося,*

Тонкобилёвые чулки,
Тонкобилёвые чулочки
И сафьяновы башмачки.
Подпоясала миня восудароня
Тонким шёлковым пояском.
На мою-ту, на буйну голову -
Тонкий шёлковый белой плат.
Брала, брала миня восудароня
За правую за рученьку,
Заводила миня восудароня
На паратнее на крыльцо,
На паратнее на крылечушко,
Карабельшичкам на карась.

Ты, сердешное, погоди!»
-Я бы рада, погодила бы -
Карабельчички не годят.
-Ты скажи-ко, моё дитятко,
Когда в гости-то побывать?
-Я не гостыюшкой к тебе приеду
Малой пташичкой прилечу.
Малой пташичкой, кинареечкой
В зелен садичёк упаду,
Я своимя-то слезьми горячимя
Все я кустики потоплю,
Я своими-то причетами
Весь народ-то удивлю (4, с. 257).

Безличное «меня» могло заменяться именем невесты:

Ой, снаряжала Фросю мамонька, Дак и карабельщички ой и отплыли,
Дак и снаряжала Фросю мамонька Дак и карабельщички ой и отплыли,
Дак и в ало платье ой матерчато, Тогда мамонька ой спохваталася,
Дак и в ало платье ой матерчато, Тогда мамонька ой спохваталася,
Дак и в бету шаль ой кашемирову, Дак ты когда же, родна ой доченька,
Дак и в бету шаль ой кашемирову, Дак ты когда же, родна ой доченька,
Дак и выводила Фросю ой мамонька, Дак ты когда же в гости ой
прибудеешь,
Дак и выводила Фросю ой мамонька, Дак ты когда же в гости ой
прибудеешь?

Дак и к быстрой реченьке ой на берег, Дак я не гостенькой ой прибуду,
Дак и к быстрой реченьке ой на берег, Дак я не гостенькой ой прибуду,

Дак и к карабельщичкам ой на карась, Дак я малой пташечкой ой прилечу,
Дак и к карабельщичкам ой на карась, Дак я малой пташечкой ой прилечу
(1, с.89).

В песне упоминаются корабли и карабельщички, с которыми отплывает героиня. Никакой карась в деревню никогда не заходил, но песня сохранила память о древнем обычае брака у воды. Песня сохранилась дольше, чем обряд заключения брака у воды. Отметим при этом, зауральскую традицию проведения молодежных гуляний, празднеств у воды. О широком распространении традиции свидетельствуют песни девичника, приведенные в книге «Русские свадебные песни Сибири» (13): «Полелей, полелей, Волге-река», «Уж ты лей, перелей, Волга», «Кругом багышка синя моря», «За рекой было, за реченькой», «Волга-река», «Вдоль по речке», «Ты, река ли моя, да реченька» и многие другие. Данные песни свидетельствуют об устойчивости мотива брака у воды.

Песня «Да у нас по морю» (13, с 204) - явный отголосок брака у воды. Мотивы этой песни перекликаются с мотивами сказки. Как в

сказке купались девицы, так и в песне «*Плывет лебедь с лебедятами*», то есть невеста с подружками. В песне мы встречаем метонимии: «*Он кровь пустил по синему морю, Ох, да он пух пустил*». «Кровь», «пух» - метонимии лебедушки.

Во многих свадебных песнях нет насильственного похищения невесты, а присутствует приглашение к браку, например:

<i>Лодка ли, моя лодка, лодка новая.</i>	<i>Садись со мною да, в лодку новую.</i>
<i>Лодка новая да, вся кленовая.</i>	<i>-Добрый молодец, тебя я не знаю.</i>
<i>Во этой во лодке генеральский сын,</i>	<i>-Красна девица, тебе расскажу я,</i>
<i>Генеральский сын, все Иван-господин.</i>	<i>Твоя матушка будет теща моя,</i>
<i>По бережку ходит красна девица,</i>	<i>Твой родной батюшка будет тестиком,</i>
<i>-Красна девица да, садись со мною,</i>	<i>А ты, красна девица, будешь невеста</i>
	<i>моя</i>

(18, с. 283).

Таким образом, традиция брака у воды нашла отражение в фольклоре. Но в одних сюжетах и мотивах генетические истоки прозрачны, в других затемнены. «Между сказкой и обрядом имеются различные формы отношений, различные формы связи. . .» - справедливо отмечал В.Я. Пропп (12, с.12). Как самой простой он назвал «полное совпадение обряда и обычая со сказкой» (12, с.12). Поскольку этот «случай встречается редко» (12, с.12), то каждое такое совпадение заслуживает внимания. Этот вывод распространяется и на песню.

«Совпадение брачного обычая со сказкой выразилось в локализации действия, вынесенного к водоему» (16, с.84). Герой довольно часто находит себе жену у воды, будь то лягушка, лебедь, девица. Меньшой сын «положил намерение, чтоб не возвращаться к отцу до тех пор, пока не найдет своей стрелы. И ходил два дня по лесам и горам, а на третий день зашел в превеличайшее болото, где увидел «пребольшую лягушку», которая держала его стрелу во рту» (2, №37). Отношение сказки к браку, заключенному у воды, откровенно уважительное как к явлению, обеспечивающему счастье. Выбор у воды невесты, кроме того, воспринимается глубоко нравственным и законным. Как бы герой ни пытался избежать брака, ему это не удастся, зато, женившись, он становится счастливым.

«Если у русских в реальной действительности умыкание без предварительной договоренности для поздних эпох не характерно, то сказки в большей мере донесли именно мотив умыкания» (16, с.85). Елену Прекрасную увозят на корабле, обманом заманивая на судно (2, №152). Василиса-царевна, плывшая в серебряной лодочке по морю, кажется, только для того и пристает к берегу, чтобы ее украл стрелец-молодец (2, №169). На корабле увозит вор Елену Прекрасную (2, №147). «Очевидно, это связано не столько с тем, что в период сложения волшебной сказки похищение жены было еще актуальным для социального бытия, но

и с чисто эстетическими задачами. Насильственное похищение позволяло заострить конфликт, придать напряженность действию» (16, с.85). Песни отразили не похищение невесты, а скорее именно заключение брака у воды с последующим переходом через реку, то есть на другую сторону и в иную половозрастную и социальную группу.

Заключение брака у воды неизменно оценивается волшебной сказкой как действие благоприятное, а песней как обрядово необходимое. Для сказки не играет роли характер умыкания – по уговору или без него. Важно одно обстоятельство – близость воды (озера, реки, болота) как свидетельство будущего счастья героев.

Древние брачные обычаи, сложившиеся в доисторическое время, таким образом, продолжали жить в историческое время. В ряде регионов они бытовали как переосмысленные реликты, в других – хорошо сохраняя древние черты.

Волшебные сказки, героизировавшие умыкание или сватовство у воды, опровергают мнение о том, что «убег» - явление позднее и свидетельство «разрушения прежних устоев» (8, с.1). «Убег» - не доказательство разрушения свадьбы, а отголосок древней традиции, которая в народной памяти никогда не угасала и воскресала там, где только складывались подходящие условия. И авторитет сказки – тому доказательство. Она отразила реальную действительность, часто сложно, переосмыслено, но всегда «в духе эстетических представлений» (9, с.262) определенных эпох. Несмотря на свою «ирреальность, сказка живет во времени и пространстве, явно реагирует на современную ей действительность и тесно связана с историей, жизнью и бытом того народа, который ее творит, рассказывает и слушает» (12, с.202). Как всякое художественное произведение, сказка не только отражает жизнь, но и дает ей оценку. В противовес официальным и церковным указаниям, сказка видела и в сватовстве у воды, и в уводе жены от воды древние акты, в основе своей священные, исконность, традицию. «Беглые свадьбы» и сказки о них были «формой проявления народных, крестьянских воззрений, существовавших на своих тысячелетних исконных основах» (16, с.87).

Примечания

1. Архив кафедры древнерусской литературы и фольклора Курганского государственного университета. Коллекция «Самохвалово–85».
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3-х т. М., 1957.
3. Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова И.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге. М.: Современник, 1985. 390 с.
4. Екимов М.Г. Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область). Курган: Кургамыш, 2002. 481 с.

5. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 206 с.
6. Зырянов А.Н. Свадьба. Рукопись 1850 г.// Зеленин Д.К. Опис. рукоп. уч. арх. Т.3.
7. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь: В 2-х т. Т.1. Сиб., 1865.
8. Логиновский К. Свадебные песни и обычаи казаков восточного Забайкалья // Записи Приамурского отдела РГО. Т.5. Вып. 2. Хабаровск, 1899.
9. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М., 1958.
10. Осипов Н.О. Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. Вып. 1. Отд.2. СПб., 1893.
11. Петровская К.И. Из жизни крестьян села Кургул //Изв. общества арх., ист. и этнографии при Казанском университете. Т.26. Вып.4. Казань, 1910. С.301.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
13. Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р.П. Потанина. – Новосибирск: Наука, 1979. – 334 с.
14. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980.
15. Синозерский М.О. выборе невест в Новгородской губернии // Живая Старина. 1896. Вып. 3 – 4. Отд.8.
16. Фёдорова В.П. Древний тип брака (обряд и сказка) // Поэзия и обряд. Межвуз. сборник науч. трудов. МГПИ им. В.И. Ленина. М: «Прометей», 1889. С.79-89.
17. Фёдорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997. 284 с.
18. Фольклорные сокровища Псковской земли. Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наследие, 1997. Т 1. 423 с.
19. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: Астрель, 2001. 623 с.

Гришмановская О.Л.,
Курганский государственный университет,
филологический факультет (русская филология),
студентка III курса

РУССКИЕ ФАМИЛИИ В РЕВИЗСКОЙ СКАЗКЕ 1858 ГОДА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КУРГАНСКОГО ОКРУГА УСТЬ- СУЕРСКОЙ ВОЛОСТИ

История фамилий, их хронологическая и локальная
прикрепленность, динамика становления – проблемы, привлекающие

внимание ономастологов. Историко-культурную и лингвистическую ценность имеет антропонимический материал Ревизских сказок, в частности «Ревизской сказки о ссыльных поселенцах и государственных крестьянах Тобольской губернии Курганского округа Усть-Суерской волости» (Д.190. О.1. Ф.3. л34). В ней содержится 101 фамилия поселенцев государственных крестьян с указанием их возраста, отметкой, когда и куда они выбыли, а также фамилии жен и детей, иногда с указанием места рождения: «Егора Антонова жена изъ сибирячекъ Акулина Матвѣева...» (л25).

Ревизская сказка написана скорописью на плотной бумаге черными чернилами.

Задача нашего исследования – проследить функционирование фамилий мужского пола в Ревизской сказке 1858г., отметить их значение и происхождение. Слово *familia* у римлян относилось не к супругам и их детям, а к рабам: *Famulus* – домашний раб, а *familia* – совокупность принадлежащих одному человеку рабов. Однако оно распространилось по Европе в значении «семья, семейство, супруги».

На русской почве фамилия – «семейное имя», передающееся от старшего поколения к младшему. В Петровскую эпоху оно проникло в официальное делопроизводство. В департаментах, коллегиях и других государственных учреждениях стали именовать людей по фамилии, имени и отчеству. В допетровскую эпоху при проведении переписи населения требовалось, чтобы всех записали по именам «с отцы и прозвищи».

Первыми на Руси получили фамилии представители высших классов как следствие социально-классовой принадлежности человека. Родовое имя князей и близких к ним лиц передавалось по наследству. Представители средних и низших слоев населения получали фамилии по мере их участия в общественной жизни, когда они выступали юридически ответственными лицами, выезжая из родных мест.

К концу 17- началу 18 века знатные роды теряют привилегии, постепенно распадаются, что сказывается и на фамилиях людей. Идет интенсивное образование фамилий городского населения в связи с развитием торговли и ремесел.

В 18-19 веках складываются фамилии русского духовенства. По причине ухода в города на строительные работы закрепляются фамилии у значительного числа крестьян. У крестьян, оставшихся в деревнях, официально закрепленных фамилий вплоть до конца 19 века не было. Некоторые крестьяне получили официальные фамилии лишь во время паспортизации (30 года 19 века), обходясь уличными или деревенскими фамилиями, прозвищами, по которым они были известны в своих местах. Отсутствие у крестьян постоянных, передававшихся от отца к сыну фамилий объясняется спецификой фамилий как особых,

официальных наименований. Чтобы фактически различить двух Иванов, недостаточно было указать их возраст и точный адрес.

Чаще всего фамилией становилось отчество. Это патронимические фамилии. Отчество отца, утрачивая значение отчества, приобретало новое значение, приближающее его к значению современных фамилий. Отчества, переходящие в фамилии, образовывались от личных собственных имен. Из них выделялись собственно русские, или *неканонические* фамилии дохристианского происхождения: Егор Киселев (30об) [от нехристианского имени Кисель]; Петръ Куликовъ (29об) [от нехристианского имени Куликъ].

В нашем источнике встречается 12 неканонических фамилий.

При крещении человеку давалось календарное имя в честь личности святого или христианского подвижника. Эти имена прочно обосновались в русском языке. Фамилии, образованные от таких имен иноязычного происхождения, называют *каноническими*. Самую большую группу в их составе представляют имена греческого происхождения. В нашем материале их 21 наименование, что связано с распространением христианства: Иванъ Петровъ (33об) [Петр – «камень»]; Михайло Васильевъ (31об) [Василий – «царственный»]; Прокопій Михайловъ (24об) [Михаил – «богоравный»]; Василій Кирилов (33об) [Кирилл – «господин»]; Иванъ Андреевъ (33об) [Андрей – «мужественный»]; Гаврила Леонтьевъ (л18) [Леонтий – «львиный»]; Иванъ Харитоновъ (30об) [Харитон – «красота»].

Группа фамилий, образованных от древнееврейских личных имен, составляет 16 наименований: Александръ Ильинъ (33об) [Илья – «мой Бог»]; Антонъ Ивановъ (31об) [Иван – «милость божья»]; Матвѣй Даниловъ (18об) [Даниил – «Бог мне судья»]; Григорій Назаровъ (18об) [Назар – «посвятил себя Богу»]; Козьма Исаевъ (28об) [Исайя – «помощь Яхве»]; Иванъ Гавриловъ (27об) [Гавриил – «моя мощь – Бог»]; Анисимъ Семеновъ (27об) [Семень – «слышащий»].

Единичны фамилии, образованные от имен латинского происхождения: Егоръ Антоновъ (24об) [Антон – «состязующийся»]; Павелъ Игнатъевъ (21об) [Игнат – «неродившийся»].

Ряд русских фамилий образован *от прозвищ*. В значениях их основ лежит сравнение человека по тому или иному свойству: по внутренним свойствам, качествам человека: Федоръ Губскій (30об) [Губа – «упрямый, своенравный человек»]; по умственному недостатку: Иванъ Непомнящий (30об); по физическому недостатку или признаку: Никита Криворотовъ (31об); Гаврила Шиловъ (об) [Шило – «высокий худощавый человек»]; по названию профессии: Иванъ Стрѣлец (19об); Ефимъ Столяровъ (27об); по месту жительства: Иванъ Задорожный (30об); Акимъ Колужскихъ (33об); по социальному положению: Иванъ Дворяновъ (19об); по порядку

рождения ребенка в семье: Семень Позняковъ (27об) [Позняк – «поздний ребенок»]; по названиям животных и птиц: Павелъ Барановъ (26об); Петръ Куликовъ (29об); по названиям географических объектов: Акимъ Колужскихъ (33об); Василий Тереховъ (23об) [река Терек].

В нашем материале имеют место *нерусские* фамилии, относящиеся к ссыльным поселенцам, из них: балтийские: Отонсонъ (20об); Шапугистъ (22об); Венчасъ (26об); Штапунтасъ (33об); немецкие: Котциотъ (33об); Бекеръ (21об). Значения их основ затемнены.

По способу образования первое место (82 фамилии) занимают русские фамилии с суффиксами – ов/ев; – ин. Встречаются украинские фамилии на –ко (7): Петренко (27об); Есько (24об); польские на –ский (4): Ставрицкій (18об); Шемонскій (27об).

Таким образом, в рассмотренной нами Ревизской сказке численно преобладают русские фамилии иноязычного происхождения.

Никонова Е.Б.,
Курганский государственный университет,
кафедра русского языка, аспирант

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМО- АНТОНИМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Необходимость совместного описания синонимов и антонимов осознана лингвистами давно. В зарубежной лексикографии известны словари, в которых синонимы описываются вместе с антонимами [1], [2], [3]. Правда, объединение это нередко носит механический характер. В последние годы в русистике предпринимались попытки передавать антонимы и синонимы в виде единой системы, единой парадигмы.

Прежде всего, следует назвать работу Г.И. Лукиной «Синонимы и антонимы в пределах лексико-семантической группы слов», в которой выделены три вида соотношений между синонимами и антонимами: «1. Наличие антонимии в чистом виде, когда у каждого члена антонимической пары отсутствуют сходные по значению слова-синонимы: *горький – сладкий*. 2. Наличие у одного из членов антонимической пары синонима: *легкий – тяжелый, тяжкий; мягкий – жесткий, жестокий*. 3. Наличие синонимов к обоим членам антонимической пары: *горячий, теплый – холодный, студень* [4, с.106].

О необходимости сравнительного изучения синонимов и антонимов в семантическом аспекте писал Л.А. Новиков: «Антонимия есть семантическое отношение возможных для каждого случая крайних (полярных) членов тематической группы, синонимия (в широком смысле этого слова) – отношение ближайших членов этой группы» [5, с.92].

Л.А. Введенская [6] исследовала лексико-семантические группы, состоящие из трех частей: среднее звено (*настоящее*) и два ряда синонимов (ряд А – *прошлое, прошедшее, минувшее, бывшее* и ряд Б – *будущее, грядущее*). При исключении слов, составляющих среднее звено, возникнет синонимо-антонимическая парадигма.

В.А. Иванова разделяет все антонимические пары на две группы, имеющие синонимы: 1) к обоим членам пары (двухрядовые структуры) и 2) к одному из членов пары (однорядовые структуры). Подобного рода объединения, как полагает В.А. Иванова, способны пересекаться друг с другом, вследствие того, что некоторые из слов входят в разные объединения, в результате чего получаются более крупные объединения, которые В.А. Иванова называет «синонимо-антонимическими блоками» [7, с.70].

Объектом исследования Н.В. Драчук выступают многозначные качественные прилагательные, определяющие структуру и функционирование антонимо-синонимических блоков в русском языке [8].

Лингвисты по-разному называли объединения синонимов и антонимов, например: «антонимическими блоками» [9, с.76], «антонимическими рядами» [10, с.119], «антонимо-синонимическими блоками» [11, с.17] и др. На наш взгляд, наиболее точным наименованием должно быть «синонимо-антонимическая парадигма». Данный термин мы и употребляем в настоящей статье.

Единство синонимов и антонимов – это не только требование их рационального описания. В единстве они существуют и в сознании говорящих. Имеются работы, подтверждающие то, что восприятие синонимов происходит точнее, если они воспринимаются вместе с антонимами, употребленными в том же контексте: «... в контексте под влиянием антонимов, то есть в условиях притяжения к логически противоположному, происходит смещение в сторону лучшего восприятия отличий. Объем перекрещивающихся элементов как бы уменьшается...» [12, с.78].

Синонимо-антонимическая парадигма процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния до настоящего времени не была предметом исследования. Выяснение взаимодействия фразеологических синонимов с фразеологическими антонимами позволяет глубже проникнуть в сущность данных языковых явлений, показать проявление системных отношений во фразеологии.

Мы исследуем синонимо-антонимическую парадигму процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния. С целью выявления и описания таких парадигм составлена рабочая картотека, которая включает 1280 процессуальных фразеологических единиц субкатегории состояния в 8750 употреблений. Картотека собиралась из произведений русской литературы 19-20 в.в. разных жанров. В результате анализа нами выявлены тридцать две синонимо-антонимических парадигмы процессуальных фразеологических единиц субкатегории состояния.

Синонимо-антонимическая парадигма процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния – это определенным образом структурированное единство фразеологических антонимов и синонимов, объединенных совокупностью объединительно-различительных признаков:

Ряд А – БЫТЬ В МОДЕ Войти в моду, войти в употребление, войти в быт, идти в ногу со временем, не отставать от жизни, не отставать от времени;

ряд Б – УСТАРЕТЬ Выйти из моды, выйти из употребления, отойти от моды, отстать от жизни, отстать от века.

Интегральные семантические компоненты способствуют объединению фразеологических единиц в одну парадигму, с помощью дифференциальных компонентов происходит разделение парадигмы на ядро и периферию. Ядерную зону составляют стилистически нейтральные фразеологические единицы, в периферийную зону входят фразеологизмы, осложненные оттенками значения или стилистически маркированные. Например:

Ряд А – ПОЛНЕТЬ Набирать вес, прибавлять в весе, растить тело, наедать тело, растить живот, наедать живот, нагулять брюшко (разг., часто шутил.), нагулять жир (разг., часто шутил.), входить в тело (прост.), обрастать салом (прост., презрит.), заплыть жиром (прост., презрит.), лопаться с жиру (прост., презрит.), нагрязнула тучность (устар., книжн.), чрева огрузли (устар., книжн.);

ряд Б – ХУДЕТЬ Сбрасывать вес, терять в весе, таять на глазах, таять с каждым днем, остались кожа да кости, осталась одна тень, ветром шагает, спадать с тела (разг.), упасть телом (разг.), одолела худоба (разг.).

Ядро данной парадигмы составляют охваченные антонимическими отношениями стилистически нейтральные фразеологизмы: *набирать вес, прибавлять в весе – сбрасывать вес, терять в весе.*

Из первого синонимического ряда на ближней периферии находятся стилистически нейтральные фразеологизмы, имеющие дополнительные семантические оттенки: *растить тело, наедать тело*

«хорошо, регулярно питаюсь, полнеть»; *растить живот, наедать живот* «хорошо, регулярно питаюсь, отращивать живот». Дальнюю периферию составляют стилистически маркированные фразеологизмы: *нагулять брюшко* (разг., часто шутл.), *нагулять жир* (разг., часто шутл.) «отдыхая, хорошо и регулярно питаюсь, отращивать живот»; *входит в тело* (прост.) «поправляться, крепнуть; полнеть»; *обрастать салом* (прост., презрит.), *заплывать жиром* (прост., презрит.) «очень сильно располнеть»; *лопаться с жиру* (прост., презрит.) «сильно жиреть, полнеть, обычно при безделье, праздном образе жизни». На самой дальней периферии находятся устаревшие фразеологические единицы: *нагрязнула тучность, чрева огуззли*.

Из второго синонимического ряда на ближней периферии парадигмы находятся стилистически нейтральные фразеологизмы, осложненные оттенками значения: *таять на глазах, таять с каждым днем* «очень быстро худеть»; *остались кожа да кости, осталась одна тень, ветром шатает* «кто-либо очень сильно похудел, крайне отощал». Дальнюю периферию составляют стилистически маркированные фразеологические единицы: *спадать с тела* (разг.), *упасть телом* (разг.), *одолела худоба* (разг.) «худеть, сильно теряя в весе».

Вопрос о доминанте синонимического ряда фразеологизмов до сих пор является спорным во фразеологии. В.П. Жуков в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» утверждает, что «синонимические ряды располагаются по алфавиту опорных фразеологизмов. Опорный (заглавный) фразеологизм является самым употребительным в синонимическом ряду, обладает широкой сочетаемостью и, что особенно важно, более или менее активно способен замещать другие синонимичные обороты в контексте» [13, с.14]. Придерживаясь такого подхода, пользователь словаря не всегда может найти нужный синонимический ряд фразеологизмов. Ориентация на чисто фразеологическую семантику заставила авторов значительно уменьшить число описываемых синонимических рядов, что также не позволило продемонстрировать всего богатства русской фразеологической системы.

Учитывая, что семантическая структура лексем и фразеологизмов как номинативных единиц имеет много общего, мы придерживаемся точки зрения В.М. Мокиенко, который считает, что необходимо ориентироваться на «лексическую, а не на фразеологическую смысловую доминанту... Читатель легко отыщет нужный ему фразеологический ряд синонимов под наиболее частотным и обычно стилистически нейтральным словом. Такой подход, как представляется, особенно удобен для переводчика и читателя-иностранца (интуитивный поиск фразеологизма-доминанты для последнего исключительно труден)» [14, с.5].

Четкая иерархия фразеологических единиц внутри одного синонимического ряда – одна из самых сложных проблем, до сих пор не разрешенная ни в теории, ни в словарной практике. Мы предлагаем относительно целостную иерархическую систему расположения фразеологизмов внутри синонимического ряда. Доминирующим направлением семантической иерархии является линия «сверху вниз», то есть от более общего значения – к более дифференцированному, частному. Внутри ряда мы также предлагаем и более детализированную градацию – стилистическую. Она дается с помощью помет, характеризующих тот или иной фразеологизм по сфере употребления, степени его актуальности в современном русском языке и экспрессивно-эмоциональной тональности.

Таким образом, фразеологические синонимы и антонимы могут быть объединены в одну систему, в одну парадигму с помощью объединительно-различительных признаков. Интегральные признаки – категориальное значение процессуальности, субкатегориальное значение процессуального состояния, групповое значение (психическое, биологическое, физическое, социальное состояние); дифференциальные признаки – индивидуальное фразеологическое значение, принадлежность фразеологической единицы к той или иной сфере употребления, степень ее актуальности, экспрессивно-эмоциональная окрашенность.

Примечания

1. Platt Ch. Dictionary of Synonyms and Antonyms. London: W. Foulsham & Co., 1949. 93 p.
2. Devlin J.A. A Dictionary of Synonyms and Antonyms. N.-Y.: Fawcett Popular Library, 1961. 384 p.
3. Dictionair des Synonymes analogies et Antonymes / Red. Boussinot R. 2 ed. Paris: Bordas, 1983. 1031 p.
4. Лукина Г.И. Синонимы и антонимы в пределах лексико-семантической группы слов // Лексикографический сборник. 1963. Вып.6. С. 105-116.
5. Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // Рус. яз. в шк. 1966. № 4. С.92.
6. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка: около 500 антонимических гнезд/ Л.А. Введенская. М.: Астрель: АСТ, 2006. 445с.
7. Иванова В.А. Синонимо-антонимические блоки // Вопросы русского языка и литературы. Кишинев: Штиинца, 1979. С.61-76.
8. Драчук Н.В. Полисемия как один из факторов формирования антонимо-синонимических блоков (на материале качественных прилагательных русского языка).: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24с.

9. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 290с.
10. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1983. 355с.
11. Федосов Ю.В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 190с.
12. Каплан М.С. Взаимосвязанное стилистическое употребление антонимов и синонимов // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань, 1971. Сб.3. С.73-81.
13. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987. 440с.
14. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 352с.

Селина Н.Е.,
Курганский государственный университет,
кафедра древней литературы и фольклора,
аспирант

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА СВЯТОЧНЫХ ГАДАНИЙ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Архивные материалы фольклорных экспедиций КГУ, научно-методического центра «Лад», в деревни работавших в Зауралье, позволяют нам говорить о специфике локального состояния традиционных форм зимней календарной обрядности XX столетия: гадания, ряжения, ритуальных бесчинствах молодежи и т.д. Цель нашей статьи – выявить особенности локального бытования гаданий, проявляющихся в пространственных, а также во временных координатах. Сконцентрируем внимание на локусах крестьянского жилища, где в сакральный час образуются «дыры» из нематериального, параллельного, «тонкого» мира, некоего «физического поля» в реальное жилое пространство, из одного временного измерения в другое, активизируясь с наступлением святочного периода.

В экспедиционных записях прослеживается идея единства семейной и календарной обрядности, что проявляется, в частности, в их приуроченности к определенному времени года - к святкам. И. М. Снегирев характеризовал святки как «довольно продолжительное «пороговое» время. Этим народным зимним праздником оканчивается

один год и начинается другой. Святки осмысляются как праздник возрождения солнца, канун же Нового года (ночь на Новый год) – как время встречи возродившегося солнца» [13, 1]. В.И. Чичеров отмечал, что «рождественская обрядность как бы соединяла старый и новый год, завершала один и открывала другой; она начиналась в конце старого года, и в ее системе большую роль играла «магия первого дня», проецирующая желаемое благополучие на весь предстоящий промежуток времени. Также в конце старого месяца начиналась «новомесечная обрядность» [14, 92]. Ведь «святочный вечер, совпадающий с рождественским сочельником, означает к тому же «перелом» зимы» [10, 299].

Основной набор ритуальных действий и магических приемов зимнего цикла сосредотачивался в его кульминационные моменты – Рождество, Новый год и Крещение. Гадания являлись пассивной формой обряда, переплетались со многими его активными формами, особое место среди которых приобретали обряды, имевшие значение почина, так называемая магия первого дня; эти обряды носили заклинательный характер. Под мантическими обрядами мы подразумеваем совокупность магических действий с использованием магических атрибутов, посредством которых в сакральное время и в сакральном пространстве обращаются к духу – предсказателю, получая от него знаки – символы, знаменующие будущее и расшифровываемые гадающими.

В Осиновке в 20-30 годы еще бытовали разнообразные формы гаданий. К особенностям местной традиции следует отнести отсутствие подблюдных песен. Даже информанты 1900 года рождения заявляют, что от родителей не слышали об этом. [Осиновка – 2004. С. 64]. В Зауралье переселенцы принесли наиболее распространенные формы гаданий, и сопоставление с общерусскими материалами позволяет нам говорить об этом. Для гаданий откупалась изба одинокой женщины, старухи, вдовы. С.А. Моисеева рассматривает социальный статус одинокой женщины, вдовы, «как двойственный: с одной стороны - социально ущербный, с другой ритуально-чистый» [11, 49]. Можно сделать вывод, что гадания происходят не зря в месте обитания одинокого человека т. к. оно (место) уподоблено чужому миру, в котором наблюдается нарушение миропорядка, являясь своеобразной аномалией. Х.Е. Керлот замечает, что «извечная дуальность Природы означает, что ни одно явление не может представлять законченной реальности, а лишь одну ее половину. Каждая форма имеет дополняющее ее соответствие: мужчина – женщина, правое – левое. Эти символические образы не столько выражают двойственность охватываемых ими сил, сколько дополняют охватывающую их бинарную систему» [8, 95-96]. Платой были керосин, картошка, дрова [Мальцево – 2003. С. 22, Осиновка – 2004. С. 15].

Соблюдение определенных условий дает возможность осуществления контакта с «иным миром». Гадают именно в урочный час - вечером, ближе к полуночи, до «петухов». Святки осмысливались как темное время, являлись своеобразным переходом от тьмы к свету. Святоточный период можно характеризовать как «размыкание» времени, вследствие чего в «этот» мир проникает некое мифологическое время, в котором есть элементы прошлого, настоящего и будущего. Контакты «этого» и «того» миров активизируются в «пороговое время». В это сакральное время, в полночь, по народным представлениям, дух (оракул) является с «того» мира в «этот».

В русской культуре, земледельческой и потому ориентированной на цикличность «жизни» солнца, святоточный период знаменовался наиболее короткими днями и длинными ночами. Время, в котором протекает жизнь человека с его делами и заботами, одинаково противопоставлялась как прошедшему, так и будущему. И прошедшее, и будущее время выходило за рамки повседневности. А.Я. Гуревич выделяет в сознании средневекового человека два типа времени: линейное и циклическое [7, 46-47]. Линейное – время повседневности, а циклическое – время мифов и предков. «Линейное подчинено циклическому, а празднества и ритуалы как раз и образуют то звено, при помощи которого эти два типа времени связываются между собой» [15, 147]. В этом плане показательным также, что наибольшей значимостью в Святки отмечено именно темное время суток – вечер и ночь, на которые приходилось большее количество действий и обрядов гадательного характера. Даже «для обозначения периодов внутри Святот в русской традиции использовалось слово «вечер»: «святые вечера» и «страшные вечера» [12, 49]. В избе занавешиваются все окна, заранее убираются иконы. Гадают, не творя молитвы, «без креста, без пояса и не благославясь» [10, 322]. Обязательным было снятие пояса, а также распускание волос [Коллекция Ф-89. С. 18]. В соответствии с системой мифологических воззрений распущенные волосы были принадлежностью иного, неупорядоченного мира – как известно, они были одной из характернейших особенностей внешнего облика русалок и ведьм, в то время как обычные женщины прятали волосы под головные уборы. Большинство гаданий были вне своего дома, в чужом пространстве. Свое пространство противопоставляется чужому. «Чужое начинается там, где кончается свое, и эта граница путешествует вместе с человеком. Это особенно проявляется в тех ритуалах <...>, в которых реализуется схема проникновения субъекта (героя) в иной мир» [5, 9]. Относительно пространства соблюдается принцип бинарной оппозиции «свой-чужой». Из утверждения А.К. Байбурина следует, что «некоторым частям пространства приписывались более или менее

постоянная связь с иным миром, т.е. в большей степени, чем другим, была свойственна функция границы. <...> Чаше всего это дороги (и особенно перекрестки дорог), кладбища, вымороченные места и места захоронения так называемых «заложных» покойников, заброшенные дома, поселения» [5, 11].

Для гаданий также использовались нежилые места, которые являлись пограничным, связующим звеном между миром «своих» и миром «чужих». В работе «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян» А.К. Байбурина рассматривает структуру осваиваемого (освящаемого) жилого пространства, отмечая особо значимые в ритуальном отношении части жилища [4, 89] красный угол, дверь, окно, подпол, печь и др.

Федорова В.П. в книге «Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья» на примерах экспедиционных материалов рассматривает роль выбора места в святочных гаданиях как возможность контактов «с нечистой силой». «В Самохвалове наиболее «качественными» гаданиями считались те, которые совершались в погребке или в подполье в полночь, при свете лучины. Вглядываясь в зеркало, не мигая, пока «не прокапает три слезы, девушки старались увидеть будущего мужа». Размазанная слезами копоть превращала девичьи лица в пугающие маски. «Вылезали, как черти, сами себя и друг дружку боялись» (Самохвалово – 91. С. 60-61) [16, 94]. Подпол, печь, дверь, окно, красный угол – пограничная зона, где происходит контакт с оракулом.

«Дверь соединяли с красным углом нитью, которую привязывали к дверной ручке, при этом оставляя ее приоткрытой». [Осиновка – 2004.С.13, Мальцево-2003. С.23]. Красный угол – часть дома, в котором висят иконы, и стоит стол. Это наиболее парадное и значимое место в жилище. Красный угол обращен, как правило, на юг или восток, что в пространственных и религиозных представлениях связывает это место с солнцем. Даже в самом оформлении красного угла и его символике велика роль христианских элементов: божница ассоциировалась с алтарем православного храма и осмыслялась как место присутствия самого Бога. А стол уподобляется церковному престолу. В то же время красный угол связан с культом предков. «Старые люди говорят, что покойник должен лежать ногами к иконам» [Коврига 2000. С. 17, оборот]. «По поверью, в красном углу от трех до сорока дней пребывала душа умершего после того, как она покидала тело. Поэтому покойник повернут лицом к иконам» [Неонилинское – 1999. С. 51] Исходя из вышеизложенного, в период гаданий красный угол представляется местом возможного посещения душами умерших и, приобретал также, как и дверь, функцию маргинальности.

Дверь ассоциировалась с рождающим началом, но в то же время, под порогом закапывали мертворожденных и умерших без крещения детей. «Рожали дома на печке. Рожали так же под порогом; мертвых младенцев хоронили в голбце» [Коврига 2000. С. 35]. С точки зрения Л.Я Штернберга: «В основе подобных поверий лежит некогда существовавший обычай хоронить под очагом, полом, семейным порогом умерших предков. <...>Пережитком хоронения возле дома является культ порога и культ очага, ибо это было местом погребения, и, хотя эта форма погребения уже исчезла, мы встречаемся с поверьем, что под очагом покоится предок [16, 336], а в поздней традиции – мертворожденных младенцев [3, 113].

Н.А. Криничная ставит знак тождества между перекрестком и порогом (переднему углу, помосту). Образ росстани в значительной мере порожден представлениями, связанными с культом мертвых, восходящим к культу предков. Порог (передний угол), «маркирован знаками предков, домашних духов. Не случайно в одной из сказок умершая девушка возрождается к новой жизни благодаря тому, что ее на похоронах протаскивают сквозь отверстие, вырытое под порогом избы, а затем погребают на перекрестке. Здесь обнаруживаются признаки существования иного, параллельного мира, который одновременно и тождествен, и противоположен реальному» [9, 458].

Печь и подпол играли не последнюю роль в похоронной и поминальной обрядности. Зауральские крестьяне «открывали печную трубу, чтобы душа умирающего могла свободно вылететь.<...> После похорон заставляли смотреть в подпол, заслонку от печки убирали и смотрели в трубу» [Михалево – 1994. С. 42]. По народным представлениям, «умерший может являться своим родственникам в погреб» [Прорыв – 1993. С. 79, оборот]. По мнению А.К. Байбурина, «предки (деды, родители) – особая категория персонажей, относящихся одновременно к своему и чужому. Они расцениваются и как «свой в чужом» и как «чужие в своем». Поэтому в отношении к ним отчетливо появляются две тенденции: с одной стороны – страх, стремление изолировать, оградить себя от общения с ними; с другой – почтение и почитание, стремление поддержать связь». [5, 12]. Таким образом, вполне объяснимо использование печи и подпола в обряде святочного гадания. Вероятно, в связи с этим обычаем, порог соотносится с культом предков, и дверь понималась не только как выход на улицу, но и как «небесные врата».

Способность соединять видимый и невидимый мир, осуществляется в гаданиях исследуемого региона при помощи нити. Она (нить) является своеобразной дорогой из мира мертвых в мир живых.

«В погреб спускали нитку и ждали, кто вылезет» [Ильино – 1992. С. 63]. «В 12 часов ночи ставили на стол зеркало и натягивали

веревочку, привязывая ее одним концом к столу, другим к матице. Не мигая, смотрели в зеркало. Будущий суженый должен был выйти из зеркала и идти по веревочке. Как только он доходил до матки, веревочку надо обрезать – иначе, он бы задушил» [Коллекция А-99. С. 44]. «Лица того, кто приходил, не видели, только слышали шаги» [Коврига – 2000. С.7].

«В мифологии пряже (нити, веревке, шнуре) соответствует человеческий волос, осмысливаемый как средоточие жизненной силы (души)» [9, С.481]. В.П. Федорова в статье «Содержание обряда косокращения» обнаруживает «внешнее сходство волоса с нитью. <...> Длинные-длинные нити стали иносказательным обозначением человеческой жизни [18, С.125-127].

С.А. Моисеева характеризует суженого-ряженого как «предназначенного, предписанного, поставленного в ряд кем-то свыше, кто и спускает на землю каждому свои нити судьбы, наделяя людей долей» [11, 82]. Нить, по мнению В.П.Федоровой, обладает «функцией соединения, например, в обряде протягивания нитей от дверей жениха до дверей невесты, соединение их ложек, рюмок. <...> Нити приписываются любовные чары – сила, имеющая непосредственное отношение к браку» [18, 126]. В связи с этим, можно привести пример приворожки, когда «девушка идет на кладбище, на могилку с именем милого, принеся с собой катушку ниток или полотно. Обматывая надгробие, читает заговор:

Иди, зорюшка, во чисто полюшко.	Как не может дитя без мати,
Разыщи, зорюшка, душу раба (имя),	Овца без ягняти,
Чтобы он слышал и не слышал,	Так и раб божий (имя)
Видел и не видел,	Без ума с ума сходил.
За мною всюду ходил,	Ключик в океане море,
От тоски завыл.	Замок на запоре. Аминь

(Шатрово – 2004. С. 105).

Исследуемый материал свидетельствует о восприятии святочного периода как особой пространственно – временной точки. Святочная обрядность, сохранившаяся вплоть до начала XX века, характеризуется как время взаимопроникновения и осуществления контактов разноприродных «миров»: живых и мертвых, людей и мифологических существ, - которые в обыденное время считались четко разграниченными и, в определенном смысле, самодостаточными. Вся святочная обрядность пронизана идеей контакта и взаимообмена между «мирами», а знание о судьбах, которые «пишутся» за пределами мира людей, приобретает в результате общения с нечистой силой, связанных с миром мертвых и миром природы.

Примечания

1. Архив КГУ.
2. Архив научно - методический центр «Лад».
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.2.
4. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
5. Байбурин А.И. Ритуал: свое и чужое //Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990.
6. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
8. Керлот Х.Э Словарь символов. Мифология. Магия. Психианализ. М., REFL book, 1994.
9. Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. М., 2004.
10. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1993.
11. Моисеева С.А. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Магнитогорск, 2006.
12. Русская мифология. Энциклопедия /под ред. Е. Мадлевской М.: «Эксмо», СПб.: «Мидгард», 2006
13. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники. М., 1838. Вып. 2.
14. Федорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997
15. Федорова В.П. Содержание обряда косокрашения. // Одиннадцатые Бирюковские чтения. Тезисы докладов под ред. С.Б. Борисова. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1994.
16. Чичеров В.И. Зимний период народного земледельческого календаря XVI-XIV веков. Институт этнографии им. Миклухо-Маклая. Т.40. М., 1957.
17. Шахова Л.Н. Бытование обряда гадания на Урале (коллекции 1964-1992гг.) //Устная и рукописная традиции: сб. научных трудов. Екатеринбург. УрГУ, 2000. С. 146-156.
18. Штернберг Л.Я Первобытная религия. Л., 1936.

ОБРЯД ИНИЦИАЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ («ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА», «ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ») И РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

«Инициации (от лат. *initiation*— совершение таинств), посвячительные обряды в первобытном обществе, связанные с переводом юношей и девушек в возрастную класс мужчин и женщин» (3, с. 492).

Попытка рассмотрения проблемы инициации в фольклоре на широком материале впервые предпринята академиком Дж. Фрейзером в работе «Золотая ветвь». Более конкретно в означенном аспекте рассмотрены русские волшебные сказки В.Я. Проппом. По его изысканиям, важным звеном инициации героя в произведении была схватка со змеем. При этом у героя всегда был меч. В разных фольклорных культурах меч является принадлежностью рыцарей, героев и богатырей (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Иван-Царевич, Святогор, Вольга Всеславьевич, Беовульф, Зигфрид, Тристан и т.д.). При этом следует отметить, что меч всегда гиперболизирован, его может поднять только богатырь, подобный Святогору: «Говорит Святогор: «Братец Илья Иванович, ты бери мой меч-кладенец, разруби крышку (гроба) острым мечом!» «Не могуя, старший брат, твой меч поднять!» «Наклонись ко мне, Илья, дуно я на тебя богатырским духом!» (2, с. 73). И только после этого Илья смог поднять меч. Этот меч весит пятьсот пудов: «...вон у него меч в пятьсот пудов, поднимешь ли его? Иван-царевич не только поднял меч, еще бросил кверху...» (13, с. 44). Одного удара им достаточно, чтобы разрушить каменную стену или крепостные ворота: «Вынул (Иван-богатырь) меч, подошел к воротам, такой нанес удар, что ворота соскочили со всех крепких засовов, лопнули пятники – и упали ворота» (13, с. 57). Как отметил А.Н. Афанасьев, в мифах славян меч-кладенец или меч-самосек одним ударом поражает целое войско (1, с. 140). В русском фольклоре, а также в книжной средневековой традиции «меч-кладенец и меч-самосек – чудесное оружие, обеспечивающее победу над врагами» (10, с. 260). Меч всегда способствует победе героя, в его руках меч наполнен какой-то сакральной силой. Во многих средневековых произведениях меч наделен чертами живого существа. С ним обращаются как с живым, разговаривают, дают имя, прославляют его подвиги. Это подтверждается в произведениях «Тристан и Изольда», «Песнь о Нибелунгах», «Беовульф», «Повесть о Петре и Февронии» и др.

В изучаемых нами произведениях враг всегда пытается выбить меч из рук героя. Это связано не только с желанием одержать победу в битве, но и с традиционными представлениями о мече (при его соотнесении с ножом) как об обереге от нечистой силы, способном повредить даже бесам и дьяволу.

Где же истоки чудодейственных свойств меча? В новейших исследованиях отмечается, что представления об истоках сверхъестественной силы меча сформировались в глубокой древности и связаны со стремлением человека понять и объяснить мироздание, его строение, место человека в мире. Меч, подобно другим орудиям, выкованным человеком, считался священным орудием, даром богов – Перуна и Волоса (15, с. 378). Древние видели небесное оружие богов в светилах и молниях. Это был и пламенный меч Ильи Пророка для борьбы с демонами, и меч, карающий кривду (1, с. 133). Именно божественная природа меча определяет его антропоморфный характер. Распространен мотив поиска меча, скрытого в земле, в стене и т.п., связанный с представлениями о кладе (меч-кладенец, Агриков меч) или погребении (меч Святогора) (10, с. 261).

Сакральность меча и его небесное происхождение определяют его функции. Одна из функций – это обеспечение благополучного добывания жены. Благодаря этой функции можно выстроить типологию разных словесных художественных явлений. Безусловно, следует оговориться, что мотив добывания жены в мифах и фольклоре возник и утвердился благодаря институту инициации. По изысканиям В.Я. Проппа, большинство волшебных сказок восходит к обряду инициации. Ученый подробно на большом материале рассмотрел мотив змеборства в обряде инициации. Бинарная оппозиция «СИЛА МЕЧА – СИЛА ЗМЕЯ (дракона)» восходит к так называемому «основному мифу» о поединке Бога – Громовержца и Властителя Подземного царства, то есть борьбе верхнего и нижнего ярусов мироздания. В изначальном варианте мифа враг – это имеющее змеиную природу мифологическое существо. Громовержец поражает змеевидного врага своим оружием (8, с. 111). Соответственно материалу индоевропейских параллелей, в некоторых трансформациях мифа поединок заканчивается освобождением женщины (8, с. 112). Благодаря мечу, герой становится полноправным членом общества, владение мечом открывает возможность вступать в брак. Герой должен добыть жену из другого мира, но для этого необходимо быть подготовленным. Схватка со змеем является важнейшим этапом обряда. Она предполагает смерть и возрождение героя. В средневековой литературе смерть заменена тяжелой болезнью, что, по нашему мнению, связано с гуманистическими изменениями в человеческом сознании.

Обратимся к средневековому произведению «Тристан и Изольда», «Повести о Петре и Февронии Муромских» и русской сказке. В так называемой легенде о Тристане и Изольде меч является отголоском обряда инициации и средством добывания невесты. Тристан должен пройти ряд испытаний, прежде чем получит Изольду. Меч при этом играет одну из ведущих ролей. Во-первых, Тристан побеждает Морольда, дядю Изольды, но Морольд ранит Тристана отравленным мечом, и тот вынужден отправиться во враждебную Ирландию на лечение к Изольде. Осколок меча Тристана остается в черепе убитого, и позднее Изольда узнает по нему убийцу дяди:

Лишь ты, Тристан, не отступился,
За нас, за корнуэльцев, бился,
И был Морхольт тобой сражен,
Но и тебя изранил он,
И смерть в глаза тебе глядела (6, с. 32).
Лечившей так неутомимо
Ту рану страшную мою,
Что Морхольт мне нанес в бою (6, с. 105).
Затем, велев мне в ванну лечь,
Взялись вы мой почистить меч,
Зазубрину на нем нашли,
И вам тот час же принесли
Лоскут, чья пышная парча
Осколок этого меча
Хранила. Вы же приложили
Его к мечу и все открыли (6, с. 112).
И был им бой пришельцу дан.
Обоим в ней пришлось не сладко.
Остался жив Тристан с трудом
И тяжко ранен был мечом,
Чем грусть и страх в друзей вселил,
Но все же он врага сразил (6, с. 134).

Во-вторых, Тристан убивает змея, поселившегося в Ирландии, мечом, отрезает его язык, но отравляется ядовитой кровью дракона, и Изольда лечит его:

Он насмерть бился, дабы стала
Я королевою твоей (6, с. 22).
Но кто, скажи, ее добыл,
С драконом в смертный бой вступил,
Не убоясь огня и яда?
Она была моя награда... (6, с. 69).
...Чтоб вновь окрепнувшая сила
Островитян освободила
От подати ужасной их
Чудовищу пещер ночных? (6, с. 105).

В «Повести о Петре и Февронии» меч играет не менее важную роль. Во-первых, только после добывания меча герою открыт путь в полноправную жизнь. Во-вторых, вышеназванная бинарная оппозиция отражена и в этом произведении. Только победив Змея с помощью меча, герой открывает себе возможность обладать женщиной, вступать в брак. Змей говорит: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча» (7, с. 305). Петр добывает меч, убивает змея, но тот «обрызгал блаженного князя Петра своей кровью» (7, с. 306). Петр покрылся язвами, и Феврония вылечила его.

Также следует подчеркнуть тот факт, что в «Тристане и Изольде» Тристан обладает мечом от рождения (в произведении выпущен один из этапов инициации), что облегчает ему поиск невесты и переход к полноправной жизни. Это можно объяснить его принадлежностью к королевскому роду. Тристан – принц королевства Пармения (в других версиях – принцем королевства Леонуа). А в «Повести о Петре и Февронии» Петр вынужден сначала добыть меч, чтобы иметь возможность совершить переход в возрастную группу мужчин до конца. Хотя он и принадлежит к знатному роду, он является не киевским князем, а младшим братом удельного князя. То есть его положение в обществе недостаточно, чтобы обладать мечом от рождения.

Следует отметить, что в обоих произведениях Змей имеет антропоморфные черты: в «Тристане и Изольде» он обложил данью Ирландию:

...Чтоб вновь окрепнувшая сила
Островитян освободила
От **подати ужасной** их
Чудовищу пещер ночных? (6, с. 105).

А в «Повести о Петре и Февронии» он, наряду со способностью говорить, физиологически уподобляется человеку: «...злой змей стал летать к жене того князя **на блуд**» (7, с. 305); «А злой змей силой **овладел ею**» (7, с. 305).

Это, несомненно, связано с еще сохранившимся представлением о драконе как о властителе подземного царства, божаестве.

Обряд инициации широко представлен и в русском фольклоре, например, в сказке «Иван-Царевич и Марфа-Царевна». В данном произведении троекратная битва с трех-, шести- и девятиглавым змеем на острове означает переход героя в возрастной класс мужчин и позволяет ему жениться: «... тот (Иван-Царевич) соскочил, на один раз отсек все три (шесть, девять) головы узмея...» (13, с. 42); «... а Иван-Царевич обвенчался на Марфе-Царевне, стал жить да быть и хлеб жевать» (13, с. 43). Змей, в отличие от двух других произведений, лишен антропоморфных качеств и предстает в сказке как орудие в руках Водяного царя.

По нашему мнению, применительно к «Тристану и Изольде» возможно и иное толкование меча. Меч, как и нож, является фаллическим символом. Герой сражается именно мечом не только потому, что это удобное оружие, но и потому, что это символ мужского начала. Не случайно в так называемой легенде «Тристан и Изольда» меч лежит между влюбленными на ложе. Король не сумел прочесть глубинный подтекст, символику этого предмета. Он увидел лишь то, что влюбленных разделяет обоюдоострая материя, и у него пропали всякие подозрения об измене жены, благодаря чему они остались живы. Таким образом, меч сыграл в данном эпизоде и роль оберега:

Изольда первая легла,
Потом Тристан, не сняв одежды,
И, прежде чем сомкнулись вежды,
Меж королевой и собою
Кладет он лезвие стальное... (6, с. 53).

Она рубашки не сняла,
Раздельны были их тела,
И меч меж ними обнаженный... (6, с. 57).

Помиловать или убить.
Они в лесу живут давно.
И знаю твердо я одно, –
Когда б обоих похоть жгла,
Изольда б голая была,
И меч из смертоносной стали
Между собой бы класть не стали (6, с. 57).

А помнится вам страшный час,
Когда, король, нашли вы нас
В том шалаше, где под ветвями
Мой острый меч лежал меж нами? (6, с. 107).

Таким образом, можно сделать вывод, что меч в обряде инициации играет ведущую роль, именно с добывания меча и действий с ним (битва с врагом) начинается вступление героя во взрослую жизнь. Без меча невозможно осуществление обряда. В данных произведениях меч, наряду с обрядовой, выполняет и другие функции (оберег и символ мужского начала).

Примечания

1. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т.1. М.: Современный писатель, 1995.
2. Большая книга русских сказок и былин. М.: ЗАО «Росмэн-Пресс», 2005. 295с.
3. Большой энциклопедический словарь. В 2 т. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1991.

4. Зуева, Т.В., Кирдан, Б.П. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта, Наука, 2002. 400с.
5. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969. 800с.
6. Легенда о Тристане и Изольде / Издание подготовил А.Д. Михайлов. М.: Наука, 1976. 736 с.
7. Литература Древней Руси: Хрестоматия / сост. Л.А. Дмитриев; под ред. Д.С. Лихачева. М.: Высшая школа, 1990. 544с.
8. Мадлевская, Е. Русская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. 784с.
9. Пуришев, Б.И., Шор, Р.О. Хрестоматия по зарубежной литературе. Литература средних веков. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1953. 704 с.
10. Славянская мифология. М.: Эллис лак, 1995. 416с.
11. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья - славяне», 1995. 560с.
12. Средневековый роман и повесть. М.: Художественная литература, 1974. 640 с.
13. Сто сказок Южного Зауралья: Учебное пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 139с.
14. Чемоданов, Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1938. 304 с.
15. Шарапова, Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2001. 624с.
16. Bruyn Gÿnter de. Tristan und Isolde. Nach Gottfried von Straÿburg neu erzdhlt. Berlin: Verlag Neues Leben, 1979. 136 S.
17. Stiÿssel, M.D. Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis Mitte des 19. Jahrhunderts. Lehrbuch für Studenten der Fremdsprachenfakultäten. М.: Hochschule, 1974. 344 S.
18. www.agnuz.info.
19. www.garden-literatur.de.

Сысуева Р.П.,
Курганский государственный университет,
кафедра общего языкознания,
кандидат филологических наук, доцент

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА 1858 ГОДА СЕЛА УСТЬ-СУЕРСКОГО УСТЬ-СУЕРСКОЙ ВОЛОСТИ КУРГАНСКОГО УЕЗДА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В XVIII – XIX веках в России проведены десять ревизий податного населения с целью его учета для подушного обложения и воинской повинности. При проведении ревизий первичным материалом служили ревизские сказки – списки, в которые поименно вносились все лица, относящиеся к податным сословиям.

В Государственном архиве Курганской области хранится ревизская сказка 1858 года, составленная Усть-Суерским волостным правлением. Она заключает в себе ведомость «о наличном числѣ душъ въ ревизию записанных» села Суерское и одиннадцати деревень Усть-Суерской волости (Куимовой, Волосниковой, Памятной, Екимовой, Русаковой, Речкиной, Пешной, Вагиной, Заозерной, Маниловой, Варакосовой). В сказке представлен список государственных крестьян с их семьями, отставных солдат и поселенческих детей, не имеющих ни родителей, ни родственников.

Сказка находится в фонде И190. Оп. 1. Д. 1. 264 л. Она написана ско-рописью, местными писцами, что и определило наличие в ней элементов разговорной и локальной речи. Будучи официальным фискальным документом, сказка имеет определенную структуру: вступление, основную часть и заключение. Этим обусловлено наличие в ней устойчивых языковых оборотов. Мужские имена в сказке написаны на левой, оборотной, стороне листа, женские – на правой. В конце каждой половины листа подведены подсчеты названий лиц мужского и женского пола.

Сказка засвидетельствована: «сказка сия на троекратной мирской сходкѣ прочитана была . . . въ томъ сказкосоставитель крестьянинъ Исакъ Семеновъ Устюжанинъ руку приложилъ при прочтении находился волостный голова Баушкинъ въ чемъ приложилъ печать»(28 об.).

Данный лингвистический источник не издавался и не исследован лингвистами. Однако в нем содержатся ценные сведения по истории русского языка середины XIX века. Нами проанализирована лингвистическая информативность и лингвистическая содержательность первой части этой сказки(лл. 1-29), содержащей

поименный список государственных крестьян мужского и женского пола всех возрастов, отставных солдат и поселенческих детей, не имеющих ни родственников, ни детей, живущих в селе Усть-Суерское.

Сказка содержит богатый материал по антропонимике, подтверждая, что к середине XIX века в русском языке сложилась трехчленная антропонимическая система. Главы крестьянских семейств, отставные солдаты, дети, не имеющие ни родителей, ни родственников, имеют обязательное трехчленное имя: Гордэй Петровъ Буслаев, 5 об; Иванъ Степановъ Устюжанинъ, 22 об; Александръ Карловъ Липингъ, 25 об; рядовой Поликарпъ Егоровъ Балакинъ, 28 об; но и: рядовой Михайло Русаковъ, 28 об; Семень Емельяновъ Бачулинъ, 26 об(при перечислении детей, не имеющих ни родителей, ни родственников, полное имя использовалось для уточнения). Братья, племянники, внуки, приемные сыновья имеют, как правило, двучленное имя: Исакъ Симіоновъ Устю-жанинъ, но: Исаака Симіонова братъ Егоръ Симіоновъ, 15 об; Михайло Фадэевъ Комчуговскій – его приёмный сынъ Василий Федоровъ, 19 об; племянникъ Тарасъ Михайловъ, 20 об; Сергэя Иванова внукъ Федосэй Поликарповъ, 28 об. При перечислении родных сыновей указывается только имя: Антонъ Гавриловъ Скрябинъ – его сынъ Григорій, 15 об.

Все имена христианского происхождения.

В ревизской сказке села Усть-Суерского мы насчитали 85 личных имен мужского пола. Наиболее частотные из них: Иван – 17 словоупотреблений, Василий – 14, Гаврило – 11, Григорий – 10, Дмитрий – 10, Петръ – 8, Федоръ – 8, Степанъ – 8, Павел – 7, Ефим – 7, Семеон(Симіонъ) – 6, Яковъ – 6, Тимофей – 5, Алексей – 4, Александръ – 3, Никифоръ – 3, Фома – 3, Федотъ – 3, Лука – 2, Сергэй – 2, Терентій – 2. Все остальные имена зафиксированы по одному разу(Абросимъ, Трофимъ, Елифанъ, Максимъ, Андрэй, Федось и др.).

Тексты дают возможность проследить некоторые особенности в родовой характеристике и склонении личных имен мужского рода, оканчивающихся на –о в именительном падеже единственного числа: Данило – 3 об, 10 об; Михайло – 6 об, 18 об, 19 об, 27 об, 28 об; Гаврило – 11 об, 12 об(2), 13 об(3), 14 об, 26 об, 22 об, 15 об(2); Марко – 4 об; Кирило – 6 об, 13 об; Самойло – 25 об. В косвенных падежах, в частности в родительном падеже единственного числа, они склоняются по мужскому роду(в отличие от северновеликорусов, изменяющих их по женскому роду): *Данила Фролова братъ*, 4 об(3); *Данила Фролова жена*, 4; *Данила Тимофэева жена*, 11; *Михайла Фадэева племянникъ*, 19 об; *Михайла Фадэева жена*, 20; *Михайла Фадэева сноха*, 21; *Михайла Яковлева жена*, 7; *Гаврила Федорова жена*, 23.

В ревизской сказке 27 мужских фамилий, из них 2 – неславянского происхождения (*Литингъ и его братъ – Карловъ – 25 об*). По частотности функционирования они располагаются так: Устюжанинъ – 15 словоупотреблений, Шалабановъ – 8, Пуеровъ – 7, Русаковъ – 5, Буслаевъ – 5, Шабалинъ – 5, Балакинъ – 4, Буслаевъ – 3, Хлызовъ – 3, Скрыбинъ – 2, Васильевъ – 2, Камчуговскій – 2. Остальные мужские фамилии употреблены по одному разу (Антоновъ, Маховъ, Леоновъ, Пилигримовъ, Петровъ, Приваловъ и др.).

В ревизской сказке имеется 38 женских личных имен. Среди них наиболее часто встречаются: Авдотья – 21 употребление, Анна – 15, Татьяна – 11, Арина – 11, Парасковья – 10, Марья – 10, Матрена – 9, Априксинья – 8, Ульяна – 7, Федора – 7, Пелагея – 6, Афимья – 6, Акулина – 6, Агафья – 6, Настасья – 5, Марфа – 5, Степанида – 4, Дарья – 4, Домна – 4, Фекла – 3, Катерина – 3, Зеновья – 3, Александра – 3, Мавра – 3, Аксинья – 3, Варвара – 3, Наталья – 3, Маремьяна – 3, Харитонья – 2, Софья – 2. Единичное употребление имеют: Анисья, Евгенья, Елена, Лепестинья, Ненила, Надежда, Олена, Платскида (так в ркп), Сиклитинья, Таисия, Устинья, Федосья, Ховронья, Хавонида и др.

В тексте насчитывается 57 фамилий, относящихся к женскому полу. Частотность их такова: Иванова – 12, Федорова – 8, Васильева – 8, Яковлева – 6, Ефимова – 6, Петрова – 4, Андреева – 4, Матвеева – 4, Ларионова – 3, Михайлова – 3, Никитина – 3, Осипова – 3, Федотова – 3, Никифорова – 2, Алексеева – 2, Прокопьева – 2, Степанова – 2, Симеонова – 2. Единичные фамилии: Александрова, Агафонова, Аксенова, Антипина, Андреянова, Авдеева; Ворончагина; Гавлирина (так в ркп), Гаврилова, Григорьева, Горимова; Дорофеева, Демидова, Дмитриева; Евстигнеева, Епифанова, Егорова, Ермолаева, Евдокимова; Зеновьева; Игнатьева; Киприянова, Крылова, Козьмина; Лаврентьева; Назарова; Прохорова, Поликарпова; Савастьянова, Силина, Сергеева, Сергачева; Тимофеева, Трофимова; Федосеева, Филиппова и др.

В сказке широко представлена тематическая группа слов – названий родства.

Родство по прямой линии (кровное родство): мать – 5, 7, 11, 12, 14; внукъ – 8 об, 10 об; второй внукъ, 8 об; внука Татьяна Поликарповна, 10; правнука Настасья, 10; внукъ (незаконнорожденный, второй) – 4 об; внуки – 8 об(2), 14 об, 9 об, 18 об; сынъ – 53 словоупотребления: отъ первой жены сынъ, 6; отъ первой жены другой сынъ, 10 об, другой сынъ, 5 об, второй сынъ, 3 об, отъ второй жены другой сынъ, 16 об, отъ второй жены сыновья, 18 об, отъ третьей жены сыновья, 16 об; дочь – 36 словоупотреблений; дочери – 23 словоупотребления: отъ второй жены дочь (дочери), 12, 19.

Словосочетания, обозначающие наименования чужих лиц, взятых на воспитание: приемный сын Василий Федоров, 19 об, приемная дочь Агафья, 24.

Родство по боковой линии: братъ (другой, незаконнорожденный) – 12 словоупотреблений -4 об, 13 об(2), 15 об(2), 10 об; братья – 26 об; Ивана Корнилова тетки, 12; сестра(незаконнорожденная) -6(2), 20, 11, 5 об; племянник (незаконнорожденный, другой) – 6 об(2), 7 об, 8 об, 11 об, 19 об, 20 об; племянница (незаконнорожденная) -6.

Термины свойства(названия лиц по отношениям, возникшим в результате брачного союза): жена – 103 словоупотребления: отъ первой жены – 11, отъ второй жены дочь – 12, отъ третьей жены – 22; мачиха – 21, сноха – 7, 10, 21, 19 об; падчерица – 4, 20, 22, вдова – 20.

Поскольку сказки характеризовались в социальном плане, в анализируемом тексте находим элементы социальной терминологии: государственных крестьян, 1; изъ вольноотпущенных крестьян, 25 об; изъ поселенческихъ дѣтей, 26 об; отставныхъ солдатъ, 1об; сказку о поселенцахъ, 25 об.

В тексте отмечаем тематическую группу наименований лиц по роду занятий и служб: Волостный Голова, 1 а; отданъ в рекруты, 2 об, 7 об; рядовой Григорій Петровъ Пуеровъ, 27 об; унтеръ офицеръ Софронъ Петровъ Буславлевъ, 27 об; сказкосоставитель крестьянинъ Исакъ Семеновъ Устюжанинъ, 28.

В сказке как деловом жанре присутствует официально-деловая лексика и фразеология, связанная с делопроизводством: ревизская сказка, вѣдомость (список, роспись), число душъ(душа – человек), 1 а; итого мужеска и женска пола на лицо, 2 об; лѣта выставлены согласно ревизи, 2 об; после оной прибыло... выбыло, 9 об; причислены по указу, 24 об; на пришедшихъ... по волѣ, 25 об; перенесены въ сказку о поселенцахъ, 25 об; причислень со льготой, 25 об; всѣ души показаны, 26 об; руку приложилъ, 28 об; по безграмотству приложилъ печать, 27 об; на мирской сходкѣ прочитана, 28 об; увольень по паспорту, 28 об.

Отмечаем наличие в сказке названия местных и территориальных административных единиц: Тобольской губернии, Курганскаго округа, Усть-Суерской волости, села Усть-Суерскаго, Волостное правление, 1 а; по указу Курганскаго земскаго суда, 24 об; по указу Тобольской казенной палаты, 25 об; причислень в Тобольскую волость, 26 об.

Содержание сказки предопределяет и ее грамматическое наполнение.

Так, существительные склоняются по современным нормам. В родительном падеже единственного числа мужского рода форму на –у

отмечаем в частотном словосочетании временного значения: *умеръ... въ 1854 году*, 2 об; в свободном сочетании – форма на **-а**: *по указу 1855 года*, 26 об; в предложном э под ударением: *при отцэ*, 24 об; от **мѣсяць** – отмечаем только форму родительного падежа множественного числа на **-ов**: *5 мѣсяцовъ*, 4 об.

Существительные женского рода бывших основ на **-а** и **ја** имеют в дательном-предложном падежах единственного числа окончание **-э** в безударном положении: *въ сказкэ*, 26 об; *на сходкэ*, 28 об; *по волэ*, 26 об; *в отлучкэ*, 3; *по книгэ*, 1 а.

В творительном падеже единственного числа отмечаем вариативность флексий **-ою/-ой**: *сестрою Ульяной*, 5 об, 6; *снохою Федосей*, 19 об; но и: *внукой Татьяной*, 10.

В официальном обороте фиксируем краткую форму прилагательного в функции определения: *мужеска и женска пола*, 1а, 3 об, 4 об. В родительном падеже единственного числа полные формы прилагательных и причастий содержат окончание **-аго**: *женскаго пола*, 3(2), 4, 29; *мужескаго пола*, 2 об, 6 об, 28 об; *с котораго времени*, 5; *Курганскаго округа*, 6 об, 7, 7 об, 8 об; *умершаго крестьянина*, 18; *Усть-Суерскаго*, 7, 7 об, 8 об; *седьмаго дня*, 1.

Полные причастия мужского и женского родов имеют общую форму именительного падежа множественного числа на **-ыя** (под церковнославянским влиянием): *сыновья новорожденныя*, 2 об, 14 об, 16 об; *всэ души въ наличности бывшия*, 28 об.

Наречие **налицо** и числительное **восемьсот** имеют двойное написание, свидетельствуя о том, что они находились еще в стадии формирования: *мужеска пола на лицо*, 2 об(3); *мужеска пола налицо*, 26 об; *тысяча восемь сотъ пятьдесятъ восьмаго года*, 1, 28 об – *тысяча восемьсот пятьдесятъ восьмаго года*, 29.

Наблюдения над фонетическим обликом слов свидетельствуют об отражении в памятнике живой русской речи (смещение **э** и **ѣ**, еканье, иканье, аканье, отвердение Ц и шипящих и др.). Диалектных черт Зауралья в нем не обнаружено.

Ревизская сказка в целом содержит книжные элементы, деловые черты русского языка с элементами разговорного. Будучи датированной и локализованной, она является надежным источником по истории русского языка.

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ ЮЖНОГО УРАЛА, ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Важным источником изучения терминологии русского языка XVIII века, её возникновения, развития, системных связей являются рукописные и печатные материалы, хранящиеся в архивных учреждениях Южного Урала, Зауралья и Западной Сибири. Неисчерпаемым источником лингвистических данных в области истории языка являются документы Государственных архивов Курганской, Челябинской и Омской областей, использованные нами в ходе изучения военной лексики XVIII века. Многие из этих документов опубликованы [2, 5, 7, 8, 9, 10, 11].

Архивные источники, излагающие историю российской армии, можно охарактеризовать в нескольких планах. Во-первых, разделим их на *рукописные* (например, копии приказов, рапорты, сообщения, расписки, челобитные, указы, реестры и т. п. документы, являющиеся частью русского центрального и провинциального делопроизводства) и *печатные* (старопечатные книги, изданные на гражданские – шрифте, введенном Петром I).

Рукописные материалы можно отнести к области т. н. деловой письменности – группе документов военного и гражданского делопроизводства. Здесь уместно ввести понятие локального документального акта. Под ним мы понимаем официальный документ, обладающий территориальной и жанровой принадлежностью, наличием строгой синтаксической структуры и имеющий определенную функцию в рамках канцелярского документооборота.

Отметим, что система делопроизводства в России складывается в начале XVIII века. Именно в Петровское время появляются официальные акты, регламентирующие, упорядочивающие российское провинциальное делопроизводство. К таким можно отнести «Генеральный регламент» (1720) и «Табель о рангах» (1722). Если первый подводил делопроизводство под рамки закона, гражданского права и кодификации, относил делопроизводительную деятельность к канцелярии, а регистрацию документов – к секретарю, содержал правила приема документов, то второй упорядочивал систему гражданских и военных чинов, указание на которые в официальных документах было обязательным. К концу XVIII в. правительством была

проведена реформа местного управления и судопроизводства, которая дала местным чиновникам больший круг полномочий и прав, ввела в местные администрации такой принцип делопроизводства, как коллегиальность (в местных канцеляриях работали советники и ассессоры), внедрила новое разделение губерний и уездов в России.

Центрами провинциального делопроизводства были губернские и городские магистраты (сословные суды первой инстанции для горожан), военные канцелярии, церковные учреждения (духовные правления, консистории), административные и судебные учреждения. В них сосредотачивались документы как центрального делопроизводства (указы, сообщения, манифесты, объявления о событиях в жизни коронованных особ), так и местного (протоколы заседаний, рапорты, гражданские и уголовные дела). Если первые носили волеизъявительный характер, то вторые – сугубо отчетный, изъяснительный, констатирующий.

Во-вторых, можно дифференцировать *светские* (гражданские) и *религиозные* источники. В ходе работы над исследованием военной лексики нас прежде всего интересовали источники гражданского делопроизводства, к которому относятся документы военного ведомства и его территориальных подразделений. Большое количество документов XVIII века, созданных в вооруженных силах Российской империи, хранятся в Государственных архивах Челябинской (ГАЧО) и Омской областей (ГАОО). Приведем в пример фонды ГАЧО «Документы Миасской крепости Исетской провинции» (ф. И-63, оп. 1, д. 1), представляющие «собрание документов Исетской провинциальной канцелярии, адресованных в одну из первых южноуральских крепостей» [2]. Среди них – «Указ о мерах готовности казаков к отражению набегов киргиз-кайсаков» (1743), предписывающий, чтобы *«наикрепчайшую осторожность денно и ночью онои гднь подковникъ имель на случаемъ неприятелского в них нападения»*, для этого *«всюду все потребныя дзспазицы учинить, а имянно крепости во оборонительное и самое безопасное состояние привести а паче артиллерию»* [2, с. 38-39]. Другой документ – «Наставление комиссару Миасской крепости» (1744): о наказании казаков, их обучении, об очередности и непрерывности линейной службы и мерах безопасности в крепости, об осторожности ночного караула в крепости и округе, об охране города и работе по его безопасности и т. д. Отметим также «Доклад в военную походную канцелярию о состоянии Еткульской крепости» (1756), включающий, в частности, её внешнее описание: *против крепости более версты кругомъ от стени обнесена заплотами между которыми два бастиона и двои ворота и две башни, одна к озеру, а другая в степь* [2, с. 81].

В Государственном архиве Омской области содержатся фонды «Военно-походная канцелярия главного командира Сибирского корпуса (1740-1800)» (ф. 1), «Канцелярия командира Сибирских пограничных линий (1794-1809 гг.)» (ф. 439). Интересен, к примеру, «Журнал исходящий. Промемории сибирской губернской канцелярии, рапорта и доношения крепостей и воеводств за 1747 г.» (ф. 1, оп. 1, д. № 11) [3], в котором в хронологическом порядке представлены все документы (доношения, рапорты, промемории) канцелярии от офицеров сибирского военного корпуса, например, «Рапортъ полковника Ошанина о присылкѣ салдата Васильева въ Тарскую воеводскую канцелярію», «Рапортъ полковника Корфта о новопосланных оберъ офицерахъ въ полки, батальоны и объ отправкѣ ихъ» и др.

Документы учреждений религиозного культа (провинциальных духовных правлений, отдельных церквей), подчиненных духовной консистории (в царской России: «присутственное мѣсто, въ которомъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ архіерея, сосредоточено духовное управление епархіей» [12, ст. 955]). «Материалы духовных ведомств отражают социально-экономические связи церкви и государства, её духовно-просветительскую деятельность, церковное строительство, распространение православия, судебные дела и тяжбы, стереотипы поведения церковнослужителей и их бытовое общение с «миром» [5, с. 8]. В 2000-2005 гг. были опубликованы материалы церковью Курганского уезда Тобольской духовной консистории [7, 8, 9], в частности, «высочайшие» указы, реляции, рапорты, изданные в столице и разосланные по территории Российской империи. Многие документы общероссийского масштаба (Указы императоров, акты Правительствующего сената и Священного Синода), нашедшие отражение в опубликованных материалах, повествовали о событиях театра военных действий середины-конца XVIII в. Среди таких – «Копія манифеста от 25 февраля 1792 года о заключении в Яссах мирного договора с Портой Оттоманской», в котором рассказывалось о том, что *«верховный визирь юсуфъ наша прислать в нашу армию къ генералу фелдмаршалу князю Григорию Александровичю Потемкину Таверическому своихъ полномочныхъ для постановле мирныхъ договоровъ»* [9, с. 52]. Другой документ – «Реляция от 19 июня 1799 года фельдмаршала Суворова» - свидетельствует *«о боевых действиях русских войск против французов с описанием боевых подвигов генералов для представления их к награде»*.

Исследователи по-разному подходят к вопросу о классификации рукописных документальных источников. Основные её принципы перечислены в работе Л.М. Городиловой [1]. Взяв за основу критерий наличия или отсутствия соотношений «пишущий – адресат», исследовательница делит деловые акты на собственно делопроизводство

(грамоты, кабалы, писцовые книги и др.) и переписка (челобитные, памяти, грамотки). С.И. Котков, различая понятия «деловой» и «приказный» язык, предлагает разделить памятники деловой письменности на три группы: актовые, эпистолярные и статейные. С.С. Волков полагает, что необходимо исходить из социальной значимости того или иного документа, учитывая общественное положение и значение того органа (или лица), от имени которого оформляется данный акт, а также кому он адресован, а затем принимать во внимание информативную и формальную сторону данного документа. С этой точки зрения деловая письменность XVII в., по мнению С.С. Волкова, может быть разделена на две группы: официально-деловую (общего-сударственную, правительственно-административную) и частную (частно-деловую и эпистолярную). Л.М. Городилова приходит к выводу, что необходимо учитывать ряд признаков, начиная от сугубо лингвистических и заканчивая экстралингвистическими (фактологическими). По нашему мнению, при рассмотрении рукописных памятников деловой письменности, относящейся к сфере военного делопроизводства, важно учитывать понятие жанра. Л.М. Городилова при характеристике жанра применяет понятие «текстовой модальности», т. е. наличия у произведения определенного жанра самоназвания, стандартизированной структуры (формуляра) и содержательной части.

В военном делопроизводстве распространены **рапорт** (или репортъ) («письменное донесение подчиненного лица начальствующему» [12, ст. 1968]), **реляция** («донесение о военных происшествиях» [12, ст. 1993]), **доклад**, **доношение**, **сообщение**, **промемория** (записка о деле), **инструкция** («наставление, содержащее в себе правила, которыми следует руководствоваться в томъ или другомъ делѣ» [12, ст. 774]), **ордеръ** (предписание, приказ), **наставление** (то же, что инструкция). Подчеркнем, что все эти жанры различаются по адресату: если *рапорт*, *реляция*, *доклад*, *доношение*, *сообщение* направлены от нижестоящего лица вышестоящему, то *наставление*, *промемория*, *инструкция*, *ордер* – от вышестоящего – нижестоящему. О предписательном, волеизъявительном характере этих жанров свидетельствуют названия некоторых документов: «Ордер атамана Дьяконова сотнику еткульской крепости Саночкину с требованием отпустить с линейной службы нанятых казаков» [2, с. 88]; «Промемория из Сибирской губернской канцелярии в военную походную гдна генерала майора и кавалера киндермана канцелярию» [3, л. 103]. Эти документы относимы к сфере локального (периферийного) военного делопроизводства. Её отличительной чертой является наличие субъекта действия, индивидуально-авторского начала. Они имеют автора, что отражается в их синтаксической структуре и лексико-морфологическом составе.

Общероссийский характер носили документы таких жанров, как *манифест*, *объявление*: «Копия манифеста от 25 февраля 1792 года о

заключении в Яссах мирного договора с Портой Оттоманской» [9, с. 52], «Царское объявление от 16 июля 1799 года о начале войны с Испанией...» [9, с. 59]. Жанры манифеста, объявления относятся к центральному делопроизводству, поэтому они неопределенны в плане авторской принадлежности, или, иначе сказать, имеют обобщенного автора.

Иную жанровую принадлежность имеют *печатные* документы (старопечатные книги), хранящиеся в архивных учреждениях и относящихся к военной сфере. В Государственном архиве Курганской области хранятся военные уставы XVIII вв.: *Уставъ воинскій о должности генералов-фельдмаршаловъ, и всего Генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежатъ быть...* (1780), *Инструкція коннаго полку полковнику съ приложеніемъ формъ и табелей* (1766), *Книга Уставъ морской, о всемъ что касается доброму управлению, въ бытности флота на морѣ* (1780) и другие старопечатные книги, содержащие богатые сведения об истории русской военной терминологии. В Государственном архиве Омской области среди печатных материалов военной сферы содержатся много текстов мирных договоров между Россией и другими странами, к примеру, «Договор между Российской империей и Оттоманской Портой, заключенный в Константинополе в 1779 г.», «Договор о мире между Российской и Оттоманской империями, заключенный в 1792 году» (Яссы, 1792 г.), «Конвенция морского вооруженного нейтралитета между императором Всероссийским и королем датским» (СПб, 1800 г.), «Кучук-Кайнарджинский мирный договор между Россией и Турцией» (Москва, 1775 г.). Жанры, звучащие в составе названий этих документов, нами причисляются к области военной дипломатии.

Локальные документальные акты являются богатым лингвистическим источником, содержащим сведения о постепенном становлении лексического системы русского языка.

Документы военного делопроизводства, особенно рукописного характера, в полном масштабе отражают формальные колебания военных наименований, их продуктивную морфологическую и семантическую производность, что говорит о неустойчивости терминосистемы военного дела в составе русского языка периода формирования русской нации.

Рассмотрим процесс семантической деривации на примере слова **команда**: **команда** ‘начальствование над воинской частью, войском; командование; руководство, управление, власть над кем-, чем-либо’: *...покорение войсками союзными ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА под команду генерал графа Салтыкова* [8, с. 101]! **команда** ‘воинская часть, военный отряд под началом кого-либо’: *в сторонѣ Полскои Пруссии другия мятежникомъ чувствительныя*

получения от разных **командь** деташамента генераль маіора Чартотыжскаго в ТорусЪ находящегося [8, с. 93]; в 740 г. побито **командою** Павлуцкого... 1630 человек [10, с. 42]; **воинской команде** на провиант и на фуражъ лошадамъ требуется от города всего в год кроме ночных сторожей до 12000 рублей [10, с. 11]

Слово **команда** дифференцируется по значению в сочетаниях с разными словами, т. е. в проявлении своих синтагматических связей. Составные наименования в сфере военной лексики нами отнесены к наименованиям по признаку, например:

- по отнесенности к роду войск: за что ваш господин воевода с **артиллерийскою командою** взялся вернейших государю слуг приводит в разорение [2, с. 65]; тако ж особливо для драгунских полковъ следующихъ къ Киеву и переяславлю и к новой сербїи для **гусарской команды** не пожелает ли кто... маркитантовъ [торговать, снабжать армию] тех немедленно к тем полкам со оными товарами явили [10, с. 32]; В докладѢ июня 20г дня 1794 года въ челябинскую градскую думу гласнаго отъ **казачьей команды** отставнаго сотника Казанцова репортъ [5, с. 210];

- по принадлежности к регулярному войску: мы крестьяне по указомъ вашего императорскаго величества состояли в ведении Исетской провинциальной канцелярии с платежем... на довольствие пропитания состоящих в пограничных местах **воинских регулярных** и протчих **команд** [2, с. 47];

- по принадлежности к месту постоянной дислокации войск: губернатору из **гарнизонных командь** а воеводамъ набирая разъ сыщиковъ і другихъ служилыхъ людей... посылат і оныхъ [разбойниковъ] велетъ сыскиват і искоренят [10, с. 9];

К фактам семантического словообразования (т. е. различного рода сдвига в семантике) военных наименований XVIII в. отнесем такие средства языка, как метонимия, метафора, конверсия.

Метафорический перенос: **партия** ‘военный отряд специального назначения’: того ж 736 г. командированъ былъ легкою партию обще с подполковникомъ Миклашевскимъ за воровскими башкирцами [2, с. 42]?! **партия** ‘шайка воров’: было два казака из воровской полевой **партии** [10, с. 68]. Метафорический перенос зачастую сопровождается детерминологизацией военной лексики, переходомъ её из сферы специального употребления в сферу общего употребления.

Метонимический перенос: (**военный, офицерскїй**) **чинь** ‘воинское звание’: Изъ дворянъ во оныя чины изъ унтеръ-офицеровъ производить тѢмъ же порядкомъ, какъ и въ прочїе **офицерскїе чины** [4, с. 2]?! (**полковой, строевой**) **чинь** ‘лицо, имеющее такое звание’: ординарца никто изъ **полковыхъ чиновъ**, кромѢ одного полковаго командира имѢть не можетъ

[4, с. 3]; *шлять строевымъ чинамъ и артиллерійскимъ служителямъ съ желтымъ голуномъ... нынѣ состоитъ 790* [4, с. 31]. В данном случае слово конкретизируется в своем употреблении, из области абстрактных понятий переходит в область конкретных предметов.

Конверсия (переход из одной части речи в другую) представлена субстантивацией: *воинские* ‘относящийся к вооруженным силам’: *воинских в Окуневску служителей... ружейных за выкомандированием на защищение Челябинского провинциального города дву сот двадцати человек более здесь ружейных не имеется* [2, с. 65] **’!** *воинские* ‘военнослужащие’: *от тех воровских людей воинских убили сотника да 40 человек беломестных казаков* [2, с.27]: *нерегулярное войско* ‘народное ополчение, набираемое по особому случаю обученных’ [12; ст. 1983]: *буде же где воровские станицы явятся гораздо многлюдно і оною определенное к тебе сыщичку командою для искоренения ихъ ... в прибавку к своей команде брать где есть из нерегулярных войскъ а где нетъ тутошних помѣщиков живущихъ в своих деревнях с людми и крестьяны* [10, с. 13] **’!** *нерегулярные* ‘воины, относящиеся к нерегулярным войскам (временному ополчению)’: *за тою работу по выноске соли какъ регулярнымъ так и нерегулярнымъ платить за каждо’день по три копѣйки* [2, с. 66].

В заключение отметим, что новизна настоящего исследования состоит в применении комплексного подхода к изучению локальных документальных актов, в частности, с точки зрения их стилистической, жанровой, текстологической отнесенности, а актуальность – в рассмотрении истории военной терминологии русского языка в аспекте лингвистического краеведения.

Печатные и рукописные документальные материалы архивных учреждений Южного Урала, Зауралья и Сибири представляют собой, несомненно, неисчерпаемый источник фактов истории русского языка, и в большей степени его лексического состава. Отражая этапы истории специальной лексики русского языка, документы ведомственного делопроизводства являются воплощением живой языковой стихии периода становления национального русского языка.

Примечания

1. Городилова Л.М. О классификации и лингвистической ценности рукописных источников региональной исторической лексикографии // Российский лингвистический ежегодник: научное издание. 2006. Вып. 1 (8). Красноярск: Красноярский госуниверситет, 2006. С. 91 - 101.
2. Документы Миасской крепости Исетской провинции (1737-1762 гг.) // Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. II. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск: Издательство Челябинского педуниверситета, 2001. С. 34-96.

3. Журнал исходящий. Промемории сибирской губернской канцелярии, рапорта и доношения крепостей и воеводств за 1747 г. (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11)
4. Инструкция коннаго полку полковнику съ приложениемъ формъ и табелей конфирмованная отъ ея императорскаго величества. 1766 года, генваря 14 дня Въ Санктпетербургѣ.
5. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 1. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск: Издательство Челябинского педуниверситета, 2000. 271 с.
6. Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1983-2003.
7. Сысуева Р.П., Шушарина И.А. Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. Вып. 1. Курган: Курганский государственный университет, 2000. 125 с.
8. Сысуева Р.П., Шушарина И.А. Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. Вып. 2. Материалы Знаменской церкви села Мостовского: В 2-х ч. Курган: Курганский государственный университет, 2003.
9. Сысуева Р.П. Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. Вып. 3. Материалы Богоявленской церкви села Утятского Курганского уезда Тобольской духовной консистории (1766-1805). Курган: Курганский государственный университет, 2005. – 212 с.
10. Хрестоматия по истории Курганской области: (досоветский период). Курган: Издательство «Зауралье», 1995. 319 с.
11. Челябинская старина: Материалы истории языка деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Ч. II и III. Челябинск, 2004. 216 с.
12. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Павленкова. СПб, 1899.

Черницына С.А.,
Курганский государственный университет,
кафедра общего языкознания,
кандидат педагогических наук, доцент

**НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА
ПРИТОБОЛЬНОГО РАЙОНА
КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Все географические названия имеют свой смысл. Никакой народ не называл реку, озеро или селение «просто так», случайным сочетанием

звуков. Отсюда вывод напрашивается сам собой: объяснить можно любое, даже самое сложное и, на первый взгляд, непонятное географическое название. Язык народа не является чем-то застывшим, он изменяется, развивается, некоторые слова исчезают совсем, некоторые меняют свой смысл. Поэтому трудно бывает найти объяснение имени той или иной речки, села, города. Но что удивительно, благодаря названиям в наши дни звучат вышедшие из употребления, давно забытые слова родного языка, слова чужих и даже исчезнувших, «мёртвых» языков. За каждым словом стоят удивительные истории, часто легенды, а иногда и курьёзы.

С некоторыми из них нам удалось познакомиться, благодаря выездным студенческим практикам в Притобольном районе Курганской области. Притобольный район образован в 1964 году. Территория района составляет 2,3 тыс. кв. км. Численность населения: 17 596 чел. Национальный состав: русские — 93,6%, казахи — 2,7%, украинцы — 1,3% (по данным официального сайта администрации Курганской области).

Село **Межборное**, вполне оправдывая свое название, затерялось среди живописных боров, богатых ягодой и грибами. Официальными топонимами можно считать названия двух больших улиц Межборного: **Центральная**, срединная улица с небольшой площадью перед сельсоветом, обелиском с именами погибших в Великой Отечественной и кругом магазинчиков – как в каждом селе; **Новая** – единственная улица с современными кирпичными домами, построенными перед самой перестройкой, когда местный колхоз «Красная заря» был одним из самых крупных и преуспевающих хозяйств в районе. К официальной топонимике относится и название местной реки **Глядянки**, которое возникло на базе областного наименования зеркала (*глядь, глядянка* – нвг, влг, пск. «зеркало, зеркальце», Толковый словарь В. Даля, Т.1, с. 241).

Кроме официальных топонимов, в речи жителей Межборное мы слышали также варианты неофициальных микротопонимов: наименования частей села, отдельных отрезков реки, окрестных боров. Часть из них этимологически обосновывается межборцами, другие, по-видимому, навсегда останутся для них привычными, но непонятными.

Среди названий отдельных частей села встретились два любопытных варианта. Северная часть села именуется в простонародье «**Засранкой**», а жители ее – «засранцами». Мотивировка столь нелестного наименования восходит к старому обычаю первых поселенцев села – двоеданов, славящихся необыкновенной чистоплотностью, не гнать скот домой по улицам, а отводить для него огороженную окраинную часть села, куда хозяйки сами утром и вечером сами приходили с подоюнками на дойку.

Село разрослось, заняло территорию выгонов, а название осталось. Кстати сказать, домишки здесь неказистые, улочки неровные и

извилистые, что, вероятно, тоже способствовало закреплению топонима в сознании людей.

Южная и юго-западная части села, отделённые от центра болотцем и небольшим бором, также имеют свои обиходные названия. Первое именуется «*Заболотьем*», что мотивировано его местоположением, а второе – «*Лосёвкой*». В Лосёвке сохранились полуразрушенные особняки раскулаченных зажиточных крестьян, добротные, сделанные из красного кирпича, но какие-то угрюмые, с малюсенькими оконными проёмами, совсем не похожие на предпочитаемые межборцами расписные-резные деревянные строения. И люди здесь под стать им – необщительные, мрачные, каждый второй – по фамилии Лосев. Микротопоним оказался мотивированным антропонимически. В середине 19 века появился в Межборке беглый каторжник – мужик крепкий, дюжий, по прозвищу Лось. Как ужиться каторжанину с двоеданами? – Вовек такому не бывать! Вот и отгородился нелюбезно принятый гость от межборцев небольшим борком, спрятавшим от недобрых глаз его хуторок. А мужик-то оказался справным, хозяйство своими руками поднял – вот уже и двоеданы не побрезговали за него девку свою отдать. Так и появились в Межборке Лосевы и Лосёвка, да и борок стали именовать Лосевым (по рассказу жительницы села *Астафьевой Матрёны Николаевны*, 1914 г.р.).

Кроме *Лосева бора*, бытуют в речи жителей села названия других окрестных боров: *Детдомовский* (в нём располагался эвакуированный из Ленинграда в 1942 году детский дом, позже переведённый в село Глядянское), *Ягодный* (очевидно, особо богатый на этот лесной дар), *Верховой и Низовой* (по месту расположения), *Копейка* (есть мнение, что именно в этом бору велась в годы войны самая активная вырубка деревьев на бытовые нужды, так как в бору не было таких добротных и мощных деревьев, как в других борах).

К неофициальным микрогидронимам следует отнести названия отдельных мест реки Глядянки: *Лука* – поворот, изгиб реки (по В. Далю – *лука* – «*излучина, заворот*», Т.2, с. 272), *Глядяна* – небольшое расширение, запруда, где местные хозяйки стирают и полощут бельё, *Водопады* – место с небольшими порошками, перекаты. Интересно, что последнее название мы слышали в местной частушке:

Приходи, милоч, на речку –
 прямо к водопадам –
Я поддам тебе коленком,
 чтобы шибче падал!

В селе Чернавское нас заинтересовали названия урочищ (в словаре В. И. Даля – *любая часть местности, отличная от окружающего*) – боров, расположенных вокруг села. Здесь есть *урочище За переменой* – лес,

находящийся в отдалении от деревни, где нужно было менять лошадей, давать им отдых. *Урочище Плита* получило свое название за то, что расположено на абсолютно ровном месте, тогда как большинство борков – кочковатые, с неглубокими ложбинками. В *урочище Голос* такие густые заросли кустарника, что люди, идя в лес по ягоды и грибы, все время аукаются, подают голос, чтобы не заблудиться. В официальных же документах лесничества значатся другие наименования боров – *Басманский, Белянин* – по гидронимам расположенных рядом реки Басманки (*басмане* – пересогласовка от бусурмане (татары)) и озера Белого (по рассказам жителей, в нем очень чистая вода и по сей день). Интересно, что неподалеку от села протекает река *Черная*, которая и дала название селу. В ней вода «черная», говорят жители, то есть в диалектном варианте – «очень холодная, с глубокими омутами и подводными течениями, словом, такая, где нечистая сила водится – черная да лихая». А вот река *Цыганка* – «коварная и обманчивая, с бьющими там и тут ключами». Это, конечно, народная этимология термина. Скорее всего, название свое река получила от цыганских таборов, которые и теперь еще находят себе приют на ее берегах. Но такое восприятие гидронима дает гораздо больше информации о географическом объекте, указывает на реальные особенности водоема.

Многие неофициальные гидронимы в Селе Чернавское имеют отантропонимическое происхождение. *Танькиной прорвой* именуют местные жители протоку на лугу, в которую при паводке устремляется сильный поток воды. Среди жителей села ходят разные легенды о происхождении микротопонима. Одни утверждают, что жила когда-то в селе Татьяна – непутевая баба, у которой ничего в руках не задерживалось. Нищенствовала она и бедствовала по причине пьянства и разгульной жизни, а конец свой нашла в этой самой протоке. Другие выдвигают совсем иную версию наименования: зажиточная вдова Танька Пустейко владела эти лугом – наделом для косьбы, да и протока-то ее руками вырыта, чтобы трава на лугу была сочнее. А вот о происхождении названия озера *Акулинкино* у жителей села бытует единодушное мнение – в нем утопилась от несчастной любви девушка Акулина. Вода в озерке солоная, как девичьи слезы (по рассказам жителей села – *Сомовой Марии Николаевны, 1930 г.р.* и *Перепелицына Пантелея Яковлевича, 1934 г.р.*).

Таким образом, знакомство с местной антропонимикой позволило студентам, проходившим диалектологическую практику в Притобольном районе Курганской области, приобщиться к истории своей малой родины и заглянуть в глубины русского языка.

СЕКЦИЯ 2 ВОПРОСЫ СУБКУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ

Бавыкина С.А.,
ГУ Курганская областная универсальная
научная библиотека им. А.К. Югова,
библиотекарь отдела краеведения

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕКИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Библиотеки как часть культурного достояния страны всегда, в разные исторические эпохи, были источником духовности, центрами распространения национальной культуры, школой патриотизма.

Приоритетным направлением в деятельности Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А.К. Югова является изучение, сохранение и развитие традиционной народной культуры, что является основой краеведческой работы.

Воспитанию любви к своей малой родине и расширению краеведческого мировоззрения подчинена составительская деятельность библиотеки. Библиотекой выпускается достаточное количество библиографических пособий различного содержания и назначения. Это универсальные, отраслевые, тематические, персональные указатели, каталоги, информационные бюллетени, справочники и буклеты. Среди них: каталог «Книги военных лет», «Сводный каталог дореволюционных изданий. Южное Зауралье», «Каталог музыкальных изданий XIX – начала XX веков: из фондов Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А.К. Югова», библиографические указатели «Экология Южного Зауралья», «Женщины», «Семья», «В мире музыки: календарь музыкальных дат», «Библиотека и выборы: опыт работы библиотек – центров правовой информации», «Воспитание и образование XXI век: региональный библиографический журнал», буклет «Юговка рядом с Вами». В своем рассказе я остановилась на изданиях, подготовленных отделом краеведения, который ведет свою историю с 1968 г. и имеет богатый опыт создания библиографических, биобиблиографических и справочных пособий о Зауралье.

Путеводителем по наиболее ценной литературе о Курганской области, отражающем его историю, социально-экономическое и культурное развитие, можно назвать универсальный указатель «Литература о Курганской области». Это пособие содержит информа-

цию о краеведческих новинках: книгах и статьях из центральных периодических изданий, материалах из областных и городских, а также некоторых районных газет. Учет материалов из местных газет особенно ценен, так как они не подлежат росписи в «Летописи газетных статей». Это своеобразная краеведческая летопись!

Экскурс в историческое прошлое можно совершить, познакомившись с уникальной коллекцией краеведческих изданий конца XIX – нач. XX вв. Коллекция является частью регионального «Свода книжных памятников Зауралья» и представлена в «Каталоге дореволюционных краеведческих изданий» в двух частях «Книги» и «Периодические и продолжающиеся издания».

В 2006 году отпраздновал свой юбилей «Календарь знаменательных и памятных дат. Курганская область». Уже более двадцати лет календари знакомят россиян с основными историческими событиями в жизнедеятельности Южного Зауралья и вызывают заслуженный интерес самых различных кругов общественности.

Источником изучения истории и состояния издательского дела в Курганской области служит ежегодник «Зауральская книга», работа по созданию которого ведется уже четыре года. Выявление и учет библиотекой местной печатной продукции вносит существенный вклад в создание российской национальной библиографии.

В зауральском крае есть свои герои и таланты. Жизни и творчеству знаменитых людей земли Курганской посвящено немало библиографических указателей, выпускаемых в серии «Писатели и ученые Зауралья». Благодаря этим изданиям можно познакомиться с деятельностью известного уральского краеведа - Владимира Павловича Бирюкова; народного академика, земледельца - Терентия Семеновича Мальцева; выдающегося хирурга современности - Гавриила Абрамовича Илизарова; зауральского писателя, секретаря Союза писателей России - Виктора Федоровича Потанина; ученого – литературоведа, фольклориста, собирателя - Валентины Павловны Федоровой и других замечательных людей.

Естественным явилось и издание библиографического указателя, посвященного мастеру исторического романа, знаменитому зауральскому писателю - Алексею Кузьмичу Югову, чье имя носит библиотека. Всего областной библиотекой было подготовлено и издано два выпуска. Первый выпуск носит название «Писатель-патриот» и был издан к 95-летию со дня рождения А.К. Югова. Работа по его подготовке велась совместно с Государственным архивом общественно-политической документации Курганской области. В пособии помещена библиографическая информация не только о произведениях А.К. Югова и литература о его жизни и творчестве, но

и Документальный фонд писателя А.К. Югова в Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области.

Следующий выпуск увидел свет в юбилейный год 100-летия со дня рождения писателя. При подготовке указателя «Алексей Кузьмич Югов» был использован широкий круг источников, имеющих в областной библиотеке им. А.К. Югова: каталоги, картотеки, летописи, библиографические указатели. Автор вступительной статьи - кандидат филологических наук, доцент А.А. Смирнова.

Большую группу библиографических пособий составляют отраслевые и тематические указатели. Среди них: «Курганская область: прошлое и настоящее», «Литературное Зауралье», «Искусство Зауралья», «Поклонимся великим тем годам», подготовленные библиографами библиотеки им. А.К. Югова. Обращаясь к этим изданиям, неоценимую помощь в работе получают преподаватели учебных заведений, учащиеся и студенты, работники библиотек, краеведы.

Пользователь не всегда довольствуется библиографической информацией, иногда для него гораздо важнее получение информации фактографической.

В последнее время возрос интерес населения к символике не только России, но и родного края. Природные, исторические, современные особенности государства, области, города отражают гербы и флаги. Специалисты отдела краеведения подготовили информативное издание «Символы Курганской области», в котором представлены цветные изображения гербов и флагов муниципальных образований Зауралья, а также официальные документы, их утвердившие.

У краеведения Южного Зауралья (Курганской области) своя долгая история и в то же время актуальная современность. Ученые-исследователи, преподаватели, студенты, аспиранты вузов, сотрудники архивов, музеев, библиотек, учителя и учащиеся школ, любители-краеведы – каждый в меру своих сил и возможностей, профессионального или личного интереса занимались и занимаются различными аспектами краеведения. В связи с этим возникла необходимость в справочнике, отражающем краеведческий потенциал Курганской области. Отдел краеведения Курганской областной универсальной научной библиотекой им. А.К. Югова подготовил такое издание. Выпущен эксклюзивный справочник «Краеведение Южного Зауралья» по существующим краеведческим организациям области, задача которого - сохранить историю нашего края, обозначить интересы, специфику краеведческих обществ, организаций, выявить личности краеведов, установить деловые контакты.

В настоящее время отмечается новый этап в области библиотечного краеведения: самостоятельная исследовательская работа

библиотекарей. Сотрудники отдела краеведения провели серьезное исследование на тему: «Библиотечная деятельность в годы Великой Отечественной войны на территории Южного Зауралья». В результате трудоемкой и кропотливой работы к 60-летию Великой Победы увидела свет брошюра «Мы этой памяти верны», которая в областном конкурсе «Зауралье – моя малая родина» была отмечена дипломом в номинации «Книги».

Таким образом, издавая краеведческие пособия, областная библиотека им. А.К. Югова стремится сохранить культурное наследие жителей Зауралья, тем самым, подтверждая статус библиотеки как центра духовной жизни края.

Белоусов А.Д.,
Каширинский литературно-краеведческий
музей им. В. Кюхельбекера, директор

ЕЩЕ РАЗ О ЮГОВЕ...

Наш Югов, наш! Курганской земли сын, в притобольных степях развернулся он взором по разнообразию русской действительности. Это уже потом будет и южная Россия и Сибирь с ее необъятными просторами, столичная жизнь писателя. Колыбель всему все же здесь, на берегах Тобола. Не от Тобола ли берется творческое начало замечательного земляка. Тобола, кроткого после знойных летних месяцев и грозного своими весенними разливами, от переплавленных вешним теплом снегов, дождавшимся своего часа на притобольных равнинах. И пусть там, в столицах, позабудут на время про своих верных сынов, мы то земляки и почитатели слова русского от «одного из старейшин родного Тобола», как он себя представил в подаренной для музея книге, всякий раз обратимся и к образу великого и благоверного князя Александра, к рассуждениям героев «Страшного суда» в годы слома и возрождения новой России на начале века двадцатого, полюбуемся и подивимся красоте русского изречения из его исследований и «Дум о русском слове».

Не берусь утверждать о наличии связи между фактом нахождения в Кургане храма, посвященного Святому князю Александру Ярославичу и рождением из уст нашего земляка – Алексея Кузьмича Югова, одного из лучших произведений современности о жизни Руси начала второго тысячелетия – романа «Ратоборць». Хотя школа, где учился Югов, располагалась ну совсем рядышком со стенами величественного красавца – храма.

Наша экспозиция, посвященная Югову, вобрала в себя немало экспонатов, найденных в разное время и в разных местах. Много подарков от трех поколений Юговых, с кем музей поддерживает связь и по сей день. Одно из неизменных условий появления очередного экспоната – знание предмета поиска. О писателе Югове знали недостаточно многое, но то, что он наш земляк – было известно. Это – то знание и помогало во многих случаях обратить первоначальное внимание на появившуюся перед глазами книгу, либо другую вещь, связанную с его именем. Когда-то теперь уже в далеком 1983 году, с группой школьников были в Шушенском, на экскурсии по ленинским местам. Оттуда и привезли книгу Югова, роман «На большой реке», найденный в развале букинистической литературы местного книжного магазина. По виду книги можно было догадаться, что побывала она во многих руках, прежде чем очутиться там, где нашли ее мы. Можно так же предполагать, что читателями ее были те, кто эту, большую сибирскую реку перегородил плотиной, заставил отдавать электроэнергию. Книга про грандиозную стройку на берегах Волги, ее события пришли на берега Енисея.

Один из экземпляров романа «Страшный суд» попал в коллекцию музея из библиотеки Леонида Ивановича Куликова. Есть дарственная надпись автора. Она характерна для писателя тем, что раскрывает даже своей краткостью его способность постигнуть суть своего собеседника.

Югов - Куликову : « Дорогому Леониду Ивановичу, богатырю духа! Алексей Югов». Да! Именно богатырем духа был Леонид Иванович Куликов. А вот иное пожелание, адресованное человеку молодому, в начале его жизненного пути : «...Юноша, следуй дорогой отцов и – своего отца!». Тоже сказал, как припечатал.

Одним из первых у нас автографов от Алексея Кузьмича стала надпись на книге «Судьбы родного слова». Привожу ее полностью. «Краеведческому музею Каширинской школы. Юные, родные земляки мои! Жизнь – это Родина, труд и подвиг! Крепко я на вас надеюсь! Алексей Югов. 7.03.1963 г. Москва». Что в этом пожелании? Предвидение грядущих событий или оглядка на дни, века миновавшие. Наверное есть в этих словах все.

Книги «Судьбы родного слова» и « Думы о русском слове» удивительны еще не только предметом исследования, но и тем, как автор вводит своего читателя в науку об языкознании. Попутествуешь с ним по страницам книг с рассуждениями о таинствах и трансформациях Слова, по времени и в пространстве, и сам начинаешь выискивать интересные примеры из своего, пусть и невеликого, опыта. Непременно обратишь внимание на всплывающие в сознании примеры. И сразу к рассуждениям Югова – верно, можно вслед за словом путешествовать по пространству.

Из раннего детства в обиходе слова – жуланчик, чулан, конюшня. Такие названия звучали там, где прошли первые, детские годы, близ Шадринска. А вот когда перевез отец нас в Каширино, близ Кургана, с удивлением обнаружил у тех же предметов другие названия. Большая синица звалась уже мысуйкой, не чулан, а кладовка, не конюшня для коровы, а стайка. А велико ли расстояние между двумя деревнями. Да что там разные деревни. Совсем еще недавно и одна-то деревня состояла из частей, обозначенных по-своему - и географически и говором. Вот и поезжай вслед за словом из названий, за говором искать их прародину, место, откуда пришли переселенцы.

В далеком, по меркам одной жизни, 1975 году Юговы, Алексей Кузьмич и Ольга Ивановна, побывали в Курганской области. Встречались со многими людьми. Навестили и нас в Каширино. Наш музей произвел на них определенное впечатление. Как мне кажется, обилием имен - ярких личностей, представляющих наш край, совсем невеликий в пределах России того времени.

За миновавшие три с небольшим десятка лет насколько больше мы узнали про своих земляков. Сколь много новых имен объявилось и появилось вновь из художественной литературы, мемуаров, краеведческих изданий. Одних только литературных объединений можно найти в каждом районе, в городах и других крупных населенных пунктах. Везде свои авторы, кто-то пишет на профессиональном уровне, кто-то на любительском. Центром притяжения всех без сомнения является отделение Союза писателей, только за последние пять – семь лет ставшее богаче на десяток фамилий.

Год 2007 в России провозглашен, объявлен ли, годом русского языка. Всю жизнь боролся с его недругами наш талантливый земляк. Его «Думы о русском слове» состоят из трех составных частей: «Россыпи и самородки русской речи. Русский язык сам собой правит. Слово – разведчик истории.»

Каждая из них по своему захватит воображение пытливого читателя проявляемым величием нашего родного языка, заставит задуматься, на сколько же мы умело распоряжаемся имеющимся богатством. И вольно ли, невольно ли возникнет вопрос о том, что же происходит с нами сегодня, если зачастую великий и могучий Язык низводится до пресловутого уровня общения известной героини Ильфа и Петрова. Была надежда, что вслед за провозглашенной декларацией – Годом русского языка, очистятся от языковой скверны прежде всего средства массовой информации. Появятся мероприятия, раскрывающие красоту, образность, величие нашего общего непреходящего капитала. Ан нет. Все по-прежнему. А если где-то со школьниками и проводятся дежурные мероприятия, так тоже более направленные на озвучивание грамматической казуистики, но не на изучение и постижение великого

богатства познания себя и окружающего через посредство яркого, образного, красочного русского языка. Знание Правил необходимо, с этим спорить не будешь. Но Язык - это ведь и умение слышать, чувствовать слово. Знать слово. На нем общались наши предки, на нем созданы величайшие художественные произведения русской классики. За него боролся наш земляк, «ратоборец» за слово русское - Алексей Кузьмич Югов.

Макимова О. А.,
Курганская ЦГБ им. В.В. Маяковского,
заведующая отделом краеведческой
библиографии

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ – ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК ЦБС Г. КУРГАНА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В XXI ВЕКЕ

Одно из важных направлений в деятельности библиотек ЦБС г. Кургана было и остается краеведение. Традиционно основными направлениями краеведческой работы библиотек системы являются экологическое, историческое и литературное краеведение.

Краеведческая деятельность библиотек включает в себя не только сбор, хранение, обработку информации, обеспечение доступа к материалам краеведческого характера, но и популяризацию краеведческих знаний. Что обусловлено повсеместным включением краеведения в программы учебных заведений всех уровней.

Основные направления просветительской деятельности библиотек ЦБС г. Кургана по литературному краеведению за период с 2000 по 2006 годы:

- Массовая работа
- Проектная деятельность
- Издательская деятельность
- PR
- Использование автоматизации в целях распространения краеведческих знаний

Все проводимые в библиотеках ЦБС мероприятия по литературному краеведению можно классифицировать на сугубо литературные и те, в которых литературное направление является составляющей. Чисто литературные мероприятия подразделяются на

те, в которых речь идет непосредственно о жизни и творчестве писателей земляков («Поэты и писатели земли Курганской», «Сказочники Зауралья») и те, в которых знакомство с литературой Зауралья происходит опосредованно, через раскрытие определенной темы («Зауральские поэты о войне», «Писатели Зауралья о войне»).

Массовая работа

Поскольку основными потребителями информации о родном крае являются дошкольники и учащаяся молодежь, основные формы массовой работы в библиотеках системы рассчитаны на особенности интеллектуального развития подрастающего поколения. Для дошкольников и младших школьников это: праздники (в основном по фольклору Зауралья и творчеству Л. И. Куликова), громкие чтения, утренники, игры. Учитывая особенности этого возраста, в мероприятиях часто используются элементы театрализации.

Для детей-подростков используются такие формы распространения знаний по литературному краеведению как: уроки («Литературное Зауралье»), викторины (по творчеству Л. Куликова, М. Керченко), беседы («Леонид Куликов и его книги»), обзоры («Поэты и писатели земли курганской»), устные журналы («Зауральские писатели – детям»), путешествия («По страницам книг зауральских писателей»), литературные часы («Добрый рыцарь совести и слова»: о В. Потанине), познавательно-игровые программы («Зауральские сказочники»).

Учебные программы для этого возраста предусматривают ознакомление с краеведческим материалом, поэтому библиотеки особенно активно работают с подростками, используя **комплексные формы** популяризации краеведческих знаний (беседы сопровождаются викторинами, обзоры оживляются играми). Для такого направления как литературное краеведение самая популярная форма массовой работы в библиотеках централизованной системы г. Кургана – это литературные часы, которые включают, как правило, игры, викторины, беседы и сопровождаются наглядными формами информирования. Все это позволяет не только познакомить с краеведческим материалом, но и создать положительную установку на изучение.

Для взрослой аудитории – старшеклассников, учащихся средних специальных учебных заведений, членов литературных клубов (при библиотеках Шолохова, Шукшина, Толстого) чаще всего проводятся встречи с писателями и поэтами (В. Потаниным, А. Львовым, Л. Блюмкиным и др.) презентации книг, литературно – музыкальные композиции.

Вся массовая работа библиотек ЦБС по распространению литературных краеведческих знаний сопровождается, как правило, **наглядными** формами информирования о краеведческих документах – выставками, просмотрами, оформлением книжных полок и стендов.

Поскольку, являясь средством определенного воздействия на чтение, книжная выставка, в то же время, предоставляет возможность самостоятельного выбора краеведческих документов.

Проектная деятельность

Все чаще в своей работе библиотеки ЦБС стали использовать такое направление популяризации литературного краеведения как проектная деятельность. Так, библиотека им. Чуковского, которая выбрала краеведческое направление основным в своей работе, уже не первый год реализует просветительский проект для школьников «Краеведческие чтения», цель которого – приобщение детей к фольклору Зауралья, к творчеству зауральских поэтов и писателей, развитие навыков внимательного прослушивания и умения излагать свои мысли, чувства, эмоции.

Для дошкольников эта же библиотека реализует просветительский эколого-краеведческий проект «Земля родная, Зауралье», который состоит из трех циклов и предполагает не только изучение природы и истории родного края, но и знакомство с фольклором и литературой Зауралья, а через это знание формирование у детей чувства патриотизма и любви к малой Родине.

Издательская деятельность

В течение рассматриваемого периода вышли в свет три выпуска сборника лучших краеведческих сценариев библиотек централизованной системы «Малая родина» (4). Второй выпуск посвящен именно литературному краеведению.

Сотрудниками библиотеки им. Л. И. Куликова, которые ежегодно проводят огромную работу по популяризации наследия писателя, чье имя носит библиотека, подготовлен сборник литературных сценариев «Живое слово Леонида Куликова» (3), содержащий также список литературы о жизни и творчестве писателя. Поскольку творческое наследие Леонида Ивановича наиболее часто используется для воспитания и образования подрастающего поколения, этот сборник, несомненно, представляет интерес для педагогов и руководителей детского чтения.

Библиотека им. Куликова явилась инициатором выхода в свет в 2005 году единственно полного собрания произведений Л. И. Куликова – книги «Живое слово» (2). Уникальность этого издания еще и в том, что оно иллюстрировано рисунками детей. К 80-летию писателя библиотека провела конкурс детских рисунков «По сказкам Л. И. Куликова», на который было представлено более сотни работ. (Такая форма работы позволяет не только развивать творческие способности детей, но и знакомить их с произведениями местных писателей). Авторитетная комиссия во главе с заслуженным художником России В. Пичугиным отобрала 13 детских работ, которые и украсили книгу.

PR - деятельность

Для популяризации своей деятельности библиотеки все чаще используют технологии паблик рилэйшинз. И, если мы говорим о литературном краеведении, то такой яркой акцией в 2006 году была акция «Расти с книгой». 1 июня в День защиты детей на праздничных площадках в разных микрорайонах города сотрудники библиотек ЦБС г. Кургана дарили дошкольникам книжку-малышку сказку Л. Куликова «Белочка – умелочка»(1). Благодаря финансовой поддержке Попечительского Совета ЦГБ им. Маяковского в Куртамышской типографии было издано 1000 экземпляров этой сказки, которую получили в подарок дети и их родители. Этой акцией библиотеки хотели напомнить родителям, что к чтению ребенка нужно приучать с самого раннего детства. Инициатива библиотек была встречена с восторгом, поскольку эту сказку Л. Куликова многие помнят с детства и хотели бы иметь ее в домашней библиотеке для своих детей и внуков.

Использование автоматизации в целях распространения краеведческих знаний

Конец 2006 года ознаменовался для Централизованной библиотечной системы г. Кургана открытием собственного сайта (www.cbs-kurgan.ru), где информация по литературному краеведению представлена не только перечнем имеющихся тематических подборок, сведений о деятельности библиотек по популяризации литературного краеведения, но и непосредственно текстами дайджестов, указателей литературы, писательских архивов. Доступ к этим документам достаточно прост.

Заглянуть в биобиблиографический указатель «Писатели Зауралья» можно прямо с главной страницы сайта. Тексты произведений Леонида Куликова, многие из которых давно не переиздавались, размещены на странице сайта «Писательский архив». Это, несомненно, представляет интерес для пользователей.

Следует отметить, что интерес к литературному краеведению растет. Если в 2000 году библиотеки системы провели чуть более шестидесяти массовых мероприятий по популяризации литературного краеведения, то в 2006 году эта цифра выросла в три раза (равно как и количество посетивших эти мероприятия). Всего в новом тысячелетии в библиотеках Централизованной библиотечной системы г. Кургана проведено почти 800 массовых мероприятий только по литературному краеведению, которые посетили более 13 тысяч горожан. В основном это учащиеся с 1 по 11 классы включительно. Библиотеки работают совместно с сорока пятью школами города, тридцатью пятью детскими садами, а также профессиональными училищами, техникумами, проводят мероприятия для учреждений

дополнительного образования – домов творчества, школ искусств, художественных школ, вечерних школ, реабилитационных центров, и т.п. Многие из того, что делают библиотеки системы по литературному краеведению, носит социально – значимый характер. Так библиотека им. К. Мяготина почти десятилетие работает по программе «Библиотерапия» в тесном контакте с областной детской больницей им. Красного Креста, коррекционной школой № 1, Домом детства (пока тот не был закрыт). Библиотека им. Шолохова проводила массовые мероприятия по творчеству зауральских писателей и поэтов для женской колонии.

Выполняя свои основные функции информационных, образовательных, культурно - досуговых учреждений, библиотеки Централизованной библиотечной системы г. Кургана больше внимания уделяют просветительской деятельности, чем исследовательской, поскольку в первую очередь ставят перед собой задачи воспитания и образования подрастающего поколения. И в этом смысле такое направление, как литературное краеведение, является неиссякаемым источником для приобщения молодежи к чтению (а значит повышению интеллектуального уровня), ознакомлению с достопримечательностями края и через это- воспитание чувства гордости и любви к малой родине.

Примечания

1. Куликов, Леонид Иванович. Белочка – умелочка : сказка / Леонид Куликов ; рис. учеников дет. художеств. шк. г. Кургана. – Курган : Централизованная библиотечная система г. Кургана. , Куртамыш : «Куртамышская типография», 2006. 12с. : ил.- «Раста с книгой»

2. Куликов, Леонид Иванович. Живое слово : [сказки в стихах, стихи] / Леонид Куликов ; [сост. В. И. Портнягин] ; рис. учеников дет. художеств. шк. г. Кургана, Курган : Комитет по печати и средствам массовой информации Курганской области, 2005. 68с. : ил.

3. Живое слово Леонида Куликова : сб. лит. сценариев : из опыта работы б-ки им. Куликова / МУ «Централиз. библиот. система г. Кургана», Орг.- метод. отд. , Курган, 2006. 37 с.

4. Малая родина : сб. лит. сценариев краевед. мероприятий : из опыта работы б-к / Ч.2 / Сост. Н. В. Сысолятина МУ «Централиз. библиот. система г. Кургана», Орг.- метод. отд. , Курган, 2004. 92 с.

СЛОВО О СЛОВЕ
(по страницам сборника «БЫЛИ»)

Вышел второй сборник моих стихов «Были» (2). Одна из тем, прозвучавших на его страницах – тема Слова. Все мы, как известно, находимся не только в потоке времени, но и в потоке слов. В толковом словаре В.И. Даля читаем (1. С.221):

- Словом Господь мир создал.

Вот ведь, как велико Слово. А мы? Каждый из нас ежедневно словом своим создает мир внутри себя. Этот великий дар дан только человеку (2. С. 14):

И волны
 озера,
 и ветер
Ответить
 не смогли,
Кто
 произнес
 впервые:
 - Семискуль.

С раннего детства из уст мамы ко мне пришло народное, певческое слово и было дано почувствовать его красоту и силу (2.С. 106):

Сладкоголосая
 певунья,
Наполни
 песнею
 любви,
Как в детстве
 и луг, и лес, и дом.

Слово сроднило меня с достойными, талантливыми людьми Зауралья, создающими многоцветный kaleidoscope информационного, научного и поэтического пространства. Один из них искусствовед, педагог и поэт Анатолий Дмитриевич Львов (5. С. 120):

В житейском
 океане
 слов и дел
Увидеть
 Свет и
 возвестить

Твой Дар
и славный
твой Удел.

Слово – хранитель Памяти (2. С. 91) :

Оставьте Суету – приходит Слово
Из книги Бытия, приходит и ведет
В пра – Родину,
на встречу с пра – Судьбою.

Слово родоведа, архивиста – исследователя Павла Валерьевича
Варлакова открывает мир первопоселенцев Зауралья (2. С. 132.) :

Светлого
слова
вестник...

За чередой
имен
и дат

В глубины
времени ведешь...

Дорога память общения с талантливым ученым – историком,
основателем и первым руководителем Зауральского генеалогического
общества Павлом Александровичем Свищевым (2. С. 138) :

Пусть говорят:
- Все тьмой
одето...

А ты вещал нам :
- Свету
быть!

И близок,
близок
час рассвета.

Слово способно возродиться (2. С. 133) :

Распятые...
Боль...
Забвенье...

Но слово
словно,
вешний цвет –

Две тысячи
второе
Воскресение.

Многоликие, бесценные свойства Слова чудотворны, несут
благодать Добра и Света лишь тогда, когда у истока рождения Слова
стоит Любовь (2.С. 127):

Лишь
сердце
слышит,
слышит,
Как
ветер
из обители
богов,
Приносит
и Любовь,
и Слово.

Мир Слова велик. За нами выбор точного, лаконичного, наполненного энергией Слова.

Примечания

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
2. Подкорытова Л.Г. Были. Курган, 2006.

Рохлина А.М.,
Московский государственный университет,
аспирант

ФОЛЬКЛОР И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЕ

На фоне бурных социально-экономических преобразований последних десятилетий педагогическая общественность стала обращать особое внимание на национальную культуру, поскольку она позволяет строить идеологическую основу в деле обучения и воспитания детей. Изучение и освоение народных традиций весьма важно для достижения основополагающей цели – обучения, воспитания и развития, становления гармонично развитой молодёжи.

В содержание большинства учебных дисциплин включаются регионально-национальные компоненты, представляющие собой структурные блоки, состоящие из теоретических и практических материалов программы с количеством указанного времени на их изучение. На основе этих блоков школьники изучают особенности своей национальной культуры, фольклорные праздники, обряды, народный костюм, осваивают декоративно-прикладное творчество – технологии народных промыслов и ремёсел, таких как деревянная архитектура и домовая резьба, плетение из бересты, вышивка и лоскутное шитьё, глиняная игрушка, роспись по дереву.

Знакомство школьников с ними может происходить на различных уроках, и существуют различные программы, предусматривающие включение элементов народной культуры в школьное образование.

Фольклорные произведения включены в программы по литературе для учеников 5–7 классов, но знакомство школьников с национальной культурой на уроках литературы не может ограничиваться изучением только фольклорных текстов. Обязательный элемент школьной программы по литературе – произведения древнерусской литературы, в том числе и «Слово о полку Игореве», изучением которого плодотворно занимался А.К. Югов.

В образовательный компонент «Изобразительное искусство» включён учебный блок «Народное художественное творчество», позволяющий ознакомить школьников с корнями народного художественного творчества, со спецификой его образно-символического языка в изделиях декоративно-прикладного искусства. На уроках труда, рисования или изобразительного искусства ребята узнают об истоках и о современном развитии народных промыслов России (дымковская, филимоновская, богородская игрушка, Гжель, Жостово, Городец, Хохлома), учатся выполнять эскизы различных изделий, осваивают элементы традиционных росписей – мезенской, уральской, петриковской.

Учебный блок «Народное художественное творчество» включён не только в содержание образовательной области «Искусство», но и в образовательной области «Технология» предусмотрено изготовление изделий декоративно-прикладного назначения.

На уроках труда (по современному – технологии) в настоящее время многие школьники занимаются декоративно-прикладным искусством – изготовлением деревянных игрушек, предметов быта художественно-утилитарного назначения. Например, в средней школе № 305 г. Москвы В.Ф. Кучерявенко на уроках технологии обучает детей всем видам декоративно-прикладного искусства: это и чеканка, и дифовка, и роспись, и резьба по дереву, и точение из древесины, и деревянное зодчество. Такого количества и разнообразия работ нет ни в одной другой школьной мастерской. С помощью своих учеников он создаёт в школе музей народного творчества.

Константин Анатольевич Стрижков, учитель технологии и педагог дополнительного образования в средней общеобразовательной школе № 32 города Улан-Удэ, разработал авторскую программу по традиционной бурятской резьбе по дереву и успешно применяет ее на своих уроках.

В общеобразовательной школе № 167 г. Москвы имени маршала Л.Н. Говорова с этнокультурным русским компонентом приобщают детей к традициям русского быта, прививают любовь к декоративно-прикладному

искусству. На уроках технологии, а после уроков – в кружках и школьном музее декоративно-прикладного искусства – дети 12 различных национальностей изучают богатейшие традиции русского народа: занимаются вышивкой, вязанием, лоскутной техникой, резьбой и росписью по дереву. Ребята участвуют в постановках школьного русского театра, узнают о культуре домашнего хозяйства в национальных русских традициях. Младшие школьники знают множество русских народных песен, прибауток, сказок, пословиц и поговорок.

В рамках системы дополнительного образования работают кружки «Русская вышивка», «Художественное вязание крючком», «Плетёное коклюшечное кружево», «Судомоделирование», в котором школьники по архивным чертежам воспроизводят модели кораблей времён Петра I. В 2005 году в школе был открыт кружок под названием «Романовское кружево», где ребята занимаются обучением и возрождением забытого промысла.

На уроке музыки учащиеся знакомятся с народными песнями, календарным, свадебным фольклором, изучают обряды своего региона. В Липецкой области Еленой Валерьевной Сальковой, преподавателем средней школы № 3 г. Ельца на основе русского детского фольклора разработана авторская программа по музыке для учеников начальной школы (1, 2 классы). Народная песня обладает и воспитательной, и художественной ценностью. Простота построения мелодии, яркая образность, юмор – все это порождает интерес и вызывает желание петь даже у самых застенчивых детей, и, как следствие, дети раскрепощаются, получают положительные эмоции. Народная песня обогащает речь ребенка, благотворно влияет на ее выразительность, исполнение традиционных текстов улучшает дикцию и артикуляцию ребенка, а знакомство с фольклорными мелодиями, участие в праздниках, обрядах пробуждает у детей интерес к русским традициям и ко всей русской истории в целом. При использовании данной программы на уроках необходимо учитывать региональный компонент, т.е. на уроках дети должны изучать обряды и песни, бытующие и бытовавшие в данном конкретном регионе России.

Интересен опыт использования народных спортивных игр на уроках физкультуры. Профессиональные преподаватели физического воспитания да и просто любители физкультуры в последние время всё чаще обращаются к народному опыту. Ведь это неисчерпаемый источник знаний о вековых традициях физической культуры различных этносов, входящих в состав Российской Федерации. В.В. Красильников, декан факультета физической культуры Российского государственного профессионально-педагогического университета, кандидат педагогических наук, из г. Екатеринбурга предпринимает попытки восстановить

в национальной школьной программе по физической культуре традиционные игры и состязания. В поисках традиционных игр и состязаний хантов и манси он совершил несколько экспедиций в Ханты-Мансийский автономный округ. Это один из первых опытов по внедрению в школьную программу по физической культуре традиционных видов спорта, но опыт очень интересный, т.к. для манси – одного из малочисленных народов Сибири – подобное историческое возрождение и развитие национального физического воспитания должно стать основой самосохранения и саморазвития в целом.

Однако знакомство школьников с традиционной культурой не должно ограничиваться только школьными предметами, оно может продолжаться и во внеучебное время. Большую роль в приобщении детей к истокам народной культуры играют проводимые классными руководителями в образовательных учреждениях внеклассные мероприятия: беседы о культуре, видах и жанрах изобразительного искусства, встречи с художниками, архитекторами, скульпторами, актёрами, выезды и походы в театры, музеи изобразительного искусства и деревянного зодчества, проведение фольклорных праздников и народных гуляний. С использованием музейных материалов можно изучить ряд тем по истории, черчению, изобразительному искусству, географии и мировой художественной культуре. Например, Н.Г. Михайлов, доцент кафедры методики обучения технологии и дизайна Поморского госуниверситета им. М.В. Ломоносова, учитель изобразительного искусства, черчения и географии (г. Архангельск) проводит со своими учениками интегрированные учебно-воспитательные мероприятия – например, отмечание Масленицы в Архангельском государственном музее деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». В ходе такого учебно-воспитательного мероприятия вначале на классном часе, а затем и на самом празднике школьники узнают, что Масленица – это старинный славянский праздник проводов зимы, во время которого пекут блины и устраивают различные увеселения. При этом во время гулянья со школьниками проводятся уроки-экскурсии ИЗО и черчения: ребята рисуют рисунки на тему «Масленица на Русском Севере», выполняют с натуры наброски и зарисовки декоративных элементов деревянных архитектурных сооружений – причелин, полотенец, оконных наличников, резных досок фронтонов и карнизов с тем, чтобы затем можно было на их основе на уроках черчения сконструировать и выполнить чертежи своих вариантов этих предметов.

Очень важны для полноценного развития школьника занятия в различных кружках и студиях народного творчества. В домах детского творчества, в центрах внешкольной работы, домах культуры,

музыкальных школах, студиях рисования и ИЗО существуют коллективы, в которых дети занимаются декоративно-прикладным искусством, музыкальным фольклором, народными танцами. Проводятся фольклорные фестивали, например «Псковские жемчужины» (г. Псков), «Красная горка (г. Брянск), «Кубанский казачок» (г. Сочи), различные летние школы. Отраднее то, что и в странах бывшего Советского союза тоже интересуются русским фольклором: например, уже три года проходит Международная летняя школа и фестиваль «Традиция», в которых принимают участие фольклорные ансамбли, педагоги дополнительного и основного образования.

Классики педагогики, такие, как Я.А. Коменский, К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, неоднократно подчеркивали, что система воспитания, построенная соответственно интересам народа, развивает и укрепляет в детях ценнейшие психологические черты и моральные качества – патриотизм и национальную гордость, любовь к труду. Они призывали, чтобы дети с раннего детства начали усваивать элементы народной культуры, овладевать родным языком, указывали на большое значение произведений народного творчества в деле воспитания и обучения детей. Знание народных обычаев, традиций, истоков национальной культуры необходимо для полноценного развития ребенка. Только зная традиции своих предков, можно понять потребности и проблемы повседневной жизни сограждан, уважать и любить труд и быть патриотом своей Родины.

Рычкова Е.В.,
Курганский государственный университет,
кафедра древней литературы и фольклора,
кандидат филологических наук, доцент

СВОЕОБРАЗИЕ ИДИОСТИЛИЯ ЗАУРАЛЬСКОЙ ПОЭТЕССЫ ИРИНЫ АНИСИМОВОЙ

Бывают судьбы – не идет по жизни человек, а летит: легко, свободно, уверенно. Но оглянется – и вспомнить нечего. А бывает – каждый шаг дается с огромным трудом и воспринимается как победа. Такая доля выпала зауральской поэтессе Ирине Анисимовой. Биографические подробности режут по живому: тяжелейшая болезнь приковала начинающего взрослого жизнь человека к постели, за первым ударом следует полная глухота... Но человек начинает бороться с недугами. Ирина передвигается на костылях, пишет стихи.

Стихи разные – о любви: взаимной и безответной, о близких людях и незнакомцах, о родном Зауралье и о далеких чужих землях – но всегда открытые, искренние, «настоящие»:

В этих стихах я – как в зеркалах,
Где вам знакомые черты видны.
И если хоть в малом я солгала,
Не снимайте с меня вины. (1, 23)

Достоин внимания, что в стихах И.Анисимовой нет ни строчки о случившейся в ее жизни трагедии. Это характерно для мужественного человека. Возьмем сборник «Радость подарить». Немногочисленным исследователям показалось, что самое употребляемое слово в нем – радость. Оказалось – всего четыре раза оно встречается в этой книге. А ощущение при прочтении создается, что оно присутствует в каждой строке.

Какая радость – радость подарить!
Идти к тебе с улыбочивым приветом –
Писать тебе.

И ждать потом ответа.
И снова лишь с тобою говорить.
И тихо верить: время не остудит
Души твоей доверчивый родник.
И неизбывной наша дружба будет:
Все родственное – ближе породнит.
Ты просто на письмо мое ответил,
А сколько сразу прибыло тепла!..
Зеленый май необычайно светел –
И близь светла, и даль светла-светла... (1, 44)

Круг тем поэтессы велик, но о чем бы ни писала она, каждая строка ее живет и дышит добротой. Нежностью наполнены стихи о деревенском детстве. В них особенно ярко проявляется то, что мы называем «поэтическим виденьем»: непереводимые на язык прозы поэтические образы, картины:

Дом был тихий.
Крыльцо, палисадник.
Ночью в окнах – кленовые грозди.
За околицей падали звезды.
И вздыхала корова в ограде –
Без хозяйки, в пригляде соседки...
Утром чистым кленовая ветка
Звонким золотом вся залилась.
День начался – и я родилась. (1, 32)

Любовная лирика Ирины Анисимовой чаще всего отмечена печатью жертвенности. Любовь в ней как бы односторонняя. Но среди слов, обращенных к объекту любви, вы не найдете даже легкого укора.

Зато стихи на эту тему полны надежды, сожалений, доброты, женского достоинства:

«Я не могу тебя счастливой сделать,-
Ты пишешь, - а несчастной – не хочу».
Ты пишешь, чтобы плакать я не смела.
И я в оцепенении молчу.
Тебя от новой боли сберегая,
Печали я своей не расскажу,
А просто сдержанно, как другу, напишу
Вчерашняя и все-таки другая. (1, 36)

Нет у И. Анисимовой ущербного качества, свойственного многим нынешним поэтессам – пренебрегая удивительными особенностями женской натуры, писать сугубо по-мужски, грубовато, с подчеркнутой солдатской прямоотой. Дескать, нет нынче стоящих поэтов-мужчин, так вот приходится...

Я уехала в ливень, ничуть не колеблясь при этом.
Я уехала в ливень. Ты больше к себе не зови.
Я уехала в дни уходящего краткого лета.
Беспокойного лета моей безоглядной любви.
Я уехала в ливень. А нынче – такое сиянье!
Словно солнце на целое лето вернулось опять...
Если б все возвратилось, как в самом хорошем сказанье,
И могла я всю душу, как прежде, тебе рассказать! (1, 46)

Женская душа с ее традиционными переживаниями, волнениями, тревогами предстает в ее стихах.

Если начать говорить о языке лирики зауральской поэтессы, то можно с уверенностью утверждать, что она буквально слышит исполинскую мощь глубинной сути слова. Стихи Ирины Анисимовой – сокровищница исконного нашего языка. А ее лирические строки – хранилища «округлости» слов. Обратимся к стихотворению «Кто же мы, люди?». Здесь множество красивых напевных слов: «отеческие веси», «полюшко», «хлебушко», «землица». Скрупулезный отбор лексических единиц – это свидетельство искреннего патриотизма и высокого мастерства поэта. Она оберегает слово личным примером, показывая современникам чуткое к нему отношение. Ирина Анисимова умеет передать не только слово своей малой родины – Зауралья, но и строй речи. Напоминает, как богат и могуч разговорный язык.

Слова – высокие, как небо.

И теплые – зерно в руках. (1,50).

У Анисимовой свое, особо трепетное отношение к Слову. И не случайно, что свое поэтическое Слово она роднит с зерном. Наш край – хлеборобный. Зерно всегда было его главным богатством. Страшной

бедой считают наши земляки неурожаи. Вот и для Ирины Анисимовой неумение понять, прочувствовать простое в своей обыденности Слово – несчастье. Оттого ее стихи бывают так незатейливы по форме, в них нет вычурности, искусственности, они выдержаны в той речевой культуре, которая свойственна живущим на зауральской земле.

Птицы низко летают,
Птицы мир извещают:
Скоро туча устанет,
Резвым дождичком станет.
Миг один – под забором
Ручеек заструится.
Шаловливый и скорый,
В долгий путь он помчится. (1, 34)

А. Ахматова когда-то так определила свое поэтическое кредо:

Когда б вы знали,
Из какого сора
Растут стихи,
Не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Подобным образом пишет и Ирина Анисимова. Стихи зауральской поэтессы, как и произведения А. Ахматовой, часто «растут из сора». Образы, в обыденном восприятии недостойные стать предметом изображения поэзии, постоянно встречаются у Анисимовой.

Наливные ягоды смородины...
Как они лучисты и легки... (1, 29)

За тихим штакетником – мальва и мята,
Задумчивый клен у окна...
Из раннего детства, затишьем объята,
Мне видится сказка одна. (1, 57)

Мир дохнет для чудесами,
И вздохнув для порядка,
Пошевелит усами
Огуречная грядка. (1, 97)

Вообще для поэзии Ирины Анисимовой характерно тяготение к яркой образности, метафоричности. Стремление к всеобщей гармонии, к единству всего сущего – важнейший принцип художественного мышления поэтессы. В ее стихах мы видим как одухотворенную природу, так и человека, неразрывно с нею связанного:

...И как мил здесь, на краешке сада,
Изумленный ромашковый куст!
Благодать – здесь опять очутиться.

По траве босиком побродить.
Насбирать и с ладоней испить
Росяную живую водицу. (1, 69)

Предметом творчества Анисимовой чаще является природа Зауралья (за исключением нескольких стихотворений, посвященных другим областям и даже странам – «Осень в Самарканде» и некоторые другие – но и в них все показано или в сравнении с родной природой, или с тоской по ней) с его голубыми далями, пятнами озер, светлой печалью родных полей, поэтическими деталями деревенского пейзажа. Поэтесса любуется неброской красотой родного края не на показ, а как-то стеснительно, не желая до конца открываться в этом чувстве:

То трепет ранних ромашек
Встречает меня на пути,
То ласточка
Вольным крылом помашет ... (1, 76)

Еще одна особенность творческого почерка Анисимовой: она любит малогабальные строки. Почему так? Ответ можно найти, наверное, в том, как живут наши люди. Все самое важное они обговаривают сами с собой, а наружу это выходит через незаметный поступок:

На ту же тему вести:
Инфляция, народ...
А мой сосед невесте
Копает огород.
Нет у него валюты,
Негусто и рублей.
И что ни час – как будто
Копает веселей.
Не в том ли суть – до свадьбы,
Как яблочко – в пирог!-
Взрывление усадьбы
За выходной денек?... (1, 84)

Звукопись как художественный прием очень любима поэтессой; аллитерации делают речь то плавнее, напевнее, то динамичнее, резче («... Премудрый тополь мне бросает тени // на белый лист от солнечных ветвей // так грустно, словно в мире потрясений // он что-то знает о вине моей...»). (1, 59)

При кажущейся простоте ее поэтический язык богат контекстными синонимами, он ярок и метафоричен:

Меняют лики городов и весей,
И нив, и гор художники-века.
Но, словно в древности,
Уходят в поднебесье
Стволы берез, высоких, величавых,
И синь небес, как прежде, глубока. (1, 46)

В ее стихах каждое слово, высвеченное внутренним светом чистого и глубокого чувства, соседствует с гражданской поэзией трагического звучания, выражающей боль нашей действительности. Стихотворение «Открытые люки», посвященное родному городу Петухово, наполнено болью, тревогой за родину. Без чувства времени, без переживания за Отечество, без сострадания к людям нет поэта. А принятая в сердце поэта боль оборачивается светом строки. Все это у Анисимовой есть.

Ирина Анисимова не гонится за так называемой новой формой и тематикой, суть которой заключается в том, чтобы угодить довольно-таки сильно подпорченным вкусам сегодняшней публики, работать на «потребу улицы». Ее поэзия вполне укладывается в русло классической русской поэзии с ее традиционными темами, проблемами, мотивами, образами.

Поэзия И. Анисимовой скромна, ненавязчива и одновременно величава. При всей озабоченности и ответственности поэтессы лирика ее легка и непринужденна в своей сути. Думается, именно эта особенность стихов Ирины Анисимовой делает их особенно привлекательными для читателя.

Примечания

1. Анисимова И. Иду к тебе: Стихи / Сост.: И.А. Исаев, Я.Б. Пичугин. Курган: Реформа, 1995.

Шарипова Г. Р.,
Курганский государственный университет,
кафедра древней литературы и фольклора, аспирант

СОПРЯЖЕНИЕ АВТОБИОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОР В ПРОЗЕ И.М. ПЕРВУШИНА

Имя зауральского математика, священника И.М. Первушина довольно широко известно фольклористам, краеведам, ученым-математикам. В небольшой по объему литературе о жизни и деятельности И.М. Первушина отмечено, что он вошел в историю математики и фольклористики как ученый с разносторонними интересами. И.М. Первушин родился в 1927 г. в семье пономаря в городе Лысьве Пермской губернии. Как вспоминает сам Иван Михеевич: «В Лысьвенском - то заводе я и родился в воскресенье, при отходе обедни, часов в одиннадцать утра, и повит был в дедушкины порты, не знаю, по какому случаю... может быть, молоденькая мать моя - родильница не успела вынуть приготовленное для ребенка-первенца... Как бы то

ни было, а я сделался любимцем дедушки, еще ничего не понимая, а только пища бессмысленно» [ШВ, статья «Детство» №101, с.104-105]. Так как семья была большая: семнадцать братьев и сестер, на воспитание будущего математика взял его дед-священник, который «решил его сделать преемником у престола Божия и ревностно занялся его образованием». Как впоследствии писал Иван Михеевич: «При дедушкиной указке выучился я читать и писать. И на клирос. В старину все просто было» [ШВ, статья «Детство» №101, с.105-106]. Сначала грамоте Первушина обучал его дед, затем пономарь, а в возрасте восьми лет его отдали на обучение в Пермское духовное училище (1838 -1842). В 1842 г. его переводят в Пермскую духовную семинарию. В 1848 г. после успешного окончания Пермской духовной семинарии И.М. Первушин был рекомендован в Казанскую академию, где он проучился до 1852 г. После окончания академии (1852 г.) он стал преподавать математику в Пермской духовной семинарии и одновременно служить священником в городской Свято-Троицкой церкви. «Удушливая атмосфера губернского города, - как пишет далее Л.П. Осинцев, - вынуждает уехать его» [4, с.6]. В 1856 г. он приехал в село Замараево Шадринского уезда Пермской губернии и стал священником местной Знаменской церкви. О причинах своего неожиданного отъезда из Перми Первушин, по словам своих биографов, не любил говорить. О годах, проведенных в Перми после окончания академии, он так писал: «Но тут бушевали страсти и произвели столько крушений, что припамятование становится болезненным для меня, соблазнительным для других, возбуждающим ядовитые насмешки в прочих - злых сердцах» [ШВ, книга 2, статья 17; 1861 г.].

В.П. Тимофеев полагал, что отъезд из Перми был как-то связан с причастностью молодого священника к Пермско-Казанскому революционному кружку. Единственным аргументом служит документ, обнаруженный А.Е. Райк в ЦГИАМ, где упоминается имя Первушина в списке членов этого кружка. В этом списке под рубрикой «П» №8 значится: «Первушин, священник в Шадринском уезде Пермской губернии (сомнительно, чтобы нынче участвовал)» [8, с. 15]. В Пермской семинарии действительно существовало сообщество радикально настроенных учащихся, которые в 1859-1860 годах подпольно выпускали журнал «Семинарский колокол» (позднее - «Семинарский звонок»). Таким образом, В.П. Тимофеев, В.П. Бирюков предполагают, что Первушин покинул Пермь из-за участия в общественной деятельности в Казани и в Перми в 40-50-е годы. Так, В.П. Бирюков писал: «В 1850-х годах в семинарии возник революционный кружок, который наделал много хлопот священнейшему Синоду православной церкви» [1, с.131]. Л.П. Осинцев пришел к заключению, что И.М. Первушин «не поладил с чиновниками духовной консистории» [4, с. 7].

Н.А. Миненко и С.В. Федоров предположили: «О каких-либо «разоблачениях», связанных с этим сообществом и относящихся к середине 1850-х годов, сведений не имеется. Скорее, И.М. Первушин вынужден был покинуть Пермь из-за какого-то конфликта с властями. Характер у него был задиристый, и с начальством – и светским, и духовным – он и в шадринские годы вел почти непрерывную «войну»[2, с.129]. К.Д. Носилов в своей статье, посвященной Первушину, замечает: «... но обстоятельства складываются так, что наш академик возвращается на родину и поступает сельским священником на место» [3, с.66], что, конечно, не проливает свет на перевод ученого, преподавателя семинарии из столичной губернии в захолустье. С 1856 по 1883 г.г. И.М. Первушин прожил в селе Замараево.

В 1884 году его перевели на службу в город Шадринск – к Николаевской церкви. Однако, шадринский период жизни Ивана Михеевича (1884-1887) оказался коротким. В своем рукописном памфлете «Отрезвительное значение игральных карт» И.М. Первушин высмеял казенные звания и должности, сопоставленные автором с достоинством игральных карт. После следствия 29 марта 1887 года Екатеринбургская духовная консистория постановила лишить священника Первушина прихода. Основанием для этого послужило конфиденциальное сообщение начальника Пермского губернского жандармского управления полковника Евстифеева за № 642 от 25 октября 1886 г. В дальнейшем, при содействии Академии наук в 1887 году он получил новый приход в селе Мехонском Шадринского уезда, где священник – математик провел последние 13 лет своей жизни. Как отмечено в книге В.П. Тимофеева («Священник – математик Иван Михеевич Первушин»), «Мехонский период жизни И.М. Первушина был спокойным и плодотворным» [8, с.38]. Он переписывался с Академией наук в Петербурге, поддерживал связь с зарубежными коллегами и математическими учреждениями, был избран действительным членом физико-математического общества и находился в переписке с его председателем - профессором А.В. Васильевым, участвовал в международных математических конкурсах, издавал работы, которые публиковались не только в русских, но и в зарубежных изданиях (Казань, Париж, Цюрих, Неаполь). Еще при жизни о нем появилась статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Учредительный комитет по созданию фонда имени Н.И. Лобачевского для премирования выдающихся работ в области геометрии, созданный в 1893 году пригласил И.М. Первушина в свои почетные члены. В.П. Тимофеев, Л.П. Осинцев отметили связь Первушина с известными общественными деятелями. Первушин был знаком с историками Пермского края Д. Смьшляевым, А. Дмитриевым, зауральским краеведом А. Зыряновым. В Мехонку к нему приезжали О.Е. Клер с женой, писатель и путешественник К.Д. Носи-

лов, который впоследствии в своем очерке о Первушине «Священник - математик» отметил: «С о. Иваном можно говорить обо всем, он не узкий специалист, он много читает, выписывает до десятка разных журналов, следит даже за политикой и знает жизнь, литературу, вопросы дня почти так же, как любой столичный житель» [3, с.9]. Об отношениях сельского священника с передовыми людьми 19 века свидетельствует книга «Описание сельского духовенства», хранящаяся в Шадринском архиве Курганской области. Данная рукописная книга создана краеведом А.Н. Зыряновым. Из комментариев к ней ветврача В.П. Потапова можно непосредственно узнать о дружбе А.Н. Зырянова и И.М. Первушина.

К.Д. Носилов, посетивший И.М. Первушина незадолго до его смерти, так рассказывал об образе жизни И.М. Первушина: «У него нет свободного времени, он вечно чем – либо занят, и этот переход от работы к другой, от вопроса к другому, кажется, и наполняет так его жизнь, что он не замечает, как проживает целые годы. Говорят, порой, увлекаясь, он еще и теперь, как в прежнее время, просиживает целые ночи за математическими выкладками, когда ему не удастся их сделать днем из-за служб и треб»[3, с.10].

Умер Иван Михеевич Первушин в 1900 году в селе Мехонском Шадровского района, там он и похоронен.

Как философ, гуманист, ученый с мировым именем И.М. Первушин внимательно следил за развитием общественной мысли в России. Ему выпало быть свидетелем бурных общественных исканий, подготовки отмены крепостного права, последствий данной реформы. Из литературного наследия И.М. Первушина наиболее известным является его рукописный журнал «Шадринский вестник», а также несколько номеров рукописной газеты «Шадринская местность», написанные в переломные моменты в истории России – 1860-1862 годах. Единственный экземпляр хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), ф. 101., оп.1, д.600 [6]. Неполные машинописные копии находятся в библиотеке Шадринского пединститута. Рукопись из библиотеки Шадринского пединститута частично опубликована в «Шадринской старине» [5, с. 80-120]. Первая неполная публикация рукописного журнала Первушина «Шадринский вестник» была осуществлена К. Рождественской в «Уральском современнике» в 1942 году [7].

Эпоха отмены крепостного права отразилась на тематике «Шадринского вестника». Одной из самых примечательных проблем «Шадринского вестника» является человек в его сложном формировании.

В ходе подготовки реформы отмены крепостного права возникли размышления о человеке-крестьянине, о том, каково его положение в современном ему мире, кто и как ему может помочь, и, вообще, кто

является ответственным за человека и дела в России. Следует отметить, что для мыслителей каждой исторической эпохи характерно неослабленное внимание к проблематике человека, охватывающей различные стороны человеческой жизни, ее изъяны и изломы. Так, в рассуждениях о человеке, которые характеризуют философию 19 века, присутствует мысль о том, что человек загадочен, он представляет некую тайну. Стремление разгадать тайну является не просто любопытством, поскольку знания о себе необходимы человеку для повседневной жизни, для того, чтобы быть Человеком. Как отмечает П.С.Гуревич: «Мировоззренческие искания русских философов, причисляющих себя к самым различным духовным веяниям, имеют несомненную особенность: какой философской моде ни отдавалась бы дань, тема человека никогда не исчезала, не растворялась. Более того, это была по существу, не просто тема, а некий стержень, вокруг которого разворачивались философские сюжеты. Русские философы видели в человеке, независимо от своей романтической, славянофильской, западной или материалистической позиции, средоточие и ядро мысли, постигающей тайны бытия» [10, с.13].

История русской философии охватывает материалистические учения В. Белинского, А. Герцена, Н. Чернышевского и религиозный подход Н. Федорова, В. Соловьева, Н. Бердяева, Ф. Достоевского к человеку. А.И. Герцен считал: «личность создается средой и событиями, и события осуществляются личностями и носят на себе их печать» [10, с.340]. Прослеживается мысль о взаимодействии человека с социальной средой, в условиях которой и формируется человек. В русле религиозных исследований Ф.М. Достоевский в своих произведениях поднимает вопрос о природе и сущности человека, замечая, что человек в своей глубинной сущности содержит два полярных начала – бога и дьявола, добро и зло, которые проявляются особенно сильно, когда человек «отпущен на свободу». Актуальным является гуманистический подход к осмыслению проблемы человек. Лев Толстой в основу своего учения вкладывает веру в абсолютное добро, придающую смысл человеческой жизни. «И нет иной любви, как той, чтобы положить душу свою за други свои. Любовь - только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек отдает другому не только свое время, свои силы, но когда он трагит свое тело для любимого предмета, отдает ему свою жизнь – только это мы признаем все любовью и только в такой любви мы все находим благо. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир» [9, с.24]. В данной идее Л.Н. Толстого важно осознание, улучшение себя, борьба со злом в себе, личным самосовершенствованием.

Исследователями были раскрыты отдельные грани развития личности. Проблема формирования человека в целом, а также

автобиографизм не стали предметом пристального внимания. Исследовав рукописный журнал И.М. Первушина, можно прийти к выводу, что он пронизан автобиографизмом, под которым мы понимаем ориентацию писателя на собственный жизненный опыт, факты своей биографии, биографии людей, тесно с ним связанных. Автобиографизм дает искренность, убедительность, создает доверительную атмосферу между автором и читателем. Автор отталкивается от того, что видел и наблюдал, сам переживал. Особенность повествования Первушина заключается в том, что элементы его биографии растворены в широком контексте жизни Зауралья. Автором подчеркивается мысль о том, что своя собственная судьба необходима для обобщений, выводов, касающихся судьбы всей страны.

Понимание Первушиным человека на гребне общественной активности перелома XIX века является чрезвычайно своеобразным и злободневным. Недаром Иван Михеевич восклицал: «Я чернорабочий, ищу человека, а не барина, ищу труженика, а не формалиста» [ШВ, письмо №129].

Священник подчеркивает, что становление человека начинается в семье. Безусловно, очень важным оказывается для него повествование о своей семье, своих истоках. Поднимаются проблемы внутрисемейных отношений, уважения и любви друг к другу: «Бабушка не шибко полюбила невестку, а особенно дедушкой любимую мать мою – Прасковью Афанасьевну, которая тоже была своебытного нрава и не поддавалась молоденькому мужу; муж был моложе 9 ½ месяцами, она родилась 1806 года октября около 28 дня. Может и меня бабушка не шибко убаюкивала бы, если родительница моя не засыпалась и не оставляла меня реветь досыта, или не бросала спросонков «вместо кошки» на пол с голбца. Два воздушных параболических путешествия – с голбца на пол – около двух аршин, совершил я на первых днях по рождении за то, что беспокоил засыпавшую глубоким сном мать... Этот страх, этот испуг с детства и донныне – при начальнике, как и при разбойнике, при незнакомце и враге, – даже при получении письма, пакета, невольное давящее чувство, боль сердечная – не наследованы ли мною от первобытных моих падений, ужасных и адских для такой нежной пичужки – вершков в 10 или 12-ть?!». И.М. Первушин дает понять, что детские обиды не забываются. Горечь пережитого остается на всю жизнь. Возникает критическое отношение к матери: «Не знаю, друг мой, природа ли, судьба ли, или же это вместе поселили в мое сердце и матернее взаимное охлаждение и оттолкновение» [ШВ, статья «Детство» №101, с.103].

Иван Михеевич раскрывает значение матери в жизни человека. В этом аспекте характерна слитность автобиографизма и фольклора. В роли матери в становлении человека Первушин обращается к опыту народа, к обрядам.

Так, в статье «Детство» невозможно не заметить интерес Первушина к тайне появления человека на свет. Не случайно им был записан заговор от повивальной бабки, зафиксированы ритуальные действия с последом, матерью и новорожденным. Как священник и ученый точных наук ему, наверное, важно было понять крестьянское отношение к рождению человека, так как от рождения начинается жизнь человека и ответственность перед ней. «В Лысьвенском-то заводе я и родился, при отходе обедни, часов в одиннадцать утра, - пишет Иван Михеевич и рассуждает далее, - «кто думал тогда, что эта ничтожная былинка со временем умчится вихрем жизни в Пермь, в Казань, в село между Шадринском и Далматовым – в Сибирь, ближе к пепелищу и прахам 12-го или 15-го предка?.. Кто бы мог подумать? В духовенстве так еще все случайно, что трудно угадать, кто где будет, кто вознесется и где падет... Это не то, что в астрономии – предсказывают за тысячелетия путь и жизнь планетную и косметную!!!» [ШВ, статья «Детство» №101, с.103].

Кроме того, он подробно останавливается на жестоком обращении родителей с детьми: «Ныне не бьют, а прежде бывало – и моих несчастных сестер ни за что, за булавку, за иголку или равные им пустяки, хлещут плеткой трехвосткой, ременной «по чему попало, - колотя их лбом об пол, разят ухватом, ощепком, кулаком, даже шилом и молотком... Боже мой! Если вспомню, сердце кровью обливается... Бывало, хоть бы ни в чем не виноват, дрожишь, как бы ремень на спину тебе не сел... Драли до печенок... Преступлений было много, и били за все, за самое невинное и детское движение мышц и мыслей... Благочестивые и не подозревали в себе истязателей, - напротив, старались приумножать «раны» детям – увлекаясь премудрым Сирахом... С такой плантации поневоле вынесешь жесткое, черствое сердце; и нужны особенно переделки жизненные, чтоб отягчиться: но нет, невозможно ни братьям моим, ни сестрам (кроме разве последних, явившихся при смягченном деспотизме и сносной тирании) быть мягкосердыми после пашийской закалки... там истолкли их сердце в сухой порошок, там измололи в бус все их чувства... Грех и казнь – казнь здесь и за гробом, казнь в юности и до старости – вот что внушали...» [ШВ, статья «Детство» №101, с.104].

Поднимая проблему воспитания детей, он указывает на ошибки родителей, их последствия, что определяет педагогический, морально - нравственный характер статьи. И.М. Первушиным высказывается мысль о том, что у человека должно быть детство, должна быть мать с самых первых шагов. Обращаясь к своему детству, Первушин в идеал женщины включал материнские чувства, любовь и сострадание к детям. Семья формирует человека, из взаимоотношений с родными

складывается мировоззрение человека, его отношение к обществу, самому себе. Условиями формирования человека являются гуманистические законы. Первушин показал это не только на словах, но и на практике, создавая школы, одним из первых подчеркивая необходимость женского образования, разоблачая взяточничество канцеляристов, жадность и лихоимство церковнослужителей, оглашая бесправное положение крестьян, издевательства над ними со стороны духовного, гражданского и полицейского начальства: «Подкуп для всех ясен и явен... Обирают мужичков средь бела дня»; «Отвечай за все мужицкий пот и кровь. А образованные палачи и не подумают, как бы облегчить бремя угнетенных... Нет!»; «Честь и слава администраторам – взяточникам!...». На страницах журнала Первушин обращается к молодому поколению: «Ты, юное поколение! Мужайся, крепни в идеях, чтоб жизнь не выдернула из тебя первых начатков света и теплоты, чтоб не научила крючкотворству. А вы, отживающие свой век, посторонитесь!». Не смотря на трудности, Иван Михеевич до конца жизни придерживался своей гуманистической концепции, продолжал начатое дело: «Я ратую за идею добра, истины, красоты. Подлоостей не боюсь. Пусть мне подставляют ногу. Упаду, встану; другой за меня заступится, лишь бы возбудился дух храбрости, благоразумия и любви взаимной. Да здравствует порядок! Прочь бездельников!» [ШВ, январь 1862].

Примечания

1. Бирюков В. П. Уральская копилка. Свердловск, 1969. С.131.
2. Миненко С.А., Федоров С.В. Город на Исети: Страницы Шадринской летописи. Шадринск, 1997. 279 с.
3. Носилов К.Д. Священник – математик // Новое время. 1896. 6(18) июля.
4. Осинцев Л. П. Уральский математик И.М. Первушин. Челябинск: Южно – Уральское книжное изд – во, 1974.
5. Первушин И.М. Шадринский вестник // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия (Вторая половина 50-х начало 80-х гг. XIX в.). Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997.
6. Первушин И.М. Шадринский вестник // ГАСО, Ф.101, Оп.1, Д.600.
7. Рождественская К. Рукописный журнал математика Первушина // Уральский современник. 1942. № 6.
8. Тимофеев В.П. Священник-математик Иван Михеевич Первушин. Шадринск, 1996.
9. Толстой Л.Н. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1996. 224 с. – (Антология гуманной педагогики).
10. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIXв./ Редкол.: И.Т. Фролов (отв. ред.) и др. М.: Республика, 1995. 528 с.

ВОСПОМИНАНИЯ КУЗЬМЫ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЮГОВА

(Из личного архива Л.В. Серебровской, внучки А.К. Югова)

Из истории семьи. Запись 1949 года

Предки наши жили на реке Юг. Известно из слов моего отца Александра Симоновича и его двоюродного дяди, старейшего в роду, Фомы Семеновича Югова, что наши предки бежали после того, когда река Юг и значительная часть Урала при Петре Первом перешла в ведение государства, был основан завод, получивший название “Юговского завода”, и крестьяне были прикреплены к основному заводу.

Наши праотцы не захотели быть крепостными и со своими семьями бежали за Урал, на границу Татарии и Киргизии, где протекала река Миасс. Бежали с семьями два брата: одного звали Лаврином, а другого я не знаю. Лаврин осел в Галкиной, а второй брат переехал и поселился по другую сторону реки Миасс (там есть тоже семейство Юговых. Я встречал их в 1891-92 голодные годы в Златоусте, приехавших за хлебом).

Лаврин, как передают, был крупного роста и богатырского сложения и ходил и бил медведей из своего лука стрелами и ловил рогатиной. Тетивы этого лука никто не мог натянуть, она была собрана из жил какого-то животного и натянута на рога неизвестного зверя, вероятно, из породы оленей.

У Лаврина был сын Семен, а у Семена три сына: первый Андрей, второй Фома, а третий Сидор. Андрей Семенович имел одного только сына Симона, а у Симона Андреевича было три: старший Ефим, погибший в 1854 году при защите Севастополя. Это был, говорят, человек, необыкновенной силы: только он один мог натягивать тетиву Лавринова лука.

Второй сын Павел - бездетный, умер стариком около 40-45 лет тому назад.

Третий сын - Александр (умер в 1920 г. в 85 лет). Его сыновья: первый - Кузьма, родившийся в 1871 году, живет до сих пор и чувствует себя еще сносно, бродит и ухаживает за своей Тоней, 75-летней старушкой (родилась в 1874 г., а теперь идет 1949 г.). Второй сын Димитрий, родившийся в 1878 г., умер в Алма-Ате в 1924 или 1925 г. Была у Александра Симоновича еще дочь Евгения, умершая после родов в 1913 году.

Воспоминания, написанные в 1950-1951 гг.

День Крещения Господня, 19 января 1950 г. [...] Сижу у себя дома и решил, между делом, написать историю своей жизни, о чем давно просил меня Алеша.

В семь лет меня отдали в школу. Я был невелик ростом, но крепко сложен, закален суровой жизнью и если остался жив до сего времени,

то это объясняю я тем, что я бегал зимой босиком, загоняя с улицы гусей и птицу - уток, кур. Босиком часто бегал по снегу в черную баню и из бани домой. [...] Учителями моими были Елизавета Петровна Молотилина и Евграф Иванович Кузнецов; последнего я очень любил, и он меня тоже. Школа помещалась в доме дьякона, а потом перешла в новое здание. [...] Здесь в 1880 г., т.е. в 10 лет я окончил курс своего “университета”. По окончании этой школы учитель предложил мне заниматься с учениками младших классов; я согласился и был очень доволен положением учителя, в должности которого провел весь учебный год. Когда были экзамены, то Евграф Иванович представил меня комиссии как хорошего преподавателя. Комиссия тут же решила отправить меня для учения в какое-нибудь высшее училище. Я согласился, согласился и отец, за которым был послан сторож. Незадолго перед началом учебного года я получаю открытый лист на взимание одной лошади до города Шадринска, где я должен был сначала пройти курс городского училища. На мое несчастье, отец повстречался с волостным писарем Константином Васильевичем Шаламовым. Тот его разочаровал, наговорил: “Кузьма выучится и забудет о тебе, как отце” и предложил отдать меня к нему в помощники, сказав: “Он способный мальчик и скоро будет здесь же в Галкиной, вместо меня, волостным писарем.” Отец согласился, и ни мои слезы, ни настояния учителя не изменили решения отца. [...]

Отпуская меня 14-летним мальчуганом из дома на чужую сторону (за мною приехала издалека жена волостного писаря Шаламова, у которого я учился и служил ему помощником), отец благословил меня, дал наставление и сказал, “Если ты будешь жить честно, по-Божески, то моими молитвами Господь и Матерь Божия будут охранять тебя от всяких бед и напастей врагов твоих”. [...]

В 1887 г. я переехал в Заманилки Челябинского уезда тоже помощником писаря к своему бывшему патрону Константину Васильевичу Шаламову, поступившему туда волостным писарем. Шаламова начальство перебросило в Иванково на Миасе, а я остался служить у Григория Павловича Саламатова. Прослужил я у него больше двух лет. Он и его жена Елизавета Александровна очень меня полюбили и никак не хотели отпускать меня от себя. Я был помощником, помогал в хозяйстве. [...] Дочь Саламатовых Антонина с двумя соученицами была дома на каникулах. Когда гостила Тоня со своими подругами, тогда у нас было большое веселье: мы играли в мяч, в перегонки, пели и плясали под татарскую музыку, играя на “кумысе” - губном инструменте со струной и с костяной тонкой пластинкой. Весело было, когда Тоня приезжала на рождественские каникулы, тогда мы играли в карты вместе с ее мамой, читали газеты, журналы и книги. С Тоней у нас

были братские отношения; я любил ее, и она тоже полюбила меня. Мне тогда было 16, а ей 13 лет. Училась она в Челябинской прогимназии и окончила ее с золотой медалью. Уезжая учиться, Тоня оставила мне свою грамматику, и я усердно изучал правописание.

[1889-1890]

Приехав домой [на свою родину, в Галкину], я на другой день поехал на свое поле “Дубраву”. Какая чудесная пшеница - уже колосится, какой чудесный овес и какая чудесная конопля и лен, а также рожь, горох - прямо сердце радуется. Я решил остаться и быть культурным хозяином. Я мечтал, что ведя культурное хозяйство, я могу получить место в земстве, тем более если буду от волости гласным, то есть депутатом на земское собрание. Я говорить умел и был очень смелым, и по убеждениям народолюбом. Но судьба заставила изменить принятое мною решение. Так вот что произошло с нашими полями: на другой день приезжает с поля отец, такой мрачный, угнетенный. Спрашиваю. “Что с тобой?” “Беда нам! ночью была сильная гроза с градом очень крупным, захватила всё наше поле и уничтожила весь посев”. Сажусь на эту же лошадь и еду в “Дубраву”; приезжаю - и вижу такую картину: весь хлеб побит градом и настолько сильно, что растения вбиты в землю и искалечены настолько, что не будут в состоянии подняться. Град еще не успел растаять и лежал на посевах грудями. Перебита даже на сенокосе нескошенная трава.

Мои надежды на хороший урожай не оправдались, а вместе с этим у меня исчезла уверенность и появилось сомнение, что Тоня Саламатова, которую я по-прежнему сильно любил, может не дожидаться моего “восхождения вверх по службе” и выйдет замуж; претендентов ведь у нее много, и люди все с положением и состоятельные; некоторые из них имели даже хорошую торговлю и хозяйство. Мне же, если бы я остался при моем хозяйстве, предстояло в некотором времени получить назначение членом Земской управы, а дальше все зависело от крестьян, я мог добиться должности председателя. Крестьяне же меня знали раньше, когда я при Шаламове служил помощником, а работал за писаря. Все же я надеялся, что Тоня меня еще не разлюбила и будет по окончании прогимназии жить у отца или поступит учительницей, а потом когда я буду волостным писарем, мы и повенчаемся с нею. Её родители, я знал, будут на моей стороне. [...]

[1891-1892]

[...] Прогуляли мы с Тоней по Каминскому лугу до поздней ночи. Сидели под ветлой, где окончательно договорились насчет нашего бракосочетания. Решили повенчаться после моего призыва, если меня только не забреют в солдаты. [...]. Скоро наступил призыв, а я уже служил волостным писарем в Куртамыше. [...] Вернувшись свободным

гражданином, я, накупил своей невесте разных подарков: браслет, брошку и серьги и немедленно поехал к ней в Каминскую: приехал как раз к пельменям - было заговенье 14 ноября. [...] После пельменей подали чай; все собрались в столовой; я встаю и, обращаясь к Григорию Павловичу и Елизавете Александровне, говорю: “Я к вам приехал, мои дорогие старички, не только как гость, но в качестве претендента: я прошу Вашего согласия на наше бракосочетание с вашей милой дочерью Антониной Григорьевной”. Это их, к моей радости, нисколько не смутило и не удивило. Смотрю: Тоня убежала в свою комнату. Я за ней, схватил ее и представил перед очами родителей; Тоня вся дрожит - она не хотела, чтобы так скоро совершилось это. Я прошу благословить нас. Григорий Павлович спрашивает Тоню: “Если у вас с Кузей есть горячая любовь, то я очень рад буду вашему браку”; то же сказала и Елизавета Александровна, прибавивши, что Кузю она и так считает как бы за своего сына. Я валюсь в ноги и тащу за собою Тоню. Она как-то растерялась, но все-таки упала на колена, и нас благословили. Пригласили священника и совершили обручение: кольца я купил заранее.

На другой день Григорий Павлович просит меня, чтобы я из Куртамышша перешел в Каминскую, а он по своей болезни попросит свое начальство об увольнении и о назначении вместо него меня как будущего близкого родственника. [...]

Вот и наступил долгожданный день 27 января 1893 года. Гости собрались: Широнины на тройке, наша тройка и три тройки нанятых, и вот весь свадебный поезд из пяти троек двинулся в Редуть (Редуть нашей волости в 15 верстах от Каминской) мимо нашей Каминской церкви. [...] Наш поезд едет по бору, а снег крупными хлопьями медленно покрывает лошадей и пассажиров. Изумительная это была картина: медленно падающие крупные хлопья снега, и все едущие сплошной пеленой были покрыты им.

Вот и церковь. Поезд вваливается в поповский двор. Приехавшие, отряхиваясь от снега, входят в дом, потом, оправившись, все идут в церковь. Отец Геннадий облачается, и начинается обряд венчания по православному. Венчание было очень торжественным; нас окружали свахи и шафера, церковь была хорошо освещена, были певчие. Обряд окончен, я целую свою невесту, целуют нас и все участвующие в этом торжестве. Из церкви двигаемся в покои отца Петра; там уже был накрыт магушкой роскошно уставленный винами и закусками стол. Приглашают поздравить новобрачных. Поздравили как следует, и опять в сани, и поезд двинулся обратно, домой в Каминскую. Я сидел в своих санях, со своей невестой Антониной Григорьевной, уже Юговой, а вперед она ехала со свахами.

Вот поезд прибыл к дому, все выходят, мы с Тоней падаем в ноги, и нас благословляют родители иконой. После общих

поздравлений все садятся за столы, и начинается “пир горой”... [...] Будучи женихом, я купил в Звериноголовской на Никольскую ярмарку пару хороших лошадей, и мы с молодой женой, любимой Тоней, катались и ездили в гости. Жизнь у нас потекла хорошо и счастливо: оба были полны своей взаимной любовью.

В первый год нашей женитьбы я построил в Каминской дом и каменную лавку. [...] Постройка дома обошлась приблизительно около 600 рублей, а лавка около 500 рублей. До переезда в дом и до открытия лавки мы ситец хранили в комнате, а выезжали с ним только на базар, где у нас из плетней была построена примитивная лавчонка. [...] Когда перебрались в новый дом со всей семьей и перевезли ситец, тогда все изменилось к лучшему, и дело пошло все по-иному.

Я отдался полностью торговле; завел знакомство с куртамышскими купцами. [...] Эти купцы и фирмы мне открыли неограниченный кредит, и я всегда в назначенный срок аккуратно погашал свою задолженность. Скоро моя фирма загремела на весь наш район.

Через несколько лет я открыл маслодельный завод, и дело пошло прекрасно: я покупал у крестьян молоко, а выработанное из него масло сдавал экспортным фирмам: датским, английским, частью немецким. Цены на молоко я держал всегда выше цен, какие давали мои конкуренты; особенно я вел войну с Союзом маслодельческих артелей и цены держал выше на несколько копеек за пуд против цен, которые он давал своим членам-артельщикам. Экспортные фирмы всегда платили мне за мое масло выше на рубль-два за пуд, так как качество масла было очень высоким. Я за него имел даже Серебряную медаль от Омской сельскохозяйственной выставки. Сдатчики молока забирали за него товаром, что было для меня очень выгодным делом. Я же помогал им покупать дойных коров, и они увеличивали свое стадо и улучшали свое хозяйство. Маслоделие у меня было поставлено на высокую степень, и моя марка даже пользовалась большой известностью за границей. Я имел клеймо и отмечал им свое масло. Производительность завода достигала у меня до 10 тысяч пудов масла в год. В последние годы я масло отправлял на комиссию в Лондон, фирма “Стивенс” и продавал его тогда, когда цены на бирже значительно повышались, и я имел разницу против курганских экспортеров на 2-3-5 рублей за пуд. Все расчеты и операции с фирмой “Стивенс” у меня велись с представителем фирмы в Кургане англичанином (Иоанн Иоанович, фамилию забыл). Фирма добросовестно выполняла мои поручения и срочной телеграммой давала знать о повышении цен и просила моих распоряжений. Я давал эти распоряжения: “продать” или “ подождать”, а сам следил за состоянием дел на Лондонской бирже по бюллетеням, которые давали мне знакомые экспортеры, связь с которыми я поддерживал. Масло, чтобы оно было крепким, я сдавал на хранение в холодильник (в

Кургане) и отправлял его тогда, когда начиналось повышение цен на бирже. Охлажденное масло хорошо выдерживало перевозку.

[Постройка водяной мельницы]

[Старая мельница Балашова] не давала никакого дохода; плотинка давала течь, потому что постройка ее производилась скоростным методом и очень небрежно; Балашов был в отчаянии и решил мельницу продать. В декабре приезжает ко мне и говорит: “Кузьма Александрович, покупай у меня мельницу”. [...]

[...] Новый год встречали у меня; было много гостей; проведивши гостей, перед утром мы с Тоней уснули. Вдруг сильный стук в двери, просыпаемся и видим посланца с мельницы, одного из засыпок, который сообщил нам печальную весть: мельницу промыло, послали в Белое за народом. Я велел работнику запрячь иноходца, и мы с Тоней (она никогда от меня в поездках не отставала) приезжаем на мельницу: стоит шум и грохот, мост перед мельницею упал, поехали по льду выше мельницы, лёд уже в пруде упал, и мы насилу переехали на мельничную сторону; кругом мгла, туман от воды, ничего не видно; много народа стоит в бессильной растерянности и молча глядит на разбушевавшуюся стихию. Берег обваливается, народ отступает к дому. Я заметил, что волна воды бьет и подмывает берег, и берег дал трещину позади стоящего там народа; я закричал: “Долой с берега!” Народ попятился к дому, и берег на расстоянии 5-6 аршин обрушился в воду. Если бы я не заметил трещины, то всех стоящих на подмытой части берега она похоронила бы навечно. [...]

Я лично приступил к восстановлению разрушенной мельницы.

Первым делом была разборка потонувшей мельницы и извлечение жерновов; благодаря сильным морозам лед окреп настолько, что выдержал тяжесть жерновов. Когда вытащили жернова, то остатки мельничного корпуса поднялись наверх, и легко было разобрать, и все это было вытащено. [...] Разрушенная мельница имела четыре постава и колеса в вышину имели 5 аршин, а новые я размер их увеличил на 1,2 аршина, то есть до 6 с половиной аршин. Позже эти колеса и поставы звали богатырями. [...]

Были построены специальные сплавы-ледодержатели - оригинальное сооружение. Позади сплавней выдалбливалась во льду канава, и сплавы сваливались в эту канаву и лежали в ней до вскрытия реки. Прибывающей водой поднимало лед, с ним поднимались и сплавы, не давая ему двинуться на плотину. Сплавы располагали от плотины и вешняка приблизительно в 25-30 сажнях, а лед ниже сплавней мною привязывался к сплавным канатам. Делалось это так: на некотором расстоянии одна от другой во льду прорывались небольшие проруби, в них погружались нетолстые палки, перевязанные посередине веревками, а эти, в свою очередь, привязывались к

протянутым канатам и лед держали до тех пор, пока его не размывала вода. Когда этот лед исчезал, образуя между сплавнями и плотиной свободное пространство, то сплавни механически продвигались вперед по течению, образуя полукруг, за ними продвигается и задержанный ими лед, подходя и вплотную останавливаясь у сплавней. Затем сильным течением остановившийся лед размывается и исчезает, и его место занимает другая партия и тоже размывается и так далее, пока в течение двух суток он со всего русла не подвергнется подобному уничтожению. Интересно было наблюдать такую картину: подплывает медленно к сплавням громадная, толстая льдина, снятая с озера или болота, ударяется своим краем в сплавни, казалось, порвет эту цепь, но ничего подобного: сплавни спячиваются по воде и вытягиваются по диагонали, льдина потеряла свой разбег, останавливается, а сплавни приходят в свое прежнее состояние и начинают спячивать ее вверх, а потом вода своим течением её размывает до основания. Эти сплавни прослужили 32 года.

Я за три месяца построил шестипоставную мельницу. [...] Мельницу я опалубил снаружи и внутри и окрасил в красный цвет, крышу покрыл железом. Через три месяца работала мельница блестяще, перемальвала на каждом поставе по 1 тысяче зерна, а “богатыри” от 1200 до 1500 пудов в сутки.

**СОДЕРЖАНИЕ
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

Смирнова А.А.
КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУР В
ДИЛОГИИ А.К. ЮГОВА «РАТОБОРЦЫ».....3

Михашенко А.Л.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ А.К. ЮГОВА «ШАТРОВЫ»...10

Туболова Е.Н.
МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСКИ А.К. ЮГОВА В ГУ «ГАОПДКО».....13

Толстых Н.Ю.
КУЗЬМА АЛЕКСАНДРОВИЧ ЮГОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ.....21

Федорова В.П.
ОЧАГИ КУЛЬТУРЫ В ЗАУРАЛЬСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 20-х ГОДОВ
XX ВЕКА.....32

СЕКЦИЯ 1: ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР ЗАУРАЛЬЯ

Грибанова О.Д.
ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬСКИХ
ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ.....38

Григорьева А.Б.
МОТИВ БРАКА У ВОДЫ В СВАДЕБНЫХ ПЕСНЯХ И СКАЗКЕ
(СОПРЯЖЕНИЕ РАЗНЫХ ФОРМ ФОЛЬКЛОРА).....43

Гришмановская О.Л.
РУССКИЕ ФАМИЛИИ В РЕВИЗСКОЙ СКАЗКЕ 1858 ГОДА
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КУРГАНСКОГО ОКРУГА УСТЬ-
СУЕРСКОЙ ВОЛОСТИ.....49

Никонова Е.Б.
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМО-АНТОНИМИ-
ЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
СУБКТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ.....52

Селина Н.Е.
ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА СВЯТОЧНЫХ ГАДАНИЙ
В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ.....57

Спицын Ю.В.
ОБРЯД ИНИЦИАЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
(«ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА», «ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ»)
И РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ.....64

Сысуева Р.П.
РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА 1858 ГОДА СЕЛА УСТЬ-СУЕРСКОГО
УСТЬ-СУЕРСКОЙ ВОЛОСТИ КУРГАНСКОГО УЕЗДА КАК
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.....70

Уланов А.В.
ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА В ДОКУМЕНТАХ
АРХИВОВ ЮЖНОГО УРАЛА, ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....75

Черницына С.А.
НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА ПРИТОБОЛЬНОГО
РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....82

СЕКЦИЯ 2: ВОПРОСЫ СУБКУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ

Бавыкина С.А.
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕКИ КАК
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ.....86

Белоусов А.Д.
ЕЩЕ РАЗ О ЮГОВЕ.....89

Максимова О.А.
ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ – ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВ-
ЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК ЦБС Г. КУРГАНА ПО
РАСПРОСТРАНЕНИЮ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В XXI ВЕКЕ.....92

Подкорытова Л.Г.
СЛОВО О СЛОВЕ97

Рохлина А.М.
ФОЛЬКЛОР И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЕ.....99

Рычкова Е.В.
СВОЕОБРАЗИЕ ИДИОСТИЛИЯ ЗАУРАЛЬСКОЙ ПОЭТЕССЫ
ИРИНЫ АНИСИМОВОЙ103

Шарипова Г.Р.
СОПРЯЖЕНИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ
МОТИВОВ В ПРОЗЕ И.М. ПЕРВУШИНА108

ВОСПОМИНАНИЯ КУЗЬМЫ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЮГОВА.....116